

Олег Кузнецов

**«Дорога на Гюлистан...»:
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО УХАБАМ ИСТОРИИ**

*Рецензия на книгу О. Р. Айрапетова,
М. А. Волхонского, В. М. Муханова
«Дорога на Гюлистан...
(Из истории российской политики
на Кавказе во второй половине XVIII —
первой четверти XIX в.)»*

Москва — 2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(2)613
К 89

К 89 Кузнецов О. Ю. «Дорога на Гюлистан...»: путешествие по ухабам истории (рецензия на книгу О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского, В. М. Муханова «Дорога на Гюлистан... (Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.)»). М.— Тула: Гриф и К, 2014.— 196 с.

ISBN 978-5-8125-

Монография посвящена критическому разбору содержания книги О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского, В. М. Муханова «Дорога на Гюлистан... (Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.)», изданной Международным институтом Новейших государств в 2013 году. Автор на конкретных примерах показывает методологические ошибки авторов рецензируемого издания, анализирует допущенные ими искажения исторических фактов, что в совокупности рисует картину широкомасштабных фальсификаций событий и процессов отечественной истории в регионе Кавказа, являющихся визитной карточкой деятельности в последние годы издателя рецензируемой книги — Международного института Новейших государств. Впервые в российской историографии представлена библиография печатных работ и коллекций источников по истории политики Российской империи в отношении Кавказа во второй половине XVIII — первой четверти XIX века.

Рассчитана на профессиональных историков, политологов, обществоведов, аспирантов и студентов исторических факультетов вузов России и зарубежья, всех интересующихся историей России в регионе Кавказа.

ISBN 978-5-8125-

© Кузнецов О. Ю., 2014

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В декабре 2013 года Международный институт Новейших государств разместил на своем сайте электронный вариант монографии О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского, В. М. Муханова «Дорога на Гюлистан... (Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.)»¹, датой выхода которой из печати в издательстве «Книжный мир» значится 2014 год. Издания, выпускаемые этим учреждением по истории политических и государственно-правовых процессов Нового и Новейшего времени на Центральном Кавказе и в Черноморско-Кавказском регионе в целом, традиционно отличаются сугубой «спецификой» содержания и характеризуются тенденциозностью подбора и изложения материала, граничащей с прямой фальсификацией (интеллектуальным подлогом) содержания используемых архивных документов, а поэтому требуют к себе осторожного подхода и максимально критичного отношения.

Например, в 2012 году под грифом Международного института Новейших государств был выпущен сборник интернет-публикаций на сайте ИА REGNUM Станислава Тарасова «Мифы о карабахском конфликте»², автор которых, опираясь на ранее опубликованный сборник документов «Геноцид армян: Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества: доку-

¹ Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан... (Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.), М.: Книжный мир, 2014.

² Тарасов С. Н. Мифы о карабахском конфликте. М.: Книжный мир, 2012.

менты и комментарии»³, подготовленный и изданный Армянским институтом международного права и политологии при Союзе армян России, не только произвольно цитировал документы внешней политики Советской России 1920-х гг., делая купюры по своему усмотрению, но и преднамеренно при цитировании искажал оригинальный текст архивных источников, хранящихся ныне в Государственном архиве Российской Федерации и Архиве внешней политики Российской Федерации. Чтобы выявленные факты умышленно совершенных нашими коллегами фальсификаций источников стали достоянием российской и международной научной общественности и не привели к дальнейшему искажению их представлений о документально закреплённой исторической действительности, нам пришлось подготовить критический разбор материалов этого сборника под названием «Правда о «мифах» карабахского конфликта»⁴, вскрыв факты фальсификаций и выявив причины, побудившие С. Н. Тарасова к такому действию, не согласующемуся со статусом профессионального историка и честного политолога.

В предыдущие годы Международный институт Новейших государств активно сотрудничал с общественной организацией «Русско-армянское содружество», выпуская под своим грифом книжную серию «Библиотека русско-армянского содружества». Данная организация с момента своего учреждения в 1990-е гг. в России позиционировала и до сих пор продолжает позиционировать себя как Московское бюро Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн» и как московский офис «Ай Дата» (или «Армянского суда») — международного армянского Интернационала. Как известно, АРФ «Дашнакцутюн» является политической партией Республики Армения, имеет в ее национальном парламенте фракцию в составе 11 депутатов, а поэтому деятельность ее структурных подразделений (даже в иной организационно-правовой форме и под другим названием) на территории Российской Федерации

³ Геноцид армян: Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества: документы и комментарии: В 2-х тт. / Под ред. Ю. Г. Барсегова. М.: Союз армян России, 2002–2005.

⁴ Кузнецов О. Ю. Правда о «мифах» карабахского конфликта. М.: Минувшее, 2013.

является противозаконной в соответствии с нормой ч. 6 ст. 9 федерального закона «О политических партиях» № 95-ФЗ от 11 июля 2001 года. Получение от нее Международным институтом Новейших государств денежных средств на выполнение своих гуманитарных исследований как от иностранной политической партии автоматически ставит его в один ряд с прочими российскими некоммерческими организациями, «выполняющими функции иностранного агента», деятельность которых в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от 12 января 1996 года осуществляется на территории России «в интересах иностранных источников». Финансовая зависимость от иностранных бенефициариев предопределяет содержание, характер, направленность и тональность исследований, выполняемых сотрудниками этого учреждения, результаты которых практически используются политическими кругами Республики Армения в своих интересах, в том числе и на территории Российской Федерации, зачастую вопреки ее национальным интересам, особенно в случаях прямой фальсификации исторических документов, приводящих к дискредитации нравственного авторитета и норм академического этикета российской исторической, обществоведческой и всей гуманитарной науки.

В силу указанных выше причин мы вынуждены с особым пристрастием относиться ко всему тому, что издается под грифом Международного института Новейших государств, поскольку каждое издание такого рода может нести в себе элемент академической недобросовестности и даже прямого обмана читателей. Данная публикация является результатом такого «предвзятого» и в полной мере субъективного отношения к научным трудам, издаваемым этим учреждением. В аннотации к рецензируемой книге издательства «Книжный мир» сказано: «„Дорога на Гюлистан” — это широкая историческая картина событий, значение и значимость которых достойны трезвого взгляда» (с. 2). Уверены, что трезвость ума и адекватность восприятия содержания работы не оставят нас на всем протяжении ее критического анализа и комментирования.

ВВЕДЕНИЕ

Искушенному читателю, человеку с советским классическим университетским образованием в области гуманитарных наук, сразу же бросается в глаза крайне неудачная формулировка названия книги — «Дорога на Гюлистан...». Дело в том, что топонимом «Гюлистан», переводимым со всех тюркских языков как «цветник», в ареале их традиционного распространения названы сразу несколько географических объектов. Так в Азербайджане называется горное урочище и впоследствии возникшее в нем село в Геранбойском районе, где в 1813 году располагался лагерь русских войск, в котором и был подписан Гюлистанский договор, получивший по названию урочища свое историческое наименование. В нынешнем Узбекистане такое название носит административный центр современной Сырдарьинской области, город с почти что 100-тысячным населением, именовавшийся в разные десятилетия как Мирзачуль или Голодная Степь. Соответственно, у образованного читателя сразу же возникает закономерный и разумный вопрос: о каком Гюлистане идет речь, об азербайджанском или об узбекском?

Подзаголовок книги — «Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.» — как бы дает ответ на него, адресуя читателя к региону Кавказа, но и этот шаг вряд ли можно считать абсолютно удачным, так как одноименные урочище и село все-таки являются реальными географическими объектами, а не абстрактными символами исторического события и неразрывно с ним связанного международно-правового документа. Похоже, что авторы рецензируемой книги не знали о подобном топонимическом дуализме, иначе не дали бы ей такого двусмысленного названия (согласитесь, что для сознания нор-

мального человека словосочетание «дорога на Гюлистан» означает все-таки проезжую дорогу в сторону города, а не труднопроходимую горную тропу в сторону безжизненного или малонаселенного урочища). Адекватно на подобную «историю с географией» может отреагировать, т. е. сразу понять, что речь в книге все-таки идет именно об азербайджанском Гюлистане, по наименованию которого получил свое название и Гюлистанский договор, а также о самом этом договоре и событиях, с ним связанных, только человек односторонне развитый, для которого именно Кавказ, а никак не Центральная Азия или какой-то иной регион планеты является центром если не мироустройства, то его субъективного миропонимания. Своеобразный «кавказоцентризм» тематики исследований и публикаций всегда был свойственен Международному институту Новейших государств, что вполне согласуется с его тесными связями с политическим истеблишментом Республики Армения, и это обстоятельство, как ни какое другое, разумно и логично объясняет незнание авторов рецензируемой книги относительно существования еще и узбекского Гюлистана. Конечно, на эту географическую и филологическую небрежность авторов и издателей книги, связанную с ее заголовком, не стоило бы обращать особого внимания, если бы она не являлась предвестником еще целого ряда внутренних патологических пороков этого издания.

Тематика русско-персидской войны 1804–1813 гг. и неразрывно с связанного с ее результатами Гюлистанского договора традиционно находилась и, к сожалению, до сих пор находится на периферии внимания и интереса представителей не только российской исторической науки, но их коллег из стран Центрального Кавказа и других зарубежных государств. Такое положение дел вполне объяснимо тем, что завоевание Российской империей большей части современного Азербайджана хронологически совпало с более масштабными и поистине судьбоносными для всего мира событиями времени Наполеоновских войн в Европе, Северной Африке, Передней Азии, отголоски которых чувствовались и в Северной Америке, и на Индостане, не говоря уже про Кавказ. Гибель целых стран и правящих династий в начале XIX столетия, сопровождавшая их трансформация границ в Европе, являвшаяся тогда центром ойкумены, всегда были более интересны для ума

и более притягательны для игры воображения историков, чем не менее интригующие, но, увы, локальные по характеру и масштабу события и перипетии борьбы в Закавказье. Именно поэтому на всем протяжении XIX и XX века та война в российских и иностранных исследованиях если и описывалась, то только абрисно, в общих чертах, зачастую без изучения местных источников, хотя в мировой истории XIX столетия являлась самой продолжительной войной между странами. Вся эпоха Наполеоновских войн представляла собой череду непродолжительных кампаний, длившихся, как правило, от нескольких недель до полутора лет, и только две войны того времени, неразрывно связанные логикой геополитических причин — русско-персидская 1804–1813 и российско-британская 1807–1812 гг., — стоят обособленно от тождественных им по характеру и содержанию событий, отличаясь своей продолжительностью.

200-летие заключения Гюлистанского мирного договора между Российской империей и Персидским шахством, определившего на столетия вперед политическую и повседневную жизнь миллионов жителей регионов Центрального и Южного Кавказа, могло и должно было стать юбилейным поводом к планомерному осуществлению комплекса серьезных научных исследований, труд выполнения которых должны были, по идее, взять на себя академические научные учреждения России, Ирана, Азербайджана, Грузии и Армении — тех стран, исторические судьбы которых два века непосредственно и неразрывно связаны как с самим этим международно-правовым актом, так и с предшествующими его заключению событиями русско-персидской войны 1804–1813 гг. Однако, к сожалению, этого не произошло, и этот факт наглядно свидетельствует о том, что у историков и обществоведов стран Кавказского региона за двести минувших лет так и не сформировалось не только какой-либо четкой и концептуальной оценки событий того времени, а также их причин и последствий, но и вообще не выработалось внятной нравственной позиции на этот счет, без которой всякая попытка формулирования такой оценки окажется провальной.

Вполне возможно, что политические элиты, находящиеся у власти в странах Кавказского региона (в широком понимании этого

термина, т. е. включая Россию, Иран и Турцию), в настоящее время не заинтересованы в проведении вдумчивого и серьезного академического анализа событий двухсотлетней давности, поскольку объективное наличие неопределенности научных оценок на этот предмет оставляет в их распоряжении дополнительные политические и нравственные инструменты для реализации своей внешней и внутренней политики, а поэтому не сделали соответствующего государственного заказа ученым, работающим в национальных научных учреждениях. Также не следует исключать и возможности того, что интеллектуально развитая часть общества стран Кавказского региона сегодня объективно не испытывает потребности в глубоком осмыслении или переосмыслении содержания и последствий исторических событий, связанных с Гюлистанским договором, поскольку это может стать причиной весьма неудобной с эмоциональной точки зрения корректировки субъективных и корпоративных стереотипных представлений о событиях того времени и всей той исторической эпохи в целом, помешать осознанию нынешнего и стремлению в будущее.

Как бы то ни было, факт остается фактом: 200-летие Гюлистанского договора для историков и обществоведов абсолютно всех стран Кавказского региона не стало ни поводом, ни причиной для проведения серьезного научного исследования по этой «юбилейной» теме. Однако, справедливости ради, следует заметить, что и во все предыдущие годы, десятилетия и даже исторические эпохи факт подписания Гюлистанского мирного договора не нес в себе стимулирующего потенциала для историков, подвигая их на исследования по данной проблематике. Достаточно сказать, что в российской исторической науке имперского, советского и новейшего периодов, равно как и в научных школах постсоветских государств никогда не было и в последний год не появилось ни одного монографического исследования, специально посвященного как событиям русско-персидской войны 1804–1813 гг., так и Гюлистанскому миру. В результате на поле интеллектуального познания общего для всех народов Кавказского региона прошло-го образовалась никем из академических исследователей или учреждений не заполненная «историческая лакуна», наличие которой стало не только раздражающим фактором, но и источником

появления публикаций, по своему происхождению и содержанию далеких от эталонов и идеалов классической исторической науки. При этом основную роль в появлении на свет и распространении среди наших современников, сохранивших способность и интерес к чтению интеллектуальной русскоязычной литературы, в условиях, когда официальная академическая наука инициативно отвернулась от изучения ряда «неудобных» тем, играют негосударственные структуры, к числу которых относится и Международный институт Новейших государств.

Данное учреждение в настоящее время (и этот факт нам следует признать честно) является единственной в Российской Федерации структурой, которая последовательно и целенаправленно разрабатывает тему истории российского присутствия и двухсотлетнего государственно-административного и военно-политического господства за Главным Кавказским хребтом, что в условиях интеллектуальной пассивности и отчасти даже самоустраненности сотрудников академических институтов России, Азербайджана, Грузии и Армении позволяет сегодня Международному институту Новейших государств объективно и вполне заслуженно претендовать на лидерство в исследовании этой проблематики. Занятые им лидирующие позиции превратили это учреждение в безальтернативный на всем постсоветском пространстве интеллектуальный центр, на основе теоретических разработок которого формируются взгляды и представления по истории и современности Закавказья практически всей русскоязычной читающей публики (за исключением, пожалуй, одного Азербайджана), интеллектуальным авангардом которой являются представители общественных наук и «свободных искусств» — историки, обществоведы, политологи, публицисты и журналисты, пишущие на соответствующие темы. Руководство института ставит перед собой задачу превратиться из «ловца душ» (это у него уже достаточно хорошо получается) во «владельца дум» (пока это у него получается не очень хорошо), и инструментами достижения этой цели становятся книги, подобные «Дороге на Гюлистан...», в которых явь и сказка, правда и вымысел умело комбинируются, переплетаются и дополняют друг друга, от чего приобретают дополнительную привлекательность для ума не искушенного в науке читателя.

К сожалению, в силу изложенных выше причин деятельность Международного института Новейших государств нередко приводит не просто к банальному искажению исторической действительности, но даже к созданию в воображении определенной части русскоязычных читателей мифологической квазиреальности. Книга О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского, В. М. Муханова «Дорога на Гюлистан... (Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.)» как раз является результатом такой деятельности. Издательство «Книжный мир», тесно сотрудничающее с Международным институтом Новейших государств, зная о такой особенности данного учреждения, в аннотации к изданной им книге честно предупреждает читателей: «История Гюлистана востребована политиками, что в нынешних условиях неизбежно ведет к агрессивными, а поэтому далеким от объективности трактовкам», хотя ее авторы и исходят из того принципа, что «объяснение и осмысление значения факта, относящегося к прошлому, возможно лишь путем реконструкции исторического контекста этого факта, а не политической конституализации этого факта, сплошь и рядом основанной на незнании» (с. 2). Мы полностью солидаризируемся с таким подходом издательства и будет ориентироваться только на него, давая рецензию на книгу.

Поднимая планку читательского восприятия и осмысления текста на столь большую высоту, издатели книги невольно поставили перед ними и вопрос о том, насколько ее содержание соответствует испрашиваемому вниманию. Ответ на этот вопрос может быть только один: работа О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского, В. М. Муханова «Дорога на Гюлистан...» не соответствует классическим канонам академического этикета российской исторической науки, не может и не должно восприниматься всерьез как научное исследование, поскольку на деле является продуктом общественно-политической публицистики, сильно ангажированной и очень далекой от научности, историзма и объективности (впрочем, как и все прочие известные нам издания, вышедшие до него под грифом Международного института Новейших государств). Да и о какой научности и объективности содержания книги может идти речь, если ее название, как мы уже писали выше, далеко от конкретики формулировки?

Как следует из содержания презентации авторского коллектива (с. 9), все его члены являются кандидатами исторических наук, при этом О. Р. Айрапетов занимает должности заместителя декана по научной работе факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова и доцента исторического факультета этого университета, а М. А. Волхонский и В. М. Муханов подвизаются на должностях старших научных сотрудников Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Наличие ученой степени и специфика трудовой функции по занимаемой должности (заместителя декана по научной работе и старших научных сотрудников) априори предполагают наличие у них твердого знания требования неукоснительного соблюдения в своей научной и профессиональной деятельности правил академического этикета, имеющих для настоящего ученого большее регулятивное значение, даже чем норма закона (без этого они не смогли бы защитить своих диссертаций и занять соответствующую должность).

Следовательно, все претензии по структуре и содержанию их работы должны предъявляться им сполна, не как к чиновникам, приобретшим ученую степень кандидата наук для более успешного продвижения вверх по карьерной лестнице, а как к исследователям, не только формирующим объективное научное знание по заявленному кругу вопросов, но и создающим теоретическую подоснову для последующего принятия решений в такой тонкой, значимой и требующей глубокого интеллектуального подхода сфере, как международные отношения и подготовка кадров для дипломатической и гражданской государственной службы. Последнее обстоятельство как раз и вынудило нас взяться за труд по критическому разбору содержания книги «Дорога на Гюлистан...», чтобы с фактами в руках показать (в том числе и руководству авторов этой работы), что подобное отношение к профессии ученого-обществоведа и педагога высшей школы, которое продемонстрировали О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов, неизбежно приведет к тому, что у их студентов будет сформировано крайне неадекватное восприятие исторических реалий, что в будущем может стать причиной принятия ими не соответствующих государственным интересам России управленческих решений.

* * *

Завершая введение к нашей рецензии на книгу «Дорога на Гюлистан...», мы обязаны объяснить читателю его композиционную структуру. Рецензия состоит из двух частей, каждая из которых содержит и общие и частные замечания. Общие замечания имеют методологический характер и касаются структуры книги, организации ее научно-справочного аппарата и иных аспектов, характеризующие ее как научное издание. Частные замечания будут высказаны в отношении содержания отдельных глав книги, чтобы читатель на их примерах мог понять, насколько добросовестно ее авторы подошли к взятой на себя миссии по просвещению читателей в вопросах истории Кавказа. Забегая вперед, скажем, что количеству «мелких фолов» в книге нет числа, поэтому не все из них стали предметом детального разбирательства и критики, иначе объем рецензии превзошел бы объем рецензируемой книги.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Лакуны композиционной структуры

Книга «Дорога на Гюлистан...», которая позиционируется ее авторами и издателями как научная монография, по форме и содержанию должна соответствовать формальным критериям и требованиям, которые предъявляются к литературе подобного жанра и содержания. Мы вынуждены подробно останавливаться на этих формальностях только для того, чтобы читатель нашей рецензии, далекий от внутренней кухни академической науки в целом и исторической науки в частности, мог адекватно понять причины, по которым мы столь резко и бескомпромиссно высказываем претензии в адрес О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова, а также их суть. Также нам хотелось бы донести до сознания читателя тезис о том, что наши критические замечания в адрес авторов рецензируемой книги и ее издателей из Международного института Новейших государств имеют сугубо академический, а не идеологический или политический характер, и в разделе «Общие замечания» претензии высказываются не по содержанию работы или оценкам и интерпретациям исторических событий, в ней содержащимся, а исключительно по форме изложения и способам подачи материала, которые не должны вводить читателя в заблуждение и способствовать формированию у него далеких от реальности представлений.

Отличительной чертой любой научной работы является неукоснительное соблюдение правил построения композиционной структуры текста исследования, обязательными элементами которого являются введение и заключение. Содержание введения пред-

полагает обязательное наличие целого ряда структурных элементов, позволяющих компетентному читателю определить, на какой научной базе написана книга. Введение должно содержать указание целей и задач, определивших ее написание, обзор использованных источников и исследований, новизну содержащейся в ней информации. Иными словами, введение в монографию должно объяснить пристрастному читателю, в чем именно состоит то новое, чего он не мог прочесть в других книгах, но теперь содержится в этом издании, ради чего стоит его прочесть. По сути, грамотно составленное введение является своего рода индикатором или лакмусовой бумажкой компетентности и профессионализма автора или авторов научной книги. В заключении монографии подводятся итоги проделанной работы и формулируются выводы, которые позволяют читателю понять, а не потерял ли он даром время, прочитав эту книгу.

Но ни введения, ни заключения в композиционной структуре рецензируемой книги нет. Введение замещает шестистраничный текст «Вместо предисловия», заключение — целая глава «Вместо заключения» описательного содержания, в тексте которой изложено авторское видение развития событий в Закавказье в период с 1813 по 1825 год, содержание которого мало согласуется с требованиями жанра научной литературы. Авторы рецензируемого издания, не включив в структуру своей работы введение и заключение, не только нарушили требования академического этикета к литературе научного жанра, но и тем самым лишили читателя основной психологической интриги познавательной деятельности, отказав ему в праве заранее знать, что нового он узнает, если прочтет эту книгу. Подобное пренебрежение к читателю должно караться адекватной реакцией с его стороны: если авторы книги поступают с ним некорректно, то он вправе обойти их труд с презрением своего невнимания.

Подобная ситуация позволяет сделать двоякий вывод. Во-первых, отсутствие введения к монографии с четко сформулированными в его тексте целями и задачами исследования позволяет предполагать, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов работали над своей книгой, движимые или психопатологическим комплексом графомании, или необходимостью отработать

заранее полученный гонорар, мало заботясь о качестве содержания издания. Во-вторых, Международный институт Новейших государств, опубликовав без зазрения совести под своим грифом научную работу, композиционная структура которой мало соответствует традиционным требованиям к литературе подобного жанра, в реальности не является научным учреждением, осуществляющим исследовательские проекты гуманитарной направленности и на практике занимается деятельностью, направленной на дискредитацию российской исторической науки в целом или ее отдельных академических центров. Все это само по себе позволяет говорить о том, что «Дорога на Гюлистан...» в реальности не является коллективной монографией группы российских историков и более близка по содержанию и жанру исторических романов Валентина Пикуля.

Будучи кандидатами исторических наук и педагогами высшей школы, авторы «Дороги на Гюлистан...» не могли не знать, что всякий научный труд по историческим наукам в своей композиционной структуре предполагает обязательное наличие раздела (главы, параграфа), посвященного источниковедческому и библиографическому анализу использованных при его написании исследований и документов. Для других читателей, не связанных профессиональными узами с научными исследованиями в исторической сфере, поясняя: это позволяет другим профессиональным историкам оценить степень изученности автором или авторами ранее вышедших в свет работ своих коллег по тематике исследования и на основании этого составить мнение об уровне и широте их компетентности в содержании темы. К сожалению, рецензируемая книга не несет в себе никакой систематизированной информации об использованных авторами при ее подготовке источниках (архивных документах, картах, воспоминаниях) и исследованиях (работах других авторов), и одно это не позволяет рассматривать и воспринимать ее как полноценное научное издание и заставляет говорить о ней исключительно как о своего рода сборнике публицистических очерков политологической или историко-культурологической направленности. Обычно за отсутствием развернутого обзора источников и исследований, использованных при написании книги, кроется, как показывает практика

антикоррупционных проверок сегодняшнего дня в системе российского высшего образования, стремление скрыть плагиат, когда за основу новой работы берется чужая монография, а ее текст дополняется выдержками из других работ и цитатами из документов. Мы не собираемся этими словами бросать на О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова тень подозрения в плагиате, но сам факт того, что их работа не содержит историографического и источниковедческого обзора, позволяет предполагать, что объем их профессиональной компетентности в заявленной тематике исследования не так уж и широк.

Данное обстоятельство как нельзя лучше объясняет, почему книга «Дорога на Гюлистан...» была издана именно Международным институтом Новейших государств, а не Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова или Московским государственным институтом международных отношений (университетом) МИД России, в которых работают ее авторы. Ни один уважающий себя российский университет, имеющий федеральное учредительство и финансирование, ни при каких обстоятельствах и условиях не позволил бы подписать свое наименование на титульный лист издания такого рода. Международный институт Новейших государств, позиционирующий себя как «международная неправительственная организация политологов и международных экспертов в области конфликтологии и международного права», с радостью пошел на такой шаг, и этим он принципиально отличается (совсем не в лучшую сторону) от ведущих российских научных и научно-исследовательских центров.

Все это лишний раз свидетельствует о правоте нашего тезиса, что данное учреждение занимается отнюдь не научной, а исключительно пропагандистской деятельностью в интересах своих спонсоров, причем делает это достаточно неуклюже, открыто демонстрируя свое пренебрежение правилами академического этикета российской исторической науки. Дополнительным доказательством этому является содержание вводного параграфа «Вместо предисловия», имеющего заголовок «Непохожие близнецы: Балканы и Закавказье в русской политике», в котором авторы «Дороги на Гюлистан...», по сути, излагают идеологическую доминанту и даже детерминанту своей книги, посвятив оставшиеся триста страниц

текста доказыванию ее состоятельности. Практика создания научной подосновы для геополитических или идеологических умопостроений политиков и иных власть предержащих была присуща отечественной исторической науке советского времени, но тогда все это делалось во исполнение конституционных норм Советского Союза. Современная гуманитарная наука свободна от идеологического диктата, но это явно не по душе сторонникам идеологического детерминизма из Международного института Новейших государств, желающим навязать своим читателям ангажированную заранее постулированной идеей точку зрения. Проще говоря, О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов тенденциозным подбором и изложением фактов, предварительно оскопив содержание работы и исключив из нее части научно-справочного аппарата, пытаются навязать читателям точку зрения, угодную их заказчикам. С этой целью они создают правдоподобную псевдоисторическую квазиреальность — искусственный мир, в котором реальные исторические события подменяются специально созданными представлениями о них. «Дорога на Гюлистан...» — далеко не первый и, увы, не последний пример подобной деятельности по умышленной девальвации ценности научного знания, демонстрируемый в изданиях Международного института Новейших государств. Все это не может не вызывать раздражения у профессиональных российских историков, не желающих быть свидетелями (а при молчаливом попустительстве — соучастниками) того, что историческая наука в России сегодня обслуживает интересы иностранных политиков.

Поскольку авторы книги «Дорога на Гюлистан...» не написали введение к своей работе, которую они, судя по ее полиграфическому оформлению, все-таки считают научным изданием, то пристрастному читателю непонятно, что представляет из себя то новое, о чем О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов хотят ему сообщить. И насколько это новое актуально, исходя из уже сложившихся в отечественной исторической науке представлений и потребностей сегодняшнего дня. Однако реконструировать их исходное желание и стремление достаточно трудно, поскольку вместе с введением отсутствует и заключение (вместо него наличествует самостоятельная глава «После Гюлистана» описательного

содержания объемом в 40 страниц текста), без чего невозможно достоверно говорить о том, насколько авторы смогли реализовать через создание книги и ее последующее издание свои исследовательские намерения и творческие начинания. Согласно правилам академического этикета каждой исследовательской задаче, сформулированной во введении, должен обязательно соответствовать вывод, изложенный в заключении. Но заключения в композиционной структуре рецензируемой книги нет, нет и выводов, следовательно, можно говорить об отсутствии у авторов и первоначального интеллектуального посыла, который, подобно сердцу Данко, осветил бы их извилистый и трудный путь по ухабам здравого смысла «Дороги на Гюлистан...».

Получается, что «Дорога на Гюлистан...» представляет собой путь из ниоткуда в никуда, и читатель, если у него хватает терпения дочитать эту книгу до конца, движется по этому пути без цели, не имея ни ориентиров, ни разметки, ни дорожных указателей. В результате получается своего рода экзистенциальный троцкизм, базирующийся на принципе «цель — ничто, движение — все». В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос, а имеют ли вообще авторы «Дороги на Гюлистан...» устойчивые навыки научной и научно-исследовательской деятельности в области исторических наук и настолько самостоятельно они ранее подготавливали и защитили свои диссертационные работы, имеющие, как известно, квалификационный характер? По нашему мнению, руководству О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова после выхода в свет их «монографии», композиционная структура которой не соответствует канонам академической науки, а сама она не имеет научно-справочного аппарата, присущего всем научным изданиям, как представляется, следует всерьез задуматься над вопросом о квалификационном соответствии своих сотрудников занимаемым должностям.

Иначе, не ровен час, студенты МГУ им. М. В. Ломоносова и МГИМО (У) МИД России, вдохновившись и воодушевившись примером своих преподавателей и старших товарищей, через год–два начнут писать и представлять на итоговую государственную аттестацию выпускные квалификационные работы и магистерские диссертации столь же скособоченной композиционной

структуры и путаного содержания, без целей, задач и результатов исследований, пример чего нам являет «коллективная монография» О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова под названием «Дорога на Гюлистан...». Мы считаем, что общественно-политическая или идеологическая полемика может приобретать разные формы, но от этого не должно страдать качество содержания научных изданий.

По сути, мы вынуждены писать рецензию на какой-то весьма далекий от завершения черновой вариант монографии или диссертационного исследования, который в том виде, в котором он представлен на суд читателя, более похож на песню степного акына, не имеющую ни начала, ни конца, и по этой причине должен относиться все-таки к разряду наследия устного народного творчества, а не научного исследования. Впрочем, мы уже не раз говорили о том, что подготовка к изданию «странных» с позиций классической исторической науки книг, композиционную структуру и содержание которых не всегда можно уместить в рамки логики здравого смысла и академических канонов, как раз и является в последние годы специализаций Международного института Новейших государств.

2. Неопределенность хронологических и географических рамок книги

Еще одним принципиальным нареканием общего порядка к содержанию книги «Дорога на Гюлистан...» является несоответствие заявленной в подзаголовке хронологии исследования и содержания ее основной части. В подзаголовке книги указано: «Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.», что, видимо, по мнению авторов, в условиях отсутствия введения, в котором специально оговариваются эти вопросы, и должно было указать на хронологические рамки исследования. Однако содержание первой главы рецензируемой книги «„Диверсия“ императрицы: отряд генерала Г. Г. Тотлебена в Грузии (1768–1774)» почему-то начинается с описания событий Каспийского похода императора Петра I 1722–1723 гг. и внешней

политики России в регионе Каспийского моря, начиная с 1715 года, когда в персидский город Исфаган в качестве посланника был направлен А. П. Вольтер. Иными словами, повествование книги начинается не с 1750-х гг., как следует из ее подзаголовка, а сорока годами раньше. При этом описанию событий, случившихся во взаимоотношениях Российской империи и правителей различных областей Закавказья до наступления второй половины XVIII столетия, авторы посвящают целых 15 страниц текста, что составляет приблизительно половину объема первой главы, а это вряд ли можно назвать достоинством ее содержания.

По нашему мнению, было бы разумно посвятить описанию российско-кавказских отношений в первой половине XVIII столетия, а также в предыдущие века отдельную главу, которая бы плавно подводила читателя к пониманию авторской трактовки и оценке изменений в отношении России к Кавказу, произошедших в середине того века. В результате этого первая глава, хронологические рамки которой указаны в ее названии — 1768–1774 гг. — вдруг почему-то начинается с описания событий, произошедших на полвека раньше, а заканчивается описанием событий, случившихся на целое десятилетие позже. О прочих несуразностях содержания этой части рецензируемой книги мы скажем позже, а пока более детально остановимся на вопросе о неопределенности отправной точки хронологии содержания рецензируемой работы.

Текст первой главы «Дороги на Гюлистан...» начинается со слов: «Ко времени вступления на престол Екатерины II...» (с. 10), и это дает основания предполагать, что нижняя хронологическая граница исследования датируется авторами сентябрем 1762 года, когда императрица официально взошла на трон. Однако этот факт сам по себе, равно как и восшествие на престол ее супруга, императора Петра III, годом раньше вряд ли можно рассматривать в качестве поворотной точки в отношении России к региону Кавказа в самом широком понимании его географии. Не могло стать причиной резкого возрастания внимания Российской империи к этому региону и объединение в 1762 году грузинских княжеств Картли и Кахетии в единое Картли-Кахетинское царство под скипетром царя Ираклия II, хотя это событие, безусловно, сыграло самую существенную роль в исторических судьбах Центрального Кавка-

за или, как минимум, Западного Закавказья во второй половине XVIII столетия и стало событием, привлечшим к себе самое пристальное внимание со стороны официального Петербурга. Но эти два события, даже войдя в резонанс, не могли предопределить кардинального поворота российской внешней политики с западного или юго-западного направления на южное. Для этого была необходима смена глобальных геополитических приоритетов, которая наблюдается во внешней политике Российской империи с начала 1780-х гг. в связи с разработкой и началом практической реализации «греческого проекта» императрицы Екатерины II. Именно тогда Кавказ начал пристально рассматриваться как вспомогательный или фланговый театр военных действий в борьбе против Османской империи за возрождение былой Византии под властью внука Екатерины II — цесаревича Константина Павловича.

Целый ряд современных российских историков — А. Л. Зорин, А. Б. Каменский, В. И. Моряков, О. А. Омельченко, В. С. Парсамов — аргументированно доказывают факт смены геополитических приоритетов России именно в 1780–1782 гг.⁵, в чем мы с ними полностью солидарны. Чтобы «греческий проект» реально превратился во внешнеполитическую доктрину Российской империи, ей необходимо было сначала устранить и подчинить себе двух извечных внешнеполитических конкурентов — Крымское ханство и Речь Посполитую, что в общих чертах было сделано к середине 1780-х годов. В тексте рецензируемой книги мы также не находим какого-либо опровержения этой точке зрения. Более того, ее авторы в предисловии (точнее — в той части книги, которую они озаглавили как «Вместо предисловия») пишут о том, что овладение Балканами и Кавказом в борьбе против Османской империи представляло собой двуединую цель, что также свидетельствует об

⁵ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины». Вторая половина XVIII в. СПб.: Прогресс, 1992. Моряков В. И. Внешняя политика России во второй половине XVIII в. // История России с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 494; Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. М.: Юрист, 1993; Парсамов В. С. История России: XVIII — начало XX в. М.: Академия, 2007. С. 156–158.

их знакомстве и согласии с классическим для российской исторической науки мнением о том, что организованная военно-политическая экспансия России на Кавказ началась не в середине, а в последней четверти XVIII столетия. Поэтому «Дорога на Гюлистан...» началась отнюдь не в середине XVIII столетия, а несколькими десятилетиями позже. Но, зная и признавая это, авторы этой книги тем не менее в качестве отправной точки повествования в ее подзаголовке указывают 1750-е гг., а свой рассказ начинают еще раньше. Причину этого мы рационально объяснить не можем, и они, похоже, тоже.

Содержание рецензируемой книги обрывается так же странно и внезапно, как и начинается, — началом русско-персидской войны 1826–1828 гг. Выбор этого события в качестве хронологического рубежа не вполне понятен и тем более объясним, хотя и очень оригинален. Обычно в научной литературе военное столкновение двух стран принято рассматривать как апофеоз существующих между ними противоречий, приводящий к их разрешению самыми радикальными средствами и методами. Вполне очевидно, что всякая война является одновременно завершением одного и началом принципиально нового этапа двусторонних или многосторонних межгосударственных отношений. Исходя из этого интеллектуального посыла и в соответствии с названием рецензируемой книги, выходит, что политика Российской империи в отношении Центрального Кавказа (Закавказья), начатая в середине или в последней четверти XVIII столетия, своим неизбежным финалом имела русско-персидскую войну 1826–1828 гг., а Гюлистанский мир 1813 года лишь обнажил, аккумулировал и собрал в единый клубок все возможные противоречия России и Персии в регионе Закавказья с тем, чтобы покончить с ними одним ударом в ходе новой войны. Безусловно, оригинальность такого подхода к интерпретации содержания и даже созданию новой периодизации истории российской колониальной политики в отношении субрегиона Центрального Кавказа имеет право на существование, но как-то не вполне соответствует существующему названию книги, которое, исходя из такого понимания, должно было бы звучать как «Дорога через Гюлистан...», а не «Дорога на Гюлистан...», как мы читаем его в оригинале.

Совершенно нелепым с позиции определения хронологии рецензируемой книги является исторический сюжет об участии солдат и офицеров лейб-гвардии Сводного полка в событиях русско-персидской войны 1826–1828 гг., которым заканчивается текст основной части рецензируемой книги. Хорошо известно, что эта войсковая часть была сформирована из нижних чинов гвардейских полков — лейб-гвардии Гренадерского и лейб-гвардии Московского, обманом или подкупом вовлеченных своими офицерами в активное участие в восстании на Сенатской площади 14 декабря 1825 года при присяге на верность новому российскому императору Николаю I, более известном в отечественной историографии как «восстание декабристов». Этот полк, по сути, представлял собой дисциплинарную часть для солдат и унтер-офицеров Гвардейского корпуса, вовлеченных в антиправительственные действия. Непродолжительная по времени история полка и его участие в военных походах второй русско-персидской войны подробно изложена в военно-историческом очерке поручика лейб-гвардии Гренадерского полка С. Э. Скрутковского «Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. Эпизод из истории Лейб-гвардии Гренадерского полка»⁶, поэтому нам нет смысла останавливаться на ней подробно. Укажем только, что полк был сформирован 18 марта 1826 года в Петербурге, т. е. сравнительно задолго до начала этой войны, а не в связи с ней, как утверждают авторы книги «Дорога на Гюлистан...», а расформирован 12 декабря 1828 года, после того как доставил в северную столицу Российской империи боевые трофеи Грузинского корпуса российских войск, захваченные на полях сражений с персидскими сарбазами. Как мы видим, история кратковременного существования этого дисциплинарного полка не имеет ни малейшего отношения к политике Российской империи в отношении Кавказа или Закавказья в первой четверти XIX века, тем не менее именно ее авторы рецензируемой книги по совершенно непонятной нам причине решили использовать

⁶ Скрутковский С. Э. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну с 1826 по 1828 год. Эпизод из истории Лейб-гвардии Гренадерского полка. СПб.: Тип. В. А. Вацлика, 1896.

в качестве репера верхней хронологической границы своей работы, что лишний раз свидетельствует о крайней специфичности целей, задач и содержания их научной и публикаторской деятельности.

Все сказанное выше в совокупности дает нам возможность и основание говорить о том, что обе хронологические границы содержания книги О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым избраны произвольно, скорее всего исходя из наличия имевшегося в их распоряжении материала, без учета общепринятой в среде российских историков точки зрения на логику развития внешней политики Российской империи в XVIII столетии. Вполне возможно (и даже вероятно), что в основу рецензируемой книги были положены исторические документы, ранее собранные и опубликованные М. А. Волхонским и В. М. Мухановым во 1-й книге 2-го тома источниковедческого сборника «Кавказский вектор российской политики», который вышел в свет в 2012 году⁷. Этот сборник документов, безусловно, весьма объемён и информативен, но сам по себе не означает того, что его содержание может и должно заменить собой всю источниковедческую базу отечественной исторической науки при изучении проблемы российской внешней политики в отношении Кавказа и, в частности, Закавказья во второй половине XVIII — первой четверти XIX века. К слову, данное предположение весьма логично объясняет подмеченное нами ранее расхождение датировки нижней хронологической границы работы, объявленное в ее подзаголовке, и начала повествования: дело в том, что первый документ, цитаты из которого приведены в книге «Дорога на Гюлистан...», датируется 1762 годом — тем временем, с которого начинается коллекция документов указанного выше сборника. Поэтому, скорее всего, разночтения в хронологии объясняются не злым умыслом или политической ангажированностью авторов, а их ленью и субъективным нежеланием продолжать исследования и стремлением почивать на вполне заслуженных лаврах (к сожалению, это по-

⁷ *Кавказский вектор российской политики*: Сб. документов / сост. М. А. Волхонский, В. М. Муханов: В 2-х тт. М.–Тула: Наука; Гриф и К, 2011–2012. Т. II. кн. I. 1762–1796. Тула: Гриф и К, 2012.

нятное и свойственное всем людям стремление в науке подчас приводит к обидным конфузам, видимым взгляду профессионально подготовленного коллеги). Никто не обсуждает и не осуждает права авторов начинать свое повествование ниоткуда и заканчивать его ничем, но тогда следует говорить о жанре их сочинения как о беллетристике или как о фэнтези, но никак не о научном произведении.

Неопределенность хронологических рамок содержания рецензируемой книги дополняется отсутствием четких географических рамок исследования, что является закономерным следствием отсутствия у этого издания научно-справочного аппарата, составной частью которого является введение к работе (именно в нем вслед за хронологией определяются и логически обосновываются и географические рамки исследования). Но поскольку наличия введения как обособленного композиционного элемента книги мы не наблюдаем, то и вопрос о детерминированности ареала исследования отпадает сам собой. Однако прояснение этого вопроса имеет для нас принципиальное значение, т. к. дает основания предполагать и отчетливо артикулировать ту идеологическую подоснову, которую О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов пытались внедрить в сознание читателей.

Анализ тематического содержания заголовков глав рецензируемой книги отличается крайней неопределенностью и противоречивостью при указании на географические рамки или ареал тематики исследования. Прежде всего бросается в глаза несоответствие общего подзаголовка книги и названий ее композиционных частей. Как уже отмечалось выше, сама книга имеет подзаголовок: «Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX века». Иными словами, в нем географические рамки исследования определены в масштабе Кавказского региона в целом, включая Северный Кавказ и Закавказье (т. е. Центральный и Южный Кавказ). Однако оглавление книги (с. 383) содержит в себе указания на более локализованные в пространстве и менее масштабные географические области. Вводная часть, или «Вместо предисловия» называется «Непохожие близнецы: Балканы и Закавказье в русской политике», вторая глава — «„Барьер“ в Закавказье: стратегические планы князя Г. А. Потемкина (1774–1787)»,

четвертая глава — «„Просительные пункты” Георгия XII: смена российского курса в Закавказье (1797–1801)», пятая глава — «Прорыв в Закавказье (1801–1804)».

Как мы видим по формулировкам заголовков глав и иных композиционных элементов книги «Дорога на Гюлистан...», ее авторов мало волнуют вопросы, исторические судьбы или эволюция политики верховной власти Российской империи в отношении Северного Кавказа, т. е. тех областей или территорий, которые сегодня являются неотъемлемой частью Российской Федерации. Их интересует единственно постсоветское Закавказье, т. е. территории современных Азербайджана, Армении и Грузии, которые также принято именовать сегодня Центральным Кавказом. При этом следует учитывать, что хронологические рамки книги искусственно вычлениают из истории процесса российского завоевания территории современного Закавказья его финальную фазу — присоединение к Российской империи Эриванского и Нахичеванского ханств в результате русско-персидской войны 1826–1828 гг. в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора.

Если смотреть на содержание книги «Дорога на Гюлистан...» именно под таким углом зрения, то становится понятной причина, по которой ее авторы так внезапно, будто на полуслове, обрывают повествование, ставя финальную точку на первых залпах той войны. Дело в том, что по условиям Туркманчайского мирного договора 1828 года к Российской империи были присоединены области современной Республики Армения и Нахичеванской автономной республики Азербайджана. Иначе говоря, О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов изначально не намеревались и даже не планировали комплексно и всесторонне рассматривать содержание процесса российской геополитической экспансии в Закавказье, умышленно ограничивая себя описанием военно-политического присоединения к России территории одной лишь сегодняшней Грузии и большей части современного Азербайджана, избегая при этом хоть как-то упоминать о завоевании нынешних армянских территорий. Это в очередной раз и более чем убедительно объясняет отсутствие в книге введения как обязательного элемента композиционной структуры научного исследования. Наличие полноценного и составленного по всем

канонам академического этикета исторической науки введения предполагало бы необходимость объяснять читателям не только весьма странные хронологические, но и весьма неопределенные географические рамки работы, раскрыв тем самым сокровенную идею книги — обособления территории современной Армении от прочего Закавказья. Вместе с этим авторам книги «Дорога на Гюлистан...» автоматически пришлось бы признать, что она, по сути, изначально имеет отнюдь не научный, а только наукообразный публицистическо-пропагандистский или политико-идеологический характер, являясь своего рода интеллектуальной диверсией в отношении традиционных для российской исторической науки взглядов.

Мы полагаем, что подобная избирательность авторов книги «Дорога на Гюлистан...» может быть легко объяснена наличием особого интеллектуального заказа со стороны издателя — Международного института Новейших государств — на написание книги именно такого и ни какого иного содержания. Она должна была мягко и ненавязчиво показать политическому истеблишменту современных закавказских государств — в первую очередь Азербайджана и Грузии, а также Абхазии и Южной Осетии, но исключая при этом Армению, на исторические корни происхождения нынешней национальной государственности этих стран, и тем самым в очередной раз обострить и без того непростые межгосударственные взаимоотношения в регионе, вместе с тем как бы выводя за скобки политическую элиту Армении и эту страну в целом. Иными словами, стратегическая цель рецензируемой книги заключалась именно в том, чтобы исподволь вбить очередной клин в межгосударственные отношения России, Азербайджана и Грузии, подпортив их эмоциональный и историко-культурный фон, что косвенно способствовало бы поддержанию режима благоприятствования в отношениях России и Армении (последняя, как известно, сегодня всецело зависит от прямой и косвенной российской финансовой помощи), в том числе и в вопросе искусственной консервации в «тлеющем» состоянии конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

Искусственное и произвольное исключение авторами книги сюжета о присоединении территории современной Армении

к Российской империи также весьма показательно и симптоматично, хотя российскому завоеванию территории всех остальных современных закавказских стран уделено вполне серьезное и достаточно профессиональное внимание. Такой подход к отображению исторических событий для нас не удивителен и абсолютно понятен, поскольку он полностью соответствует постулатам идеологии современных армянских националистов, не ограничивающих территорию исторической Армении границами региона Закавказья и видящих ее в образе «Великой Армении» как одного из ключевых геополитических игроков во всей Передней Азии. Выше мы уже писали о том, что одним из главных спонсоров Международного института Новейших государств является «Русско-армянское содружество» — московский филиал армянской политической партии «Дашнакцутюн» и Ай Дата, ратующих за восстановление границ Армении в соответствии с условиями так и не вступившего в законную силу Севрского договора 1919 года, в состав которых входили бы земли современной Турции и Азербайджана. Поэтому в угоду или в соответствии с такой идеологической доктриной армянских радикальных националистов, регулярно спонсирующих деятельность Международного института Новейших государств, тема завоевания в первой трети XIX столетия Российской империей территории современной республики Армения вполне осознанно осталась вне географических рамок книги «Дорога на Гюлистан...», хотя это противоречит здравому смыслу и логике рассматриваемого авторами исторического процесса.

На этом вопросе вообще не следовало бы акцентировать столь пристальное внимание, если не одно существенное «но»: авторами рецензируемой книги являются старшие научные сотрудники Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России М. А. Волхонский и В. М. Муханов, профессиональной обязанностью которых является, как представляется, интеллектуальное обеспечение национальных интересов Российской Федерации в регионе Кавказа и субрегионе Закавказья, а не подготовка далеких от научных исследований пропагандистских материалов в интересах одной из политических партий республики Армения, ориентированных (поскольку они написаны на

русском языке) на продвижение национальных интересов Армении в России, а не наоборот, как следовало от них такого ожидать в силу их служебного положения и статуса. По сути, для них написание и издание книги «Дорога на Гюлистан...» явилась зримым выражением наличия конфликта интересов между ревностным исполнением прямых служебных обязанностей и получением вознаграждения за написание книг в интересах не просто третьих лиц, а иностранной политической партии, представляющей в России интересы политической и финансовой элиты другого государства.

В любой цивилизованной стране создание подобной книги является поводом для проведения полномасштабного служебного разбирательства на предмет наличия, как минимум, указанного конфликта интересов, не говоря уже про соблюдение корпоративной этики и лояльности к своей стране. Надеемся, что в самом ближайшем будущем руководство МГИМО (У) МИД России возбудит подобную административную процедуру в отношении М. А. Волхонского и В. М. Муханова, явно позабывших правила академического этикета и профессиональной этики. Не говоря уже о наличии в их действиях явно выраженного конфликта интересов между политическими взглядами и интересами профессиональной деятельности.

Мы уже не раз говорили о том, что «Дорога на Гюлистан...» не имеет введения, обязательной составной частью которого с позиций правил академического этикета является определение и обоснование хронологических и географических рамок работы. Вполне возможно, что неопределенность рамок или нежелание и даже неспособность авторов адекватно обосновать, не показав при этом читателю основных движущих ими причин, как раз и стали причиной того, что они решили вообще пренебречь обязанностью профессионального историка написать эту часть исследования. Вследствие этого у нас в очередной раз возникают серьезные и обоснованные сомнения в добросовестности и академичности подхода авторов к написанию этой книги, а также в возможности вследствие этого называть эту книгу монографией или научным исследованием в том понимании значения этого слова, в каком оно обычно используется.

3. Неадекватность библиографии книги

Отсутствие в книге «Дорога на Гюлистан...» такого общеобязательного элемента композиционной структуры любой научной работы, как введение, лишило нас приятной возможности прочитать источниковедческий и историографический обзор источников и исследований, использованных авторами при написании своей работы. Но поскольку они исходят из ими же продекларированного принципа, что «объяснение и осмысление значения факта, относящегося к прошлому, возможно лишь путем реконструкции исторического контекста этого факта, а не политической конституализации этого факта, сплошь и рядом основанной на незнании», мы в полном соответствии с этим принципом проанализируем содержание раздела «Источники и литература» (с. 372–382), чтобы понять, насколько авторы этой книги знакомы с исследованиями своих коллег, посвященными или в значительной мере касающимися заявленной тематики, оценить широту поля известной им информации, использованной ими для последующего профессионального анализа, а на основании этого узнать, к какой современной научной школе они принадлежат (и принадлежат ли вообще?).

Последнее обстоятельство имеет принципиально важное значение для понимания и оценки содержания работы, поскольку каждая научная школа формирует шкалу своих ценностей и приоритетов, оказывающих влияние на интерпретацию и оценку ее представителями и последователями конкретных общеизвестных фактов, что еще принято называть методологией. Методология определяет для исследователя расстановку приоритетов исследования, актуализируя одни и относя на второй план другие обстоятельства, что в итоге формирует угол зрения, под которым ими рассматривается содержание исторического процесса, явления или эпохи, а это, в свою очередь, определяет или отображает идеологию автора или, как в нашем случае, коллектива авторов. Таким образом, изучив источники и исследования, которые О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов положили в основу своей работы, мы с высокой степенью вероятности можем сделать вывод, какой идеологической концепции они придерживаются, и насколько постулируемые ими идеологические приоритеты и цен-

ности соответствует историческим реалиям и геополитическим интересам современной России.

Итак, список источников и литературы содержит указание 72 ранее опубликованных сборников документов, групповых или единичных нарративных источников и 72 исследований, 6 из которых были изданы на иностранных языках. Из 72 публикаций, использовавшихся авторами в качестве печатных источников, 48 были опубликованы в имперское время, т. е. до 1917 года, 14 — в советское время, 8 — уже после распада СССР. Аналогичную картину мы наблюдаем и в отношении использованных ими исследований, опубликованных на русском языке: из 66 монографий и статей 33 были написаны в имперское время, 13 — в советское, 20 — в последнее двадцатилетие (или новейшее время). Исследования на иностранных языках равномерно распределяются по этим периодам (по 2 в каждом).

Как видно из приведенного выше самого поверхностного анализа источников и исследований по времени их создания и опубликования, мы можем констатировать тот факт, что они в основной своей массе были введены в научный оборот в имперское время, вследствие чего по своему содержанию полностью соответствовали господствовавшей в то время в общественно-политической жизни России великодержавной идеологии. Данное обстоятельство обусловило их содержание, отражавшее и обосновывавшее планы Российской империи по включению региона Кавказа в орбиту своих геополитических интересов с последующим его присоединением и государственно-административной ассимиляцией. Среди источников мы видим документы Государственного Совета Российской империи, императрицы Екатерины II, письма и мемуары выдающихся государственных и военных деятелей России XVIII–XIX столетия — А. Ф. Багговута, А. А. Безбородко, А. Х. Бенкендорфа, С. Д. Бурнашева, А. Р. и С. Р. Воронцовых, А. И. Вяземского, А. П. Ермолова, П. П. Зубова, П. А. Левашова, А. С. Мордвинова, Г. А. Потемкина-Таврического, Н. В. Репнина, И. В. Страхова, А. В. Суворова-Рымникского, С. А. Тучкова, документы французских дипломатов Ж. де Кампредона, А. Лави, Ш. М. де Тайлера-Перигора, опубликованные в XIX столетии в различных сборниках документов. Однако авторы «Дороги на Гюлистан...» использовали только те исторические

документы, которые интерпретировали содержание и реализацию «кавказского вектора» российской имперской внешней политики (термин М. А. Волхонского и В. М. Муханова) как поступательное движение России на Юг, обусловленное не обстоятельствами момента или потребностями реализации внешнеполитических задач на иных направлениях, а реализацией заранее определенного и поэтапно расписанного на перспективу плана. При этом использование авторами рецензируемой книги одних источников и исследований и ничем не мотивированный отказ от использования других вызывает явное недоумение и непонимание, наводящие на мысли о склеротической рассеянности или вопиющем невежестве авторов.

В частности, совершенно непонятно и даже необъяснимо, почему они обошли вниманием такие фундаментальные собрания документов и нарративных источников по истории Закавказья имперского времени, как «Военный журнал», «Известия штаба Кавказского военного округа», «Кавказский сборник»⁸, «Кавказский военный вестник», не говоря уже о сборниках материалов, издававшихся военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа (хотя эти издания как источники как никакие иные соответствуют содержанию их книги⁹). Также вызывает крайнее

⁸ Полное название — «Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского высочества Главнокомандующего Кавказской армией», поскольку инициатором его выхода в свет являлся великий князь Михаил Николаевич, родной младший брат императора Александра II.

⁹ Укажем только некоторые издания военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа, использование которых существенно повысило бы качество рецензируемой книги: Билев Г. К. Хроника Кавказских войск. Первое продолжение. 1895–1908. Тифлис: Тип. Наместника Кавказского, 1908; Гизетти А. Л. Алфавитный указатель к 1–20 томам «Кавказского сборника». Тифлис: Тип. Наместника Кавказского, 1899; Гизетти А. Л. Библиографический указатель напечатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб., 1901; Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск / Сост. А. Л. Гизетти; под ред. В. А. Потто. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901; Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-Горской, Персидской, Турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. / Сост. А. Л. Гизетти; под ред. В. А. Потто. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901; Хроника Кавказских войск: В 2-х ч. / Сост. А. Л. Гизетти; под ред. Н. Н. Чернявского. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896.

недоумение отсутствие в рецензируемой работе автохтонных для Кавказа источников, характеризующих отношение местного населения или правящих элит областей (ханств) Центрального и Южного Кавказа к действиям России по их присоединению, завоеванию и экономической ассимиляции, хотя они ранее были опубликованы и в силу этого хорошо известны специалистам (особенно те из них, которые были изданы в советское время)¹⁰, наличие сведений из которых не только бы существенно обогатило и украсило содержание книги, но и продемонстрировало бы

¹⁰ Не претендуя на всеобъемлющий перечень опубликованных в имперское и советское время работ по истории Центрального Кавказа, тематически и хронологически близких содержанию книги «Дорога на Гюлистан...», укажем лишь некоторые из них, наиболее известные: Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: В 2-х тт. / под ред. А. Р. Иоаннисяна. Ереван: АН АрмССР, 1967; Бакиханов А. К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991; Документы по истории Баку (1810–1917). Баку: Азернешр, 1978; Документы по русской политике в Закавказье: Издание особой комиссии при МИД Азербайджанской Республики. Вып. 1. Баку: Правительственная типография газеты «Азербайджан», 1920; Керим Ага Фатех, Краткая история шекинских ханов / пер. А. Дадашев, Ф. Бабаев. Баку: Элм, 1958; Мирза Адыгезал-бек. Карабах-Наме / пер. В. Н. Левиатова. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1950; Мирза Джамал Джеваншир Карабахский, Тарих-и Карабаг / пер. Ф. Бабаева. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1989; Новая история Ирана. Хрестоматия (собрание документов по истории Ирана в новое время). М.: Международные отношения, 1988; Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры / под ред. А. Н. Гулиева, В. Д. Мочалова. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1955; Переписка на иностранных языках Грузинских царей с Российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1861; Присоединение восточной Армении к России: Сб. документов: В 2-х тт. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972, 1978; Хаджи Сеид Абдул Гамид. Родословная Шекинских ханов и их потомков / пер. Ф. Бабаев, Баку, Элм, 1958. Хубов Е. Описание достопамятных происшествий, в Армении случившихся в последние тридцать лет, т. е. от Патриаршества Симеонава (1779 г.) до 1809 года. СПб.: Типография И. Ионессова, 1811; Эзов Г. А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством: Историческое исследование по неизданным документам. Тифлис: Тип. М. Мартиросянца, 1901; Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы, извлеченные из Московского Главного и С.-Петербургского архивов Министерства иностранных дел, Австрийского придворного и государственного архива, Королевско-Баварского тайного государственного архива и других учреждений (Доложено в заседании историко-филологического отделения Императорской Академии наук 8 января 1897 г.). СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1898.

пристрастным читателям масштаб и уровень творческого взаимодействия авторов книги «Дорога на Гюлистан...» с их современными закавказскими коллегами. Однако этого ими сделано не было, что дает основание сомневаться в широте профессиональных взглядов О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского, В. М. Муханова на избранный ими предмет научного изучения и осмысления и полноте их представлений о фактически имеющемся на сегодняшний день объеме и направлении научных исследований (не только в России, но и в мире) — как источниковедческих, так и историографических и собственно исторических — по заявленной ими тематике.

Нарочитая фрагментарность источниковедческих познаний и стремление авторов рецензируемой книги умышленно ограничить круг источников может быть наглядно проиллюстрирована на следующем примере: в составленном ими списке источников и литературы на с. 377 указана работа А. А. Цагарели «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии» (СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1891). Однако, к сожалению, им оказалось невдомек, что этот выдающийся для своего времени историк и филолог в конце XIX — начале XX века издал еще несколько сборников документов по истории дипломатии и на их основании написал ряд историографических работ, не менее существенных и значимых для исторической науки и имеющих самое прямое отношение к теме их публикации¹¹. К слову, эти работы находятся в свободном доступе на сайте Российской государственной библиотеки, и если бы они изначально озаботились проведением организованного и полномасштабного библиографического поиска, то легко смогли бы получить эти источники в свое распоряжение. Однако они не предприняли никаких действий в этом направлении.

По этой же самой причине им оказалось неизвестным еще одно хорошо знакомое специалистам в области истории международных отношений России многотомное собрание между-

¹¹ Цагарели А. А. Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1890; Цагарели А. А. Непререкаемые права Грузии на признание ее независимости и на восстановление ее государственных границ. Тифлис: б. и., 1919.

народных договоров имперского периода под редакцией Фридриха-Фромгольда Мартенса¹². Такой подход никак не соответствует изначально патетически заявленному ими принципу, что «объяснение и осмысление значения факта, относящегося к прошлому, возможно лишь путем реконструкции исторического контекста этого факта, а не политической конституализации этого факта, сплошь и рядом основанной на незнании», хотя как нельзя лучше характеризует отношение авторов книги «Дорога на Гюлистан...» к своим профессиональным обязанностям и читателям. Вместе с тем нам не следует забывать, что М. А. Волхонский и В. М. Муханов являются старшими научными сотрудниками Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, и им попросту стыдно не знать о существовании фундаментальных собраний источников в сфере их непосредственной профессиональной деятельности, а если и знать, то не использовать их в своей научно-исследовательской работе, равно как и опубликованного еще в имперское время Журнала посольства генерала от артиллерии А. П. Ермолова в Персию для ведения переговоров по демаркации границы по итогам русско-персидской войны 1804–1813 гг.¹³

Если авторы «Дороги на Гюлистан...» объективно не имеют целостного представления об объеме и разнообразии российских источников по заявленной ими тематике, происхождение которых было обусловлено реализацией внешнеполитических задач России в отношении Кавказского региона во второй половине XVIII — первой четверти XIX века, о чем наглядно свидетельствует список источников и литературы рецензируемой книги, то вполне объяснимым и даже логичным выглядит тот факт, что им абсолютно неведомы иностранные источники на этот предмет, особенно британского происхождения, даже несмотря на то, что British Foreign Office никогда не делал секрета из их существования, в том числе и потому, что британская дипломатия в начале XIX столетия в защите своих геополитических интересов в Индии

¹² Мартенс Ф.-Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15-ти тт. СПб.: Тип. МПС, 1874–1909.

¹³ Выписки из журнала российского посольства в Персию 1817 года // Отечественные записки. 1827. № 92; 1828. № 93–95; Журнал посольства генерала А. П. Ермолова. М.: Университетская тип., 1863.

чужими руками, натравливая Персию на Российскую империю, достигла значительных успехов и побед. Первыми в их ряду мы должны назвать мемуары В. Прайса (William Price)¹⁴, секретаря и переводчика британского посольства в Персии в 1811–1813 гг. и неоднократно переиздававшийся двухтомник Дж. В. Кая (John William Kaye)¹⁵, биографа и публикатора документов дипломатической корреспонденции генерал-майора Джона Малколма, посла Великобритании в Персии в годы русско-персидской войны 1804–1813 гг. Эти источники имеют самое непосредственное отношение к тематике книги «Дорога на Гюлистан...» хотя бы потому, что главным посредником во время русско-персидских переговоров в Тифлисе в 1812–1813 гг., приведших впоследствии к заключению Гюлистанского договора, был британский дипломат, руководитель дипломатической миссии в составе посольства генерала Д. Малколма в Персии сэр Гор Оусли (Gore Ouseley), удостоенный за заслуги перед Россией в этом деле орденом Св. Александра Невского, благодарностью Государственной коллегии Министерства иностранных дел и пожалованный золотой табакеркой, украшенной бриллиантами и вдобавок ко всему избранный почетным членом Петербургской академии наук.

Детальный обзор и анализ содержания англоязычных источников и исследований по истории Закавказья в период его нахождения под властью Персии, а также в период борьбы за господство в регионе между ней и Россией был выполнен старшим научным сотрудником Института истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана, кандидатом исторических наук Н. Р. Гезаловой в историографической монографии «Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе англоязычных источников и исследований)»¹⁶.

¹⁴ Price William. *Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolls*, by William Price. London, 1825.

¹⁵ Kaye, John William. *The Life and Correspondence of Major-General Sir John Malcolm, G. C. G., late envoy to Persia, and governor of Bombay from unpublished letters and journals by John William Kaye*. In 2 Volumes. London: Smith, Elder and Co., 1856.

¹⁶ Гезалова Н. Р. *Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и исследований)*. Баку–М.: Институт истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана, 2010.

Эта монография, изданная (в отличие от значительного количества работ современных азербайджанских исследователей) не только на азербайджанском, но и на русском языке, а поэтому доступная для ознакомления российским историкам, содержит развернутые аннотации нескольких десятков мемуаров, путевых записок, журналов и отчетов официальных делегаций и посольств с участием подданных британской короны, посетивших Россию, Персию, Османскую империю и Закавказье в XVIII столетии (доступ к содержанию этой монографии в интернете абсолютно свободен). Ни для кого не секрет, что на всем протяжении XVIII и в первой четверти XIX века Россия не только проводила свой внешнеполитический курс в Закавказье, но еще и противодействовала там внешнеполитическим устремлениям Великобритании и наполеоновской Франции, но это обстоятельство, судя по номенклатуре списка источников, использованных при написании своей книги О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским, В. М. Мухановым, не только выпало, но даже изначально не попадало в поле их внимания, хотя в полной мере относится к сфере компетенции Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Факт того, что источники и исследования британского происхождения никак не были востребованы со стороны авторов книги «Дорога на Гюлистан...» и не приняты ими во внимание, еще раз наглядно свидетельствует если не о низком уровне их профессионализма, то о крайней тенденциозности их подхода к отбору научной литературы, на основании которой они писали свою книгу. Все это бросает тень невежества и на то заведение, в стенах которого они в настоящее время работают.

Поэтому мы уже не удивляемся тому, что авторы рецензируемой книги прошли мимо и даже не взглянули в сторону такого интересного и познавательного по содержанию комплекса источников, как российская журналистика и периодическая печать рассматриваемого ими периода времени. Во второй половине XVIII — первой четверти XIX столетия в обеих российских столицах успешно издавался достаточно широкий для того времени спектр газет и журналов, среди которых в первую очередь следует назвать «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Аврору», «Московский телеграф», «Полярную звезду», «Се-

верную пчелу», «Библиотеку для чтения», на страницах которых публиковались корреспонденции или исторические очерки, воспоминания и мемуары о событиях на Кавказе. Если бы О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов приложили минимальные усилия в этом направлении, то без особого труда нашли бы целый ряд занимательных по содержанию и содержащимся в них оценкам событий корреспонденций с театра военных действий, как это сделали мы¹⁷. Пренебрежение к источниковедческим поискам в периодической печати (в том числе и специализированной — общественно-научной) привели к тому, что «Дороге на Гюлистан...» оказалось не по пути с такими источниками, имеющими самое непосредственное отношение к проблематике работы, указанной в ее подзаголовке, как «Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807–1808 годах» А. А. Баторского¹⁸, сходными с ним по названию статьями в историческом журнале «Русская старина»¹⁹ или близкие по тематике статьи в журналах «Отечественные записки» и «Кавказская старина» (ряд статей, публиковавшихся некоторыми авторами в этих изданиях, например, Е. Г. Вейдентаумом, были изданы впоследствии отдельными сборниками)²⁰.

¹⁷ Поход князя Павла Дмитриевича Цицианова в Карабахскую область // Аврора (Москва), 1806, т. III, № 1, с. 97–107; Муханов П. А. Взятие Гянджи // Московский телеграф, 1825, т. V, с. 242–250.

¹⁸ Баторский А. А. Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807–1808 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. Вып. XXIII. СПб.: Военная типография, 1886.

¹⁹ Проект русско-турецкой экспедиции в Индию. 1800 // Русская старина, 1873, т. VII, с. 401–409; План похода в Индию в том виде, в котором он был договорен между Бонапартом и Павлом I // Русская старина, 1876, т. XV, с. 216–217; Письма императора Павла к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову 1-му // Русская старина, 1873, т. VIII, с. 409–410.

²⁰ Вейденбаум Е. Г. Закавказский поход графа Тотлебена в 1769–1771 гг. // Кавказские этюды (Тифлис), 1901, с. 146–193; Радожицкий И. Т. Историческое известие о походе российских войск в 1796 году в Дагестан и Персию под командою графа Валеряна Александровича Зубова // Отечественные записки, 1827, ч. 31. № 87, с. 128–168; № 88, с. 267–315.

Подводя итог сказанному выше, мы вполне обоснованно можем утверждать, что при работе над своей книгой О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым была изучена и проанализирована только незначительная часть ранее введенных в научный оборот и поэтому хорошо известных прочим исследователям, даже не специализирующимся на проблематике кавказской истории, источников, относящихся к периоду второй половины XVIII — первой четверти XIX века. В силу этого обстоятельства их работа вряд ли может рассматриваться в качестве добротного академического, не говоря уже о его фундаментальности, издания и должна восприниматься читающей публикой скорее как беллетристическое произведение на историческую тему.

Переходя от источниковедческой к историографической критике содержания библиографии работы О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова, мы вынуждены констатировать крайне низкий уровень их знакомства даже с заголовками ранее изданных по заявленной ими тематике исторических исследований. Достаточно сказать, что в списке использованных ими источников и литературы мы не увидели единственного ранее изданного в постсоветской России историко-политологического монографического исследования — книги Г. А. Акопяна и В. К. Осипова «Гюлистан: страницы истории»²¹, специально посвященного теме Гюлистанского договора, его истоков и последствий. Данное обстоятельство позволяет нам ответственно утверждать, что авторы книги «Дорога на Гюлистан...» вообще не проводили какого-либо целенаправленного историографического исследования по заявленной ими тематике, поскольку указанное издание после ввода в поисковую строку электронного каталога Российской государственной библиотеки слова «Гюлистан» в результатах поиска указывается первым. На этом фоне уже не вызывает никакого удивления или возмущения то обстоятельство, что им также оказалось неведомо и единственное военно-историческое исследование имперского периода отечественной истории, специально посвященное войне

²¹ Акопян Г. А., Осипов В. К. Гюлистан: страницы истории. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

1804–1813 гг.²², что лишний раз и вполне наглядно свидетельствует о низком уровне их знакомства с периодическими источниками, опубликовавшими в имперской России научные исследования.

Анализ номенклатуры наименований исследований, использованных при написании рецензируемой книги, позволяет говорить, что ее теоретическую основу составляют работы выдающихся российских военных историков имперского времени — генерал-лейтенанта Н. Ф. Дубровина, являвшегося академиком-секретарем Петербургской академии наук, генерала от инфантерии и сенатора П. О. Бобровского, генерал-лейтенанта М. И. Богдановича, генерал-майора А. В. Висковатова, профессора полковника А. Г. Кавтарадзе, генерал-лейтенанта и сенатора А. И. Михайловского-Данилевского, начальника штаба войск Кавказской линии генерал-майора А. Н. Петрова, начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта В. А. Потто. Однако среди этой плеяды великих представителей российской военно-исторической науки мы почему-то не видим имени Д. Н. Бантыш-Каменского, автора многотомного собрания жизнеописаний выдающихся российских полководцев, в том числе и покорителей Кавказа²³, без которого даже беглый взгляд на список источников и литературы «Дороги на Гюлистан...» обнаруживает его неполноту (наверное, это произошло потому, что он делал служебную карьеру по линии Министерства внутренних дел Российской империи, а не в составе вооруженных сил). Нет в нем и являющихся классическими для отечественной исторической науки XIX столетия трудов А. Г. Брикнера²⁴ и Н. К. Шильдера²⁵, хотя они относятся скорее к политической, чем к военной истории,

²² Смирнов К. Русско-персидская война 1803–1813 с персидской точки зрения // Известия штаба Кавказского военного округа. 1913, № 36.

²³ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами: В 3-х тт. СПб.: Тип. III департамента Министерства государственных имуществ, 1840.

²⁴ Брикнер А. Г. История Екатерины II: В 3-х тт. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885; Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Екатерины II. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885.

²⁵ Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4-х тт. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897–1898; Шильдер Н. К. Император Павел Первый. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.

из-за чего вполне могли быть упущены из виду О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым, подзаголовок работы которых «Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.», памятуя об их особой приверженности к описаниям военного компонента процесса присоединения и последующей колонизации Кавказа в составе Российской империи, должен звучать так: «Из истории российских завоеваний на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в.».

Демонстрируя всем содержанием историографии своей книги приверженность принципу «война — последний довод королей», авторы «Дороги на Гюлистан...» напрочь потеряли из поля своего зрения работы российских и зарубежных исследователей, связанных с изучением исторических аспектов российской внешней политики Российской империи и международных отношений с ее участием во второй половине XVIII — первой четверти XIX века. Данный факт вызывает крайнее удивление хотя бы потому, что М. А. Волхонский и В. М. Муханов являются старшими научными сотрудниками Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, а поэтому кому как не им заниматься изучением истории дипломатии, а не политических аспектов военной истории, для чего существуют иные научно-исследовательские учреждения, подведомственные Министерству обороны РФ. Вроде бы именно его авторы рецензируемой книги продемонстрировали заголовком первой части композиционной структуры своей работы или «Вместо предисловия» — «Непохожие близнецы: Балканы и Закавказье в российской политике», — но дальше этой демонстрации почему-то не пошли. Из 72 исследований, указанных в списке литературы и источников рецензируемой книги, только 3 или 4 непосредственно относятся к истории дипломатии или международных отношений, остальные — к военной или социально-политической истории и этнографии России имперского периода ее истории. Вполне возможно и даже правдоподобно, что данное обстоятельство также сыграло свою немаловажную роль в том, что «Дорога на Гюлистан...» вышла в свет под грифом именно Международного института Новейших государств, а не МГИМО (У) МИД России.

Вместе с тем для расширения научного кругозора О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова мы должны сообщить им

достаточно длинный перечень великолепных трудов по истории отечественной дипломатии, тематически и содержательно имеющих самое прямое отношение к рассматриваемому ими региону и периоду времени, т. е. к Кавказу и отдельным его субрегионам во второй половине XVIII — первой трети XIX века, авторами которых являются известные российские историки, юристы, кавказоведы З. Д. Авалов, Б. П. Балаян, С. К. Бушуев, Е. И. Дружинина, О. И. Елисеева, С. П. Жигарев, О. В. Орлик, Н. А. Смирнов, А. В. Фадеев²⁶.

Этот список может быть существенно дополнен и расширен за счет указания переведенных на русский язык общепризнанных в мировой исторической науке работ ряда выдающихся иностранных авторов — Ф. Боденштедта, А. Валлотона, А. Вандаля, А. Дебидура, Г. Дельбрюка, А. М.-Ф. Руира, А. Труайя²⁷. С позиций академического этикета авторы рецензируемой книги также вполне могли

²⁶ Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901; Балаян Б. П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988; Бушуев С. К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е гг. XIX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1955; Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955; Елисеева О. И. Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина в период первой русско-турецкой войны (1787–1791 гг.): Историографическое исследование. М.: Русский архив, 1997; Елисеева О. И. Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: Эксмо, 2000; Жигарев С. П. Российская политика в Восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки: В 2-х тт., М.: Университетская тип., 1896; Орлик О. В. Россия в международных отношениях. 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М.: Наука, 1998; Смирнов Н. А. Политики России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Изд-во соц.-полит. лит.-ры, 1958. Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958; Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

²⁷ Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских (1823–1831) / пер. с нем. М. Исаева. Махачкала: Дагест. книжн. изд-во, 1996; Валлотон А. Александр I. М.: Прогресс, 1991; Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой Империи: В 4-х тт. СПб.: Знание, 1910–1913; Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1878: в 2-х тт. Ростов н/Д: Феникс, 1995; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: В 3-х тт., СПб.: Питер, 1996; Руир А. М.-Ф. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке / пер. Н. М. Сухотина. М.: Пролетарий, 1924; Труайя А. Александр I: Северный сфинкс. М.: Эксмо, 2008.

бы включить в список источников и литературы несколько актуальных для тематики их работы диссертационных исследований по историческим наукам, защищенных в СССР и России²⁸, чтобы показать читателям степень своей осведомленности о современных взглядах на рассматриваемую ими проблематику. Но и этого не было сделано, и вместе этого они предпочли сослаться на собственные публикации. Поэтому мы с полным основанием можем утверждать, что профессиональные познания авторов «Дороги на Гюлистан...» не отличаются широтой и систематичностью, им объективно не присущ широкий академический взгляд на изучаемую тему, им явно недостает глубины знакомства с материалом, чтобы делать выводы, достойные внимания профессионального сообщества российских историков и политологов.

Поскольку О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов объективно не знают о существовании трудов классических или современных мэтров исторической науки (и просто исследователей), или забыли о них, то абсолютно не имеет смысла обсуждать или осуждать

²⁸ Бухлак Н. В. Военно-дипломатическая деятельность государственных органов России по обеспечению приоритета в решении «восточного вопроса» в XIX веке: дис. ... докт. ист. наук. М.: МПИ ФСБ России, 2006; Гулиа Д. Г. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1975; Зеленева И. В. Россия в системе международных отношений (XVIII — первая половина XIX в.): геополитический и геостратегический аспекты: дис. ... докт. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2006; Ибрагимова И. И. Военно-дипломатический аспект деятельности России в Дагестане в контексте международных отношений в последнее четверти XVIII — начале XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала: ДГПУ, 2010; Мамаев М. И. Отношения политических образований Нагорного Дагестана с Россией в XVIII — начале XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала: ДГУ, 2010; Орлов А. А. Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX века: дис. ... докт. ист. наук. М.: МГУ им. М. А. Шолохова, 2009; Пасько Е. А. Колонизационная политика России (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д: РГУ, 2003; Рябиков А. Н. Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Армавир: АрмГПУ, 2007; Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений (XVIII — первая половина XIX в.): Дис. ... докт. ист. наук. Нальчик: КБГУ им. Х. М. Бербекова, 2004; Davudov Q. Ş. XIX əsrin I otuzilliyində İran-Rusiya münasibətləri İran Tarixşünaslığında. Nam. dissert. avtoreferat. AMEA Tarix İnstitutu, Bakı, 2006.

незнание ими исследований азербайджанских, армянских, грузинских историков, опубликованных на русском языке в имперское, советское и постсоветское время. Достаточно сказать, что из 72 исследований, наименования которых указаны в списке источников и литературы рецензируемой книги, только 9 принадлежат перу уроженцев Кавказа, из них 4 — профессора В. В. Дегоева, являющегося директором Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Вместе с тем, отдавая дань уважения труду своих предшественников из числа кавказских коллег, чьи имена неведомы авторам рецензируемой книги, но вместе с тем более чем хорошо известны другим российским историкам, с большим профессионализмом, самоуважением и ответственностью относящимся к результатам своей научной деятельности в деле изучения истории Кавказа, мы не можем не указать исследования Г. В. Абдуллаева, Ф. М. Алиева, Д. К. Гулиа, М. А. Игамбердыева, Дж. М. Мустафаева, Т. Т. Мустафазаде²⁹. Также для расширения кругозора О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова мы должны перечислить фамилии некоторых современных авторов из стран Центрального Кавказа, чьи труды внесли существенный вклад в историографию темы политики Российской империи в отношении Кавказа во второй половине XVIII — первой четверти XIX века — Ф. М. Абасова, Н. Р. Гезаловой, М. С. Искандеровой, Г. Н. Мамедовой³⁰.

²⁹ Абдуллаев Г. В. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку: Азернешр, 1965; Абдуллаев Г. В. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60–80-е гг. XVIII в. Баку: Азернешр, 1958; Алиев Ф. М. Азербайджано-русские отношения в XV–XVIII вв.. Баку: Элм, 1985; Гулиа Д. К. К утверждению восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми: Алдиша, 1978; Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в. Самарканд: Изд-во Самаркандского университета, 1961; Мустафаев Дж. М. Северные ханства Азербайджана и Россия. Б.: Элм, 1989; Мустафазаде Т. Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Б.: Элм, 1993; Mustafazadə T. T. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində Osmanlı-Azərbaycan münasibətləri. B.: Elm, 2002.

³⁰ Абасов Ф. М. Гарабагское ханство. Баку: Тахсил, 2007; Гезалова Н. Р. Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и исследований). Баку-М.: Институт истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана, 2010; Искандерова М. С. Азербайджано-русские отношения XVIII — начала XIX вв. в исторической литературе 20–80 гг. XX века. Баку: Элм, 2009; Мамедова Г. Н. О походе В. Зубова в Азербайджан в 1796 г. Баку: Элм, 2003.

Чтобы хоть как-то восполнить библиографические пробелы в познаниях и результатах творчества авторов «Дороги на Гюлистан...» в историографии темы своей книги, мы вынесли в приложение к основному тексту этой брошюры список источников и научных исследований, имеющих самое прямое и непосредственное отношение к истории Кавказа в контексте реализации Россией в отношении него своих внешнеполитических, военных, хозяйственных и административным планов, озаглавив его «Экспериментальная библиография источников и исследований по истории политики России в отношении Кавказа во второй половине XVIII — первой четверти XIX века». Надеемся, что так мы хотя бы как-то минимизируем тот вред, который они причинили своей книгой авторитету и престижу российской исторической науки. Забегая вперед, скажем, что в него мы включили более 200 сборников документов, монографических изданий и диссертаций, умышленно не расширяя его за счет научных или научно-публицистических статей, которые в совокупности могут составлять источниковедческо-историографическую основу для любого будущего исследования по теме российской военно-политической и государственно-административной экспансии на Кавказ во второй половине XVIII — первой четверти XIX века.

Также мы не можем не выказать своего удивления подходом авторов книги «Дорога на Гюлистан...» к отбору исследований, материалы которых использовались при написании. В глаза бросается особая избирательность, с которой они подходили к этому делу. Например, среди указанных ими исследований в списке источников и литературы мы встречаем полковые истории 13-го лейб-гренадерского Эриванского, 14-го гренадерского Грузинского и 64-го пехотного Казанского полков Российской Императорской армии. Однако это совсем не означает, что только эти части Российской Императорской армии во второй половине XVIII — первой четверти XIX века принимали участие в боевых действиях на Северном Кавказе и в Закавказье. Помимо них в эти годы своим присутствием и участием в боевых действиях на Кавказе и в Закавказье отметились Борисоглебский, Владимирский, Нарвский, Нижегородский и Таганрогский драгунские, Кавказский и Тифлисский гренадерские, Белевский, Вологодский, Кабардинский, Казанский, Ладожский,

Московский, Саратовский, Севастопольский, Суздальский, Троицкий, Томский, Херсонский пехотные (мушкетерские), 9-й, 15-й, 16-й и 17-й егерские полки, 7-й артиллерийский батальон, 19-я и 20-я артиллерийские бригады, не говоря уже про донских, черноморских (кубанских) или кавказских линейных (терских) казаков. В последней четверти XIX и начале XX века в связи с различными юбилеями «старшинства», т. е. времени сформирования этих частей, для большинства из этих полков были написаны их истории, в том числе и многотомные, в которых на основании документов полковых архивов достаточно подробно и красочно отображалось участие их генералов, офицеров и солдат в боевых действиях на Кавказе в указанное время (подобные книги были частью политики военного командования по духовно-нравственному воспитанию военнослужащих на исторических примерах служения их предшественников Царю и Отечеству)³¹. Однако по непонятным для нас причинам

³¹ Багратион Д. П. Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб.: Тип.-лит. Ю. А. Римана, 1901; Гаврилов М. И. Солдатская памятка 108-го пехотного Саратовского полка. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1897; Грабовский С. В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880). СПб.: Тип. Кисневеля и Балашова, 1883; Гренадерские и пехотные полки: Справочная книжка Императорской Главной квартиры / под ред. В. К. Шенк, СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1909; Доблесть нижегородца. 1700–1901 г. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1913; Колянковский В. А. Материалы для истории 107-го пехотного Троицкого полка, Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1875; Махлаук Н. П. Грузинцы в Закавказье: Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. 1800–1900. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1900; Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского полка: в 11-ти тт. СПб.–Тифлис, 1892–1908; Смирнов Я. С. Памятка 68-го пехотного Московского Его Величества полка. Холм, 1902; Смирнов Я. С. История 68-го пехотного Московского Его Величества полка. 1642–1700–1890. Варшава: Тип. Г. Ю. Рундо, 1890; Сызянко А. И. К 200-летию юбилею 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1700–1900. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900; Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А. Кубанское казачье войско и его атаманы. 1696–1896. Екатеринодар: Печатник, 1897; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 3-х тт., Екатеринодар: Печатник, 1910–1913; Янжуль Н. И. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886: Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе: в 2-х тт. Тифлис Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887.

и без всяких объяснений эти исследования авторами книги «Дорога на Гюлистан...» были проигнорированы, хотя малая часть полковых историй частей Грузинского, впоследствии — Кавказского корпуса Российской Императорской армии ими была ими использована при ее написании. Как и почему такое могло случиться, остается за гранью понимания.

Однако самое пикантное в этой ситуации то, что использование О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым полковых историй также не обошлось без курьеза: в частности, упомянув в списке источников и литературы своей работы 5-томную «Историю 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет» генерала П. О. Бобровского (правда, дав при этом ее библиографическое описание как однотомного издания), они почему-то не указали другие полковые истории этой части, принадлежащие перу иных авторов³². Из всего сказанного выше мы определенно можем сделать вывод, что такой комплекс исследований, как полковые истории частей Российской Императорской армии, авторам «Дороги на Гюлистан...» не был известен в принципе, отчего их работа существенно потеряла как в плане содержания, так и с позиций организации ее научно-справочного аппарата.

Историографией своей книги О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов очень убедительно демонстрируют не только полное незнание ими отдельных комплексов исследований по темати-

³² Андреев А. П. Подарок солдату к 250-й годовщине 13-го Лейб-гренадерского Эриванского (бывшего Бутырского) полка. 1642–1892. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1892; Андреев А. П. Заветы минувшего: Очерки истории и боевого прошлого 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 270 лет его существования. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1913; Шабанов Д. Ф. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка: В 3-х чч. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1871; Шабанов Д. Ф. Краткая историческая записка о славном 13-м Лейб-гренадерском Эриванском Его Величества полке, составленная ко дню 25-летнего юбилея августейшего шефа полка. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1875; Шеваршидзе М. Л. Краткая история 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка: Слово, сказанное учебной команде этого полка начальником ее штабс-капитаном князем М. Шеваршидзе. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1907.

ке своего сочинения, но и крайне пренебрежительное отношение к историческим трудам своих предшественников, составляющих поистине «золотой фонд» отечественной исторической науки. Наиболее ярко это можно проследить на примере приведенной ими библиографии книг генерал-майора и сенатора С. Д. Бурнашева, долгое время являвшегося «комиссионером при царе Карталинском и Кахетинском Ираклии II и царе Имеретинском Соломоне I». В частности, среди источников мы встречаем его «Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 год» под редакцией А. А. Цагарели (с. 374), но в списке исследований мы не встречаем указания на три его фундаментальных труда³³ по истории, географии и этнографии Кавказа, написанные им в бытность курским градоначальником на основании записей, которые он вел на дипломатической службе в Грузии, хотя все они имеются в фондах Российской государственной библиотеки. Этот и другие подобные факты вполне очевидно свидетельствуют о том, что авторы рецензируемой книги не только не обладают широким научным кругозором и глубиной познаний в заявленной тематике, но и достаточно высокомерно относятся к своим читателям, считая их неспособными на конкретных примерах доказать это. Однако их профессиональная невежественность проявилась в первую очередь в неспособности грамотно и корректно с академической точки зрения составить научно-справочный аппарат своей книги, что стало поводом и основанием подвергнуть все ее содержание пристрастному критическому разбору.

Данное впечатление еще более усиливается после сопоставления содержания библиографического списка литературы и источников и основного текста работы. В числе опубликованных источников, использованных авторами при написании

³³ Бурнашев С. Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния царств карталинского и кахетинского, Курск: б. и., 1793; То же. Тифлис: Издание К. Н. Бегичева, 1896; Бурнашев С. Д. Описание областей Адребиджанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающем при Е. В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темурадовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786. Курск: б. и., 1793; Бурнашев С. Д. Описание горских народов, Курск: б. и., 1794.

своей книги, мы встречаем указание на 3-ю часть (вып. 1) «Материалов по истории русско-грузинских отношений во второй половине XVIII века» (с. 376), в которой опубликованы документы, относящиеся к 1763–1770 гг., хотя логичнее для авторов было бы показать знакомство со всем этим комплексом источников, благо, что все они хронологически совпадают со временем, описанным в первой главе «„Диверсия” императрицы: отряд генерала Г. Г. Тотлебена в Грузии (1768–1774)» книги (1-я часть «Материалов...» содержит в себе документы, относящиеся к 1742–1756, 2-я часть — к 1756–1763, а 2-й выпуск 3-й части — к 1770–1774 гг.)³⁴, тем более что сам сборник документов находится в свободном доступе в Интернете. Мы не можем предложить никакого сколько-нибудь вписывающегося в рамки здравого смысла объяснения отношению авторов книги «Дорога на Гюлистан...» к составлению научно-справочного аппарата своего издания, но то качество, с каким эта работа была сделана, свидетельствует о том, что к ее выполнению они отнеслись из рук вон плохо, что не удивительно, поскольку огрехи такого рода свойственны почти что всем изданиям, выпущенным под грифом Международного института Новейших государств.

Хотя, на наш взгляд, такому положению вещей есть одно достаточно логичное объяснение, но тогда придется признать тот факт, что мы имеем дело с нерадивыми и не очень умными школярами, а не с профессиональными историками, имеющими ученые степени: при составлении списка источников и литературы они без редактирования библиографического описания каждого издания скопировали в него содержание постраничных подстрочных сносок и сделали это механически, позабыв при этом о существовании ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.80–2000 «Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления». Такое впечатление только усиливается по мере того, как более подробно знакомимся с содержа-

³⁴ Материалы по истории русско-грузинских отношений во второй половине XVIII века: В 3-х тт. / сост. В. Г. Мачарадзе, Г. И. Куталадзе, Г. Г. Жужунашвили. Тбилиси: ТБГУ, 1988–2007.

нием и библиографическим оформлением списка литературы и источников рецензируемой книги, особенно когда видишь, каким образом ее авторами было осуществлено библиографическое описание таких многотомных изданий, как собрание сочинений С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» или «Русская военная сила» — 11-томного «Очерка развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней», составленного Обществом офицеров Генерального штаба в 1888–1890 гг. (с. 381). Чтобы не быть голословными, мы сопоставим библиографические описания указанных выше изданий в том виде, в котором они представлены в списке источников и литературы книги «Дорога на Гюлистан...», с тем, каким оно должно быть в соответствии с требованиями ГОСТ. Поскольку визуализация и наглядность согласно законам психологии являются лучшими способами обеспечения адекватности восприятия, сравнения и анализа полученной информации, мы представим это в виде таблицы (слева дано описание издания в соответствии с книгой «Дорога на Гюлистан...», справа — в соответствии с нормативными требованиями).

Русская военная сила. Вып. 9. М., 1889.	Русская военная сила: Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней: В 11-ти тт. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°, 1888–1890.
Соловьев С. М. Сочинения в 18 тт. История России с древнейших времен. Кн. 9. Тома 17–18. М., 1993.	Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В 6-ти книгах и 29-ти тт. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1851–1879.

Приведенные выше примеры наглядно показывают, что авторы рецензируемой книги не только не знают правил составления библиографического описания изданий, но также позабыли и о том, что правилом хорошего тона в отечественной исторической науке считалась обязательность оставления библиографического описания исследования, получившего признание в качестве научной классики, по его первому изданию.

Обычно навыки грамотного составления библиографических описаний прививаются аспирантам в первый год обучения в аспи-

рантуре, а студентам исторических факультетов — на занятиях по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, но в нашем случае их наличия у авторов книги мы не наблюдаем, отчего возникают вполне резонные вопросы в адрес научных руководителей О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова, им их не прививших, а также в адрес профессора В. В. Дегоева, директора Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, которому авторы «Дороги на Гюлистан...» выразили свою благодарность «за неоценимую поддержку в ходе работы над книгой» по поводу того, как он мог благословить на издание научную, по его мнению, работу, совсем не имеющую научно-справочного аппарата?

Этот вопрос совсем не праздный, поскольку ошибки, объективно имеющиеся в оформлении библиографического описания некоторых изданий, включенных авторами «Дороги на Гюлистан...» в список источников и литературы своей книги, вообще заставляют нас сомневаться в том, что кто-нибудь из них вообще держал в руках книгу, знакомство с содержанием которой они записывают в свой актив. Например, известную работу Хаджи-Мурата Ибрагимбейли они описывают как «*Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М., 1969*» (с. 380), хотя на самом деле библиографическое описание этого издания выглядит так: «*Россия и Азербайджан первой трети XIX века: Из военно-политической истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969*». Дело в том, что подзаголовок этого издания и полное наименование издательства можно узнать, только взглянув на титульный лист книги или на библиографическое описание на его обратной стороне, поэтому в большинстве библиотечных каталогов карточки, составляемые только по обложке этой книги, не содержат полного ее наименования. Исходя из этого, мы с высокой степенью вероятности можем предполагать, что ни О. Р. Айрапетов, ни М. А. Волхонский, ни В. М. Муханов монографии Х.-М. Ибрагимбейли в руках никогда не держали, а указание на нее заимствовали из какого-то иного известного им исследования. Аналогичный вывод мы можем сделать и по поводу весьма сомнительной реальности их знакомства не только с содержанием, но и с внешним видом «Истории 13-го Лейб-гренадерского

Эриванского Его Величества полка за 250 лет» генерала П. О. Бобровского, поскольку они 5-томное издание с двумя томами приложений общим объемом около 3000 страниц текста оформляют как однотомное (с. 378). То же самое мы видим и в отношении изданного в 1834–1835 годах в двух частях с двумя приложениями атласа карт и коллекции портретов сборника П. П. Зубова (а не Н. П. Зубова, как у авторов «Дороги на Гюлистан...») «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год», библиографическое описание которого содержит указание только на первый том, а не часть, как у его автора (с. 379). Безусловно, мы хотели бы ошибаться, высказывая такие подозрения в адрес своих коллег по цеху профессиональных историков, но их действия все-таки не оставляют нам другого выбора, как считать их непорядочными людьми. Чтобы наша мысль была представлена читателям наглядно, мы представим на их суд для сравнительного анализа варианты библиографических описаний перечисленных выше книг, как это уже было сделано выше (слева дано описание издания в соответствии с книгой «Дорога на Гюлистан...», справа — в соответствии с нормативными требованиями).

Бобровский П. О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. СПб., 1893.

Зубов Н. П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. Т. I. СПб., 1836.

Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Азербайджан первой трети XIX века. М., 1969.

Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет: В 5-ти тт., СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1892–1898.

Зубов П. П. Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. С присовокуплением биографий важнейших замечательных лиц, действовавших в первое тридцатитрехлетие русского владычества за Кавказом: в 2-х тт. и 2 прил. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1835–1836.

Ибрагимбейли Х.-М. Россия и Азербайджан первой трети XIX века: Из военно-политической истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969.

Анализируя список источников и литературы книги «Дорога на Гюлистан...», нам удалось установить наименования еще нескольких включенных в него публикаций, которые ни О. Р. Айрапетов, ни М. А. Волхонский, ни В. М. Муханов никогда в оригинале абсолютно точно не видели и тем более в руках не держали, иначе бы они ни за что не дали им такого библиографического описания. В первую очередь речь идет о подборке писем А. П. Ермолова в адрес кавказского наместника графа М. С. Воронцова, опубликованных в 48-м (XLVIII) томе журнала «Русская старина». Они дают следующее описание этого источника: *«Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М. С. Воронцову // Русская старина, 1885, № 12»* (с. 372). Но при этом им абсолютно невдомек, что публикация этих писем, равно как их подготовка к печати была осуществлена председателем Кавказской археографической комиссии А. П. Берже, которому принадлежит также вступительная статья к этой эпистолярной коллекции. Конечно, вполне можно допустить, что три кандидата исторических наук не смогли составить правильного библиографического описания периодического издания «Русская старина», поэтому не включили в него номер тома (они явно не знают, что этот исторический журнал издавался ежемесячными выпусками, объединенными в тома по третям года), но не указать авторство публикатора, подготовившего коллекцию документов к изданию, предварив его вступительной статьей, они точно были бы неспособны (если, конечно, они знали бы об этом). Однако правильно составленного библиографического описания этого исторического источника в списке источников и литературы рецензируемой книги мы не наблюдаем. Все это случилось потому, что они никогда не держали в руках соответствующий том «Русской старины» и не видели публикации, на содержание которой с «ученым видом знатока» (по А. С. Пушкину) пытаются сослаться в своей книге. Чтобы исправить эту оплошность, мы для всех прочих читателей сообщаем правильное библиографическое описание указанного исторического источника: *Берже А. П. Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М. С. Воронцову // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XLVIII, СПб.: Печатня В. И. Головина, 1885, вып. 12, с. 523–550.*

Еще одной работой, оригинального текста которой О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский или В. М. Муханов никогда не видели и поэтому механически включили ее в список источников своей книги, заимствовав его с ошибками в библиографическом описании из других исследований, не проверив на соответствие реальному положению дел, является исторический очерк все того же А. П. Берже «Посольство А. П. Ермолова в Персию», опубликованный, согласно тексту «Дороги на Гюлистан...», в 7-м выпуске «Русской старины» за 1877 год (с. 373). Однако авторам рецензируемой книги абсолютно неизвестен тот факт, что эта работа, состоящая из введения и 10 параграфов, публиковалась последовательно в двух номерах этого журнала за июль и август (в июле — введение и первые три параграфа, в августе — окончание), объединенных в т. XIX журнала за вторую треть 1877 года. Поэтому адекватное реальности библиографическое описание этого исторического очерка должно выглядеть так: *Берже А. П. Посольство А. П. Ермолова в Персию: Исторический очерк // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XIX. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1877, вып. 7, с. 256–273; вып. 8, с. 389–427.* При этом нам следует обратить внимание читателей на то обстоятельство, что описание последней работы А. П. Берже авторы книги «Дорога на Гюлистан...» включили в число опубликованных исторических источников (с. 373), хотя в реальности же эта публикация представляет собой, как следует из ее развернутого библиографического описания, исторический очерк и поэтому относится к разряду исследований, а не сборников документов. Знать это может только человек, который держал в руках и листал страницы соответствующего тома журнала «Русская старина». Обратное свидетельствует о том, что авторы рецензируемой книги с творческим наследием А. П. Берже знакомы по заголовкам работ, а не по их текстам.

Продолжая уже сложившуюся традицию и отдавая дань уважения научной и административной деятельности председателя Кавказской археографической комиссии А. П. Берже, мы еще раз визуализируем примеры невежественности О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова при составлении библиографического описания его работ, представив последствия в табличной форме (слева дано описание публикации в соответствии с книгой

«Дорога на Гюлистан...», справа — в соответствии с нормативными требованиями).

Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М. С. Воронцову // Русская старина, 1885, № 12.

Берже А. П. Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М. С. Воронцову // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XLVIII, СПб.: Печатня В. И. Головина, 1885, вып. 12, с. 523–550.

Берже А. П. Посольство А. П. Ермолова в Персию // Русская старина. 1887, № 7.

Берже А. П. Посольство А. П. Ермолова в Персию: Исторический очерк // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XIX. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1877, вып. 7, с. 256–273; вып. 8, с. 389–427.

Данный факт имеет далеко не единичный характер. Отсутствие знакомства авторов «Дороги на Гюлистан...» с оригинальными текстами в оригинальном издании еще целого ряда источников исследований демонстрирует библиографическое описание публикаций документов в Сборниках Императорского Русского исторического общества в том виде, в каком они присутствует в списке источников и литературы рецензируемой книги. Как и в случае с источниковедческими работами А. П. Берже, большая часть этих документов также имела предисловия публикаторов, что тем не менее не нашло отражения в описании источника, что само по себе является нарушением правил и этики источниковедческой деятельности. Не обошлось также и без свойственной авторам «Дороги на Гюлистан...» путаницы, при которой источники попадают в число исследований и наоборот (поскольку это вошло в привычку, этим фактам мы уже не ужасаемся). Чтобы исправить ошибки, допущенные О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым при составлении библиографического описания целого ряда изданий, а также показать читателям, насколько они существенны, ниже мы даем правильные описания указанных ими публикаций источников и исследований (для наглядности предлагаем сравнить их с теми, что приводят они на с. 373–374 своей книги). Слева дано описание публикации в со-

ответствии с книгой «Дорога на Гюлистан...», справа — в соответствии с нормативными требованиями.

Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. I. 1747–1787 (годы с 1747 по 1787) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 26. СПб. 1879.

Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. I. 1747–1787 // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 26. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879.

Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. II. (годы с 1787 по 1799) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 26. 1880.

Григорович Н. И. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. II. 1787–1799, прил. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 26. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881.

Бумаги князя Н. В. Репнина. 1776 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1870.

[Панин В. Н.] Бумаги князя Н. В. Репнина: Сообщено из семейного архива Н. В. Репниным // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 6. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1870, с. 305–372.

Для читателя, профессионально не сведущего в вопросах историографии российской истории, следует дать некоторые пояснения, которые могли бы ему помочь понять суть ситуации. Дело в том, что двухтомник Н. И. Григоровича, удостоенный премии Императорской Академии наук, является полноценным историческим исследованием, ко второму тому которого была приложена коллекция документов. Но О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов почему-то посчитали его за сборник документов и поместили в списке источников и литературы своей книги среди источников. Единственно возможное рациональное объяснение этому может быть только в том, что они соответствующие тома Сборника Императорского Русского исторического общества своими глазами никогда не видели и в руках не держали и включили его в библиографию своей книги посредством

банально примитивного и абсолютно бездарного плагиата из какого-то другого источника информации.

Что касается документов архива князя Н. В. Репнина, опубликованных в 6-м томе Сборника Императорского Русского исторического общества, то они занимают далеко не весь объем соответствующей книги, а только его шестую часть, а их коллекция предваряется вступительной статьей редактора тома. Иными словами, повторяется та же история, которая произошла при составлении авторами книги «Дорога на Гюлистан...» библиографического описания корреспонденции генерала от артиллерии А. П. Ермолова к наместнику на Кавказе князю М. С. Воронцову, публикатором которых в «Русской старине» выступил А. П. Берже. Ошибки, допущенные О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым в каждом из этих двух случаев, шаблонны (равно как и в случае причисления исследований А. П. Берже и Н. И. Григоровича к разряду исторических источников), что само по себе наглядно свидетельствует о том, что никто из авторов книги «Дорога на Гюлистан...» с этими изданиями личного и непосредственного знакомства не имел, а свое представление о них составил по принципу, описанному в автохтонной русской народной поговорке «слышал звон, да не знает, где он».

Однако самый большой конфуз у авторов книги «Дорога на Гюлистан...» приключился при библиографическом описании 16-го тома Сборника Императорского Русского исторического общества, который они внесли в список источников под названием «Бумаги князя Н. В. Репнина за время управления его Литвою (годы с 1794 по 1796)». Во-первых, в оригинальном издании этот том не имеет собственного названия. Во-вторых, он начинается 30-страничной анонимной вступительной статьей, авторство которой может принадлежать Н. И. Костомарову или А. А. Половцеву, под наблюдением которых произошло издание документов. В-третьих, в этой книге собраны документы с апреля 1794 по ноябрь 1795 года, тогда как авторы рецензируемой книги верхнюю хронологическую границу коллекции документов определяют годом позже (впрочем, с датировкой событий они всегда испытывают проблемы, о чем мы уже писали выше и скажем не раз впоследствии). Следовательно, когда они составляли список литературы

и источников своей книги, то не держали в руках оригинала этого сборника документов (и вряд ли вообще его когда-либо воочию видели) и скопировали его описание из какого-либо другого неприязнительного и далекого от идеала исследования, растиражировав ошибку, допущенную кем-то задолго до них. Тем самым они в очередной раз явили пример самого примитивного и даже дешевого плагиата.

Тем самым они демонстрируют не только свою профессиональную некомпетентность, полное и постыдное для профессионального историка незнание комплекса научной и научно-справочной литературы, которую объявляют источниками своей работы, но и пренебрежение к тем своим читателям, которые более осведомлены в этом вопросе, или презрение к тем из них, кто не посвящен во все тонкости источниковедения и историографии отечественной истории. Конечно, это можно было бы считать случайной технической ошибкой издательства, но в сочетании со всеми приведенными выше обстоятельствами и фактами такое положение дел позволяет нам с полным правом говорить о том, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов создавали свою книгу, изначально имея перед собой цель исказить реалии российско-кавказских отношений в рассматриваемое ими время и тем самым создать псевдонаучное квазизнание, которое в будущем может быть положено в основу геополитических амбиций и притязаний спонсоров Международного института Новейших государств.

Как мы видим, библиография «Дороги на Гюлистан...» изобилует колдобинами и ухабами... Но это, собственно, и не удивительно, Международному институту Новейших государств, как мы уже писали в предуведомлении к своей критической рецензии, не привыкать издавать исследования, изобилующие фальсификациями исторических документов и фактов.

* * *

Приводя многочисленные и абсолютно обоснованные примеры академической недобросовестности О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова, мы поражаемся той легкости, с которой они вставляют в текст своей работы подтасовки и прямые фаль-

сификации источников. В связи с чем возникает вполне закономерный вопрос: неужели они реально рассчитывали на то, что сегодня в профессиональной корпорации российских историков уже не осталось людей, кто все еще обладает достаточной источниковедческой базой, заложенной на университетской скамье и в годы обучения в аспирантуре, кто бы смог заметить из подлог и пересмотреть библиографию их работы на предмет ее достоверности и соответствия содержания оригинальным источникам? К несчастью для них, такие люди еще сохранились среди российских историков-медиевистов, что дает нам все основания обвинить их в беспринципности и пренебрежении профессиональным долгом и этикой.

Также мы не можем не задать вопрос о том, как после написания и опубликования массовым тиражом такой откровенной и даже низкопробной халтуры О. Р. Айрапетов может и далее занимать должность заместителя декана по научной работе факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова? О какой методически грамотной и правильной организации научно-исследовательской деятельности на факультете может идти речь, и чему он может на практике научить своих студентов, если у него не возникает элементарного желания перепроверить библиографическое описание источников даже по материалам электронных ресурсов, которые сегодня доступны любому мало-мальски грамотному пользователю интернета? После всего о какой качественной подготовке студентами факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова выпускных квалификационных работ может идти речь, если руководитель этого направления не в состоянии сам методологически грамотно написать введение и заключение к монографии, соавтором которой он является? Какое после издания псевдонаучной книги, в которой нет даже намека на наличие научно-справочного аппарата, он имеет моральное право требовать и спрашивать со студентов соблюдения и выполнения ими правил оформления дипломных работ, если сам цинично игнорирует правила академического этикета при оформлении к печати своего научного исследования? И стоит ли нам после этого удивляться тому, что престиж отечественной гуманитарной науки в молодежной среде стремительно и резко падает?

Любое издание, в том числе и то, что претендует на статус научного, так или иначе отражает внутренний мир и нравственные доминанты его автора или авторов. Ни для кого не секрет, что в современной России изучением и приумножением гуманитарного знания занимаются люди, искренне любящие свою профессию, являющуюся для них делом жизни. Но тогда, спрашивается, почему М. А. Волхонский и В. М. Муханов, будучи старшими научными сотрудниками Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, являясь профессиональными кавказоведами, вдруг назвали научным изданием книгу, композиционная структура которой мало похожа на работу по историческому регионоведению? Более всего в этой ситуации непонятно, что конкретно подтолкнуло их на интеллектуальный подлог или фальсификацию содержания списка литературы и источников своей книги. Если они привыкли работать среди всеядных дилетантов, то это не значит, что среди их коллег по цеху не осталось специалистов, как и они, занимающихся историей Кавказа, хорошо помнящих, какие из перечисленных ими изданий являются публикациями исторических источников, а какие — исследованиями. Зачем было так дешево разменивать свое имя и на пустяках девальвировать репутацию?

Также в этой ситуации больше всего тревожит та легкость, с которой руководство МГУ им. М. В. Ломоносова и МГИМО (У) МИД России позволяет О. Р. Айрапетову, М. А. Волхонскому и В. М. Муханову, прикрываясь статусом сотрудников наиболее авторитетных научно-педагогических центров страны, устраивать мезальянсы на грани низкопробного адюльтера с Международным институтом Новейших государств. Неужто директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России профессор В. В. Дегоев, соглашаясь на публичное высказывание благодарности в свой адрес на страницах книги «Дорога на Гюлистан...» (с. 9), заранее не прочитал этот весьма далекий от канонов классической исторической науки не только по содержанию, но и по своей композиционной структуре опус? Или, может быть, ему все равно, от кого и в какой форме принимать благодарность за небрежение к интересам и престижу отечественной истории и, что самое обидное, дипломатии? Ведь на основании именно таких

работ столь низкого уровня в российском обществе и в мире будет складываться впечатление обо всей сфере гуманитарного знания в нашей стране, от которого не так уж и далеко до признания справедливости утверждения, что «Россия — страна с непредсказуемым прошлым».

Завершив высказывать общие замечания к композиционной структуре и содержанию научно-справочного аппарата книги О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова «Дорога на Гюлистан...», мы переходим к анализу содержания глав этой работы, которые таят огромное количество несуразностей и ошибок, видных глазу профессионального историка даже по формулировкам их заглавий. Забегая вперед, выражаем уверенность в том, что нас ждут еще многие примеры не только профессионального дилетантизма, но и моральной беспринципности авторов рецензируемой книги, которые, как показывает практика, являются главными и, пожалуй, единственными значимыми критериями для получения согласия на их издание под грифом Международного института Новейших государств.

ЧАСТНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Ложь и полуправда об экспедиции графа Г.-К.-Г. Тотлебена в Западное Закавказье

Первая глава рецензируемой книги имеет громкое и довольно-таки бессмысленное с позиции семантики русского языка название: «„Диверсия” императрицы: отряд генерала Г. Г. Тотлебена в Грузии (1768–1774)». Дело в том, что в русском языке слово «диверсия», вынесенное авторами в заголовок, применительно к реалиям второй половины XVIII столетия служило исключительно для обозначения военных операций, производимых незначительными воинскими контингентами для дезориентации противника и отвлечения его внимания или сил с главного направления, и только в XX веке получило принципиально иное смысловое наполнение и стало использоваться для обозначения скрытных, но тщательно подготовленных специальных актов или мероприятий диверсионно-разведывательных групп или отдельных разведчиков по выводу из строя наиболее важных объектов государственно-административной, военной, транспортной, коммуникационной, экономической, оборонно-промышленной инфраструктуры или их элементов путем подрыва, поджога, затопления, а также применением иных способов разрушения, не связанных с ведением общевойскового боя для достижения цели.

Иными словами, императрица Екатерина II, а речь идет именно о ней, судя по хронологии, указанной в заголовке главы, никак не могла единолично совершить диверсию против Грузии в указанное время, поскольку находилась в С.-Петербурге или его окрестностях, а никак не на Кавказе. Поэтому авторам, в соответствии

с законами русского языка, было бы уместнее и грамотнее говорить о диверсии отряда генерала Г. Г. Тотлебена, а никак ни этой венценосной особы. К сожалению, как мы убедились уже не раз до этого, О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов не особо дружат с языком, на котором пишут свои статьи и книги, а неясность слова, как учил граф Л. Н. Толстой, является верным признаком неясности мысли, вследствие чего все последующее содержание указанной главы является корявым и кособоким, в чем нам предстоит еще не раз убедиться по мере критического разбора ее содержания.

В главе «Общие замечания» мы уже говорили, приводя конкретные примеры, о крайне низком уровне знакомства авторов книги «Дорога на Гюлистан...» с историческими источниками и исследованиями. Сам заголовок первой главы их книги подтверждает правильность этого замечания еще раз. Если бы они составили себе труд ознакомиться с содержанием хорошо известных большинству российских военных историков и кавказоведов работ Е. Г. Вейденбаума и В. А. Потто³⁵, то легко могли бы узнать, что «закавказский поход», именуемый ими «диверсией», отряда под командованием саксонского графа и генерал-майора русской службы Готтлоба Курта Генриха фон Тотлебена состоялся все-таки в 1769–1771 гг., а никак не в 1768–1774 гг., как это указано в названии главы. Конечно, подобная оригинальная, но далекая от объективности авторская датировка может быть объяснена аллюзией на события российско-османской войны 1768–1774 гг., о возможности которой авторы предупреждали во вступительной части своей книги под названием «Непохожие близнецы: Балканы и Закавказье в русской политике», но, согласитесь, боевой поход, сведения о котором скрупулезно заносились штабными писарями в послужные и формулярные списки участвовавших в нем офи-

³⁵ Вейденбаум Е. Г. Закавказский поход графа Тотлебена в 1769–1771 гг. // Кавказские этюды. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1901, с. 146–193; Потто В. А. Неудачный поход Тотлебена в Грузию // Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт. СПб.: Издание книжного склада В. А. Березовского, Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1887, с. 86–96.

церов и солдат, для профессионального историка должен иметь более точную датировку своего начала и окончания, чем та, которая была предложена читателями О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым, тем более что она известна с точностью до дней: 27 марта 1769 г. были Высочайше одобрены план и состав экспедиции, 29 августа того же года отряд русских войск несколькими эшелонами прибыл в окрестности Тифлиса, в мае 1771 г. произошла смена командира отряда (Г.-К.-Г. фон Тотлебена заменил А. И. Сухотин), в августе 1772 г. отряд был возвращен в места постоянного квартирования на Северном Кавказе.

Особую пикантность содержанию первой главы рецензируемой книги придает то обстоятельство, что основные даты и события похода, или «диверсии», отряда графа Тотлебена хорошо известны ее авторам (точнее — автору главы), поскольку присутствуют в тексте (с. 45, 48). Однако это не помешало путанице с хронологией похода закрасться в заголовок главы. Объяснение такому феномену, по нашему мнению, достаточно просто: текст писал один человек, используя реально имеющиеся в его распоряжении документы и исследования, а заголовок к нему придумывал другой, при этом исходил он не из содержания главы, а из какой-то иной одному ему понятной идеологической конструкции или пожелания заказчика. Из презентации авторов (с. 9) известно, что автором первой главы является М. А. Волхонский, а заголовка к ней — некий аноним, которому как раз и принадлежит идея о том, что Балканы и Закавказье для российской внешней политики второй половины XVIII — первой четверти XIX века являлись «непохожими близнецами», изложенная на первых страницах рецензируемой книги в параграфе «Вместо введения» (кстати, имя автора вводной части «Дороги на Гюлистан...», в отличие от имен авторов ее глав, по неизвестной нам причине ими и издателями тщательно скрывается). Все это дает основания полагать, что за спинами О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова стоит кто-то четвертый, кто и является истинным автором книги.

Только присутствием злой воли этого неизвестного анонима или, как мы его назвали, «Четвертого», можно объяснить столь вопиющее несоответствие между содержанием и заголовком первой главы рецензируемой книги. Посудите сами: глава в книге занима-

ет с 10-й по 54-ю страницы, однако первые три страницы ее текста составляет публикация и анализ содержания фрагментов (относительно Закавказья) докладной записки канцлера графа М. И. Воронцова о международном положении России на имя только что вступившей на престол императрицы Екатерины II 1762 года, последующие одиннадцать (с 14-й и по 25-ю) — краткое изложение истории российско-персидских отношений в первой и второй трети XVIII столетия (начиная с заключения в 1711 и 1713 гг. двух соглашений с кампанией джюльфийских армянских купцов о торговле шелком через Россию с Европой и посольства А. П. Волынского в Исфаган 1715 года и заканчивая описанием мероприятий российского правительства по подготовке к возможной войне с Надир-шахом в 1740-х гг. и установлением отношений с Керим-ханом Зендом), следующие за ними девятнадцать страниц (с 26-й по 45-ю) — достаточно подробному описанию российско-османских и неразрывно с ними связанных в регионе Западного Закавказья во второй трети XVIII века российско-грузинских отношений. Только после этого следуют всего четыре (!) страницы текста (с 46-й по 50-ю), так или иначе связанные с описанием «диверсии» отряда генерал-майора Г.-К.-Г. фон Тотлебена, после них — частные рассуждения и выводы авторов. Наиболее уместным и соответствующим содержанию этой главы книги «Дорога на Гюлистан...» был бы заголовок приблизительно такого содержания: «Российская политика в отношении Закавказья в первой–третьей четверти XVIII века», но из контекста повествования кем-то был искусственно вычленен частный эпизод — поход отряда графа Тотлебена в Грузию и вынесен в заглавие главы. Это, по нашему мнению, было сделано специально для того, чтобы еще раз подтвердить, пусть даже с помощью явно надуманных аргументов, основной идеологический посыл рецензируемой книги, что для российской внешней политики Балканы и Закавказье во второй половине XVIII — первой четверти XIX столетия являлись «непохожими близнецами», и при этом Закавказье являлось фланговым театром военных действий геополитического противостояния России с Османской империей за гегемонию на Балканах. Дополнительную пикантность такой ситуации придает то обстоятельство, что четырехстраничный отрывок главы рецензируемой книги, тематически связанный с походом от-

ряда генерал-майора Г.-К.-Г. фон Тотлебена, не содержит развернутого описания боевых действий или маневров для их подготовки, предпринятых этим армейским соединением на территории Грузии против османов. Вследствие этого читатель не может составить для себя ясного представления о том, в чем же на самом деле заключалась суть «диверсии» императрицы Екатерины II, направившей войска в Закавказье.

Вместе с тем мы не имеем права считать или называть М. А. Волхонского полным невеждой в понимании аспектов российской политики на Кавказе и в Закавказье, по теме которых он пишет, поскольку он является одним из двух составителей многотомного сборника документов «Кавказский вектор российской политики»³⁶. Поэтому он априори обладает широким кругозором и глубокими знаниями, которые, к сожалению, не только не демонстрирует, но и весьма активно скрывает, предпочитая по непонятной нам причине не делиться с читателями известной ему научной информацией и создавать не имеющую ничего общего с исторической объективностью квазиреальность, являющуюся питательной средой для появления разного рода мифов и прямых идеологически ангажированных в духе Международного института Новейших государств фальсификаций. Более того, М. А. Волхонский весьма активно цитирует опубликованные им в соавторстве с В. М. Мухановым исторические документы, но делает это почему-то очень избирательно, сознательно скрывая от читателя «неудобные» для его идеологической концепции документальные исторические источники, что лишний раз позволяет нам говорить о его тенденциозности и предвзятости в описании и оценке действий отряда генерал-майора графа Г.-К.-Г. Тотлебена в Закавказье.

Подводя итог сказанному выше, мы можем с полным основанием сделать следующий вывод: первая глава книги «Дорога на Гулистан...» является реферативным и даже компилятивным текстом, состоящим из нескольких не связанных между собой логически или сюжетно историко-публицистических эссе, написанных на одну общую, но чрезвычайно широкую тему, содержащим в себе

³⁶ Кавказский вектор российской политики: Сб. документов / сост. М. А. Волхонский, В. М. Муханов: В 2-х тт. М.–Тула: Наука; Гриф и К, 2011–2012.

множественные фактологические ошибки в описании исторических событий и, следовательно, сделанные на их основе неадекватные интерпретации и оценки их причин и последствий. При этом содержание текста имеет очень мало общего с его заголовком, что позволяет предполагать, что текст М. А. Волхонского неумелой рукой правил и придумывал к нему заглавие какой-то редактор, одержимый при этом идеей доказать тезис о том, что российская военно-политическая экспансия России за Главный Кавказский хребет была обусловлена и даже спровоцирована борьбой христианских народов региона за свое национально-государственное и религиозное самоопределение в противостоянии с османами.

Как уже было сказано выше, М. А. Волхонский в написанной им первой главе книги «Дорога на Гюлистан...», заголовок которой указывает на Закавказский поход отряда генерала Тотлебена как на главное событие российской внешней политики в Кавказском регионе в годы российско-османской войны 1768–1774 гг., в реальности практически ничего не пишет о том, чем же этот отряд занимался на самом деле, как и какие боевые действия вел, какой результат они дали, и чем закончилась эта его эпопея. По сути, вынося в заголовок главы вполне конкретный по своему содержанию с военно-исторической точки зрения термин «диверсия», он ни слова не пишет о том, в чем она заключалась и чем завершилась. Поэтому мы вынуждены исправлять эту его небрежную ошибку и подробно сообщить читателю о том, что же в реальности делал в Закавказье отряд генерала Тотлебена в 1769–1771 гг., и в этом деле нам помогут хорошо известные профессиональным кавказоведам и историкам изыскания Е. Г. Вейденбаума и В. А. Потто.

Прежде всего следует сказать, что верховная власть Российской империи накануне последней трети XVIII века имела самые общие и зачастую далекие от объективности — на уровне сплетен, слухов и свидетельств пристрастных очевидцев — сведения о положении дел на Кавказе в целом и тем более в Закавказье. Кавказ для России в то время был поистине *Terra Incognita* в прямом смысле этого слова в географическом, социально-политическом, этнографическом и экономическом отношении. В то время Российская империя в Предкавказье имела только два относительно крупных населенных пункта — Кизляр и Моздок (последний был основан только

в 1763 году), а сплошное картографирование Северного Кавказа, не говоря уже о Закавказье, было завершено только через 70 (!) лет после описываемого времени — в 1830-х годах. Иными словами, отряду русских войск, направлявшемуся в 1769 году за Главный Кавказский хребет, предстояло маневрировать и вести боевые действия на абсолютно незнакомой местности, имея самые скудные сведения о населении, экономическом и мобилизационном потенциале театра военных действий, полагаясь лишь на честное слово князей или духовенства союзных им некоторых грузинских царств. По сути, экспедиционный отряд должен был идти в почти полную неизвестность и полагаться только на себя. С военной точки зрения ему предстояло осуществить глубинную тактическую разведку театра военных действий, собрать достоверные сведения о реальном положении дел в Западном Закавказье на предмет возможности присылки туда более существенных по численности армейских контингентов и почти всегда действовать на свой страх и риск.

К сожалению, российские историки конца XIX — начала XX века (речь идет от уже упоминавшихся Е. Г. Вейденбауме и В. А. Потто), говоря о действиях отряда генерала Тотлебена, невольно попали в так называемую «ловушку сдвига восприятия времени», перенеся современную им реальность на события столетней давности, вследствие чего не смогли полно и адекватно оценить условия, в которых реально приходилось действовать русским офицерам и солдатам. В силу этого обстоятельства военно-политическая составляющая похода стала для них превалировать над его военно-технической, что привело к неизбежному и, увы, естественному смещению акцента в оценке его результатов. Этот «перекос» восприняли и еще более гипертрофировали в своих исследованиях историки и кавказоведы, работающие в советское и постсоветское время, вследствие чего военно-технические аспекты этого похода вообще перестали ими приниматься во внимание, хотя именно они и составляли материальную основу военно-политических или дипломатических побед и неудач России в то время в регионе Кавказа — как Северного, так и Центрального. Похоже, что в «ловушку сдвига восприятия времени» невольно попал и М. А. Волхонский, который оставил за бортом своего внимания ему неизвестные,

а поэтому «ненужные» для построения умозрительных интеллектуальных конструкций вопросы перемещения, квартирования, снабжения войск, заболеваемости военнослужащих, имеющие в военное время первоочередное значение, сосредоточив все свое внимание на поиске полученных «выгод», которые бы он мог включить в свои идеологические построения. Тем самым он, желая того или нет, девальвировал (ради справедливости отметить, что не сам по себе, а вслед за Е. Г. Вейденбаумом и В. А. Потто) значимость для России тех усилий и трудов, которые понес сам генерал Тотлебен, его офицеры и солдаты в том походе, а также человеческих жертв, честно и мужественно принесенных ими на алтарь служения Отечеству.

Ведь недаром же императрица Екатерина II, отозвав графа Тотлебена из Г.-К.-Г. Закавказья по весне 1771 года, 30 августа произвела его в чин генерал-поручика (генерал-лейтенанта) и во время обеда в Зимнем дворце собственноручно наградила вторым по значимости в то время орденом Российской империи — Св. Александра Невского. Тем самым она дала понять, что ценит не столько военные успехи графа и его подчиненных (они в реальности были минимальны, что впоследствии дало основание начальнику военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту В. А. Потто несправедливо называть этот поход «неудачным»), сколько стойко перенесенные ими трудности и лишения, позволившие верховной власти России впервые в истории получить из первых рук объективные и достоверные сведения о реальном положении дел в Западном Закавказье, не замутненные интригами, жадной власти и славы местных феодальных владетелей, регулярно отправлявших в Петербург посольства с просьбами и требованиями солдат и денег. Благодаря трудам офицеров и солдат отряда Тотлебена Центральный Кавказ стал для России ближе и понятнее, и с этого момента российская политика в отношении этого региона на деле приобрела осмысленный, целенаправленный и активный характер, какой и сохранила вплоть до наших дней.

В 1760-е гг. Кизляр являлся единственным российским городом-крепостью на Северном Кавказе, через коменданта которого, генерал-майора Н. А. Потапова, осуществлялись все официальные

сношения российской империи с Закавказьем. Поэтому неудивительно, что именно этот город был избран местом сбора и отправной точкой похода отряда графа Тотлебена. Поскольку перед ним была поставлена задача осуществления глубинной тактической разведки до того времени абсолютно неизвестного театра военных действий, то она и определила основные требования к его численности и составу. Отряд должен был быть не очень многочисленным, чтобы избежать возможных трудностей в снабжении провиантом и фуражом, если вдруг грузинские владетельные князья откажутся выполнять свои обязательства в этом отношении, но при этом хорошо вооруженным и маневренным, состоять из подразделений всех родов оружия того времени, чтобы иметь возможность вести маневренную разведку, организованно наступать и обороняться.

По сведениям Е. Г. Вейденбаума, в состав экспедиционного отряда вошли эскадрон Уфимского драгунского полка, рота Грузинского гусарского полка, рота пехоты из Астраханского гарнизонного полка, казаки и четыре 3-фунтовые пушки с прислугой, всего около 500 человек³⁷. Такой состав отряда был оптимален, исходя из стоящей перед ним задачи: казаки и гусары должны были вести разведку, ходить в дозоры и осуществлять боевое охранение отряда во время движения, драгуны — быть ударной силой на поле боя в позиционном наступлении и опорой легкой кавалерии в ее действиях, пехота — держать оборону, охранять артиллерию и обоз, артиллерия — обеспечивать огнем действия других родов оружия. Таким образом, отряд графа Тотлебена изначально был сформирован как универсальное войсковое соединение, способное действовать в далеком отрыве от основных сил и баз снабжения, локально и самостоятельно. Иными словами, он был составлен так, чтобы в случае непредвиденной или вынужденной необходимости действовать автономно не только против османов, но и против грузин или других горских народов.

А иначе в принципе и быть не могло: М. А. Волхонский умело умолчал о том, что отряд графа Тотлебена был направлен не

³⁷ Вейденбаум Е. Г. Закавказский поход графа Тотлебена в 1769–1771 гг. С. 158.

в Грузию вообще, пребывающую в то время в состоянии феодальной раздробленности, а в помощь одному из многочисленных грузинских царей — Соломону I Имеретинскому, долгое время — с 1740-х гг. — объявлявшему себя вассалом России и настолько надоевшему своим подданным, что те, приняв посулы османов, изгнали его в 1766 году к осетинам и возвели на престол его двоюродного брата Теймураза. Прочие грузинские цари, являвшиеся на деле вождями христианских по своему вероисповеданию племен, не предоставили ему своего покровительства из опасения дать еще один, на этот раз — вполне легитимный — повод для нападения на свои владения мусульманским народам Кавказа — лезгинам, аджарцам, курдам или лазам, почитавшим османского султана своим халифом — религиозным лидером. Чтобы вернуть себе престол, царь Соломон весной 1768 года обратился за помощью к России, благо к тому времени уже началась русско-турецкая война 1768–1774 гг., посулив помощь людьми и снабжение экспедиционного отряда российских войск за свой счет всем необходимым. В Петербурге понимали двусмысленность положения Соломона I, но эвентуальные выгоды в случае успеха экспедиции были слишком высоки, а поэтому решили рискнуть и направить в Западное Закавказье сводный отряд во главе с генерал-майором графом Тотлебенем, который смог отличиться в годы Семилетней войны 1756–1763 гг. с Пруссией военно-политическим скандалом и, главное, успешными партизанскими действиями на коммуникациях противника, апогеем которых стал штурм Берлина 22 сентября 1770 года и последующая капитуляция части его гарнизона шестью днями позже. Уже тогда Г.-К.-Г. Тотлебен зарекомендовал себя в деле как талантливый командир detachementa — отряда войск, создаваемого для выполнения специальной задачи, и именно в таком качестве следует рассматривать отряд под его командованием, направленный в 1769 году в Западное Закавказье.

Теперь нам предстоит восстановить хронологию действий detachementa графа Тотлебена, чтобы понять, чем же на самом деле занимался он в своем полуторалетнем походе по горам и ущельям Закавказья, и можно ли считать его «диверсией» на второстепенном театре военных действий, как делают это авторы книги «Дорога на Гюлистан...».

В начале августа 1769 года в Моздокской крепости собрались все армейские подразделения, назначенные в состав detachementa. Тогда же из Кизляра к ним прибыл граф Тотлебен и сразу же арестовал находившихся там осетинских старшин, приказав их семействам восстановить все мосты через Терек по дороге в Грузию (особенно в Дарьяльском ущелье), чем вызвал недовольство местных жителей и последующее их противодействие снабжению отряда продовольствием и боеприпасами. 12 августа отряд выступил в поход из Моздока и 24-го достиг селения Ларс на входе в Дарьяльское ущелье, по которому проходила в то время единственная дорога через Главный Кавказский хребет из России в Грузию. Отсюда в сторону нынешнего Цхинвала необходимо было построить десять пешеходных мостов, по которым на руках были перенесены все «тяжести» отряда — пушки, лафеты, колеса, зарядные ящики на каждое орудие, ротные патронные повозки, аптечная фура и проч. Все это заняло три дня, причем основную работу выполняли носильщики, прибывшие для этого из Грузии.

От Цхинвала начиналась проезжая дорога, узкая и каменистая, но позволявшая перемещаться «на колесах», что существенно повысило скорость движения detachementa. 26 августа русский отряд расположился лагерем на плато Адосминдори, из которого граф Тотлебена отправил царю Картли и Кахетии Ираклию прошение о дозволении войскам пройти через его владения в Имеретию и заготовлении за плату продовольствия и фуража. На это обстоятельство следует обратить особое внимание: царь Ираклий с формально-правовой точки зрения на тот момент не был союзником России, а поэтому действия российского отряда в его владениях требовали соблюдения дипломатических формальностей. Ираклий ответил, что сам приедет приветствовать русские войска, торжественная встреча состоялась 29 августа. Днем позже в русском лагере состоялись военно-дипломатические переговоры о возможности, условиях и перспективах участия царя Картли-Кахети Ираклия и его войска в войне с Османской империей на стороне России. Царь Ираклий дал свое принципиальное согласие на участие в войне, но в обмен потребовал себе помощь военного контингента численностью в 5 тыс. пштыков, прозрачно намекнув при этом, что в противном случае он не сможет долгое время

снабжать отряд Тотлебена провиантом и фуражом даже за деньги. Столь вопиющая неопределенность позиции царя Ираклия заставила графа Тотлебена выступить к границам Имеретии через город Ананур и селение Ламискана на реке Ксани, место сбора маршевых колонн стало урочище Кортохти, в котором подразделения отряда собрались 26 сентября 1769 года. На следующий день к русскому отряду присоединился царь Соломон с 200 имеретинцами, доставив пшеничной муки на два дня и пять быков для мясной порции — это было все, что он смог собрать со своих сторонников для снабжения русских солдат и офицеров, перешедших через горы, чтобы восстановить его власть (до этого его представитель в Петербурге митрополит Максим заявлял о заготовлении провианта на несколько месяцев для снабжения армии численностью в 20 тыс. человек).

В Имеретии detachmentу графа Тотлебена противостояли османские гарнизоны крепостей Кутаиси, Шорапани, Багдати, Цуцхвати, опиравшиеся, в свою очередь, на гарнизоны крепостей в Поты, Анаклии, Цихисдзири и Кобулету, общая численность которых составляла 300 человек, состоявших в основной своей массе из этнических имеретинцев, принявших ислам и поступивших на османскую военную службу. Как мы видим, русскому отряду в 500 человек, на помощь которому пришло всего 200, а не 20 000 местных ополченцев, к тому же лишенному запасов продовольствия противостояли меньшие по численности, но хорошо обученные, организованные и вооруженные османские войска — янычарские орты, победить которые в реалиях тех дней не было ни малейшей возможности.

Но, несмотря на все это, Тотлебен решил до конца выполнить возложенную на него задачу тактической разведки театра военных действий и провести разведку боем, чтобы выяснить реальную боеспособность османских сил. Для этого полуголодный русский отряд, на протяжении двух недель питавшийся только заваренной пшеничной мукой и просяной кашей без соли, оставленный к тому же имеретинцами, которые съели все привезенное с собой продовольствие и под благовидным предлогом отражения набега лезгин удалились, 3–7 октября предпринял попытку осады и штурма крепости Шорапани. Османский гарнизон крепости со-

стоял всего из 23 человек, но к нему присоединились вооруженные жители предместья с семьями, что лишний раз наглядно показало, что местное население вполне предано османам и не желает возвращения к власти царя Соломона. Крепость Шорапани была построена при слиянии рек Квирилы и Дзерулы из природного камня, что делало ее при наличии многочисленного гарнизона абсолютно неприступной для русского отряда, имевшего только полевые пушки и обессиленного физически из-за многодневного недоедания. Эти обстоятельства в совокупности вынудили графа Тотлебена уйти из Имеретии и возвратиться в Картли-Кахетию на зимние квартиры, что и было сделано: 13 октября detachment был размещен на постой в домах жителей Цхинвала и Гори.

Поняв, в чем конкретно состояли действия в Западном Закавказье отряда графа Тотлебена в кампанию 1769 года, нам следует сделать некоторые выводы об их эффективности и результатах. Несомненным успехом detachmentа следует назвать выполнение задачи по тактической разведке театра военных действий против Османской империи в Западном Закавказье. Верховная власть Российской империи получило абсолютное достоверное и наглядное подтверждение тому, что Западное Закавказье при выполнении некоторых условий вполне может быть превращено в еще один сухопутный театр военных действий против Османской империи: Кавказские горы оказались в принципе проходимыми для сравнительно крупных воинских контингентов, местные жители — достаточно лояльными к экспедиционным отрядам, ресурсы региона — вполне достаточными для снабжения войск продовольствием и фуражом при правильной постановке и организации этого дела. Граф Г.-К.-Г. Тотлебен в 1769 году собрал доказательства в пользу мнения о том, что христианские области Закавказья могут и поэтому должны стать объектом российской геополитической экспансии.

Вместе с тем описанные выше события никак не позволяют нам назвать detachmentа Тотлебена диверсией, т. е. вспомогательной войсковой операцией на второстепенном театре военных действий в целях отвлечения на него сил противника с главного театра военных действий, в чем пытаются убедить читателя авторы книги «Дорога на Гюлистан...». Согласитесь, сложно и даже аб-

сурдно считать успехом тысячекилометровый поход через горы полутысячного отряда войск, предпринятый только с тем, чтобы поднять по боевой тревоге гарнизон третьестепенной пограничной османской крепости с численностью гарнизона в 23 янычара, истратив на это 50 тыс. рублей серебром на обеспечение похода. В этом случае мы видим несоразмерность задействованных сил, израсходованных средств и полученного результата.

Все сказанное выше позволяет нам сделать вывод о том, что военно-политические результаты экспедиции detachementa графа Тотлебена в Западное Закавказье многократно превзошли и даже затмили для Петербурга все прочие его последствия, являющиеся с военно-технической точки зрения полным провалом. М. А. Волхонский, являясь специалистом в сфере политической истории Закавказья, также делает акцент на понятных ему успехах, совершенно упуская из вида непонятные ему негативные аспекты и последствия этого похода. Отсутствие у него академической культуры проявляется в произвольном смешении терминологии, свойственной различным отраслям исторической науки: говоря об историко-политических аспектах, он почему-то начинает использовать военно-исторические определения и понятия, что приводит к искажению смысла и реальности ретроспективы, формируя у читателей превратные представления о событиях прошлого.

М. А. Волхонский пишет о том, что «переход русских через Главный Кавказский хребет по горным тропам Дарьяльского ущелья, мимо пропастей, по скалам, с артиллерией и обозом, произвел огромное впечатление в Закавказье. Демонстрация возможности быстрой переброски русских войск в центральные районы Закавказья меняла здесь всю политическую конфигурацию. В этом, собственно, состояло главное историческое значение экспедиции генерал-майора Тотлебена» (с. 45–46). Данное мнение нашего коллеги, зарекомендовавшего себя в деле публикации исторических документов, к сожалению, мало соотносится с действительностью того времени, причем это является не результатом его злого умысла намеренно исказить объективные факты, а следствием элементарного незнания военно-технических реалий, требовать осведомленности в которых от кабинетного ученого было бы просто глупо. На самом деле поход detachementa генерала Тотлебена

показал, что полевые русские войска крайне слабо приспособлены к ведению боевых действий в горно-лесистой местности и не имеют навыков обеспечения тыловых коммуникаций в случае враждебного отношения к себе со стороны местных жителей. Передвижение по горам значительных по численности войск с обозами и артиллерией крайне затруднительно, требует инженерной разработки дорог и создания в предгорьях Главного Кавказского хребта дополнительных опорных пунктов и баз снабжения войск для обеспечения коммуникационных линий между Россией и Закавказьем.

Однако М. А. Волхонский, сам тот не желая, указал на один существенный аспект, на который другие исследователи мало обращали внимание, воспринимая его как само собой разумеющееся. Речь идет о том впечатлении, которое поход отряда Тотлебена произвел на кавказских жителей. Дело в том, что стремление России расширить свое влияния на христианские области Закавказья, входящие сегодня в состав нынешней Грузии, вызвали большой энтузиазм у местного населения, которое получило новый источник для своего обогащения в виде российских муниционных колонн — караванов со снаряжением, боеприпасами и продовольствием, которые стали объектами их нападений с целью грабежа или захвата. Обратной стороной похода отряда Тотлебена в Закавказье стала почти что вековая война русских против горцев за безопасность коммуникаций, не имевшая никакой политической основы или подтекста, носившая на протяжении девяти десятилетий, как принято говорить сегодня, криминальный характер. Первой жертвой этой войны стали военнослужащие как раз из отряда Тотлебена — 10 офицеров и 90 нижних чинов, — посланные в 1770 году из Грузии в Россию, которые в Дарьяльском ущелье подверглись нападению осетин, совершенному ими в отместку за арест их старейшин графом в августе предыдущего года, в результате чего лишились лошадей, оружия и всего имущества. Но об этом М. А. Волхонский почему-то предпочитает молчать...

Кампания 1770 года в Западном Закавказье стала для русских войск логическим продолжением военных событий предшествующего года. Граф Тотлебен, независимо от того, как к нему относились современники и потомки, будучи отличным специалистом

по ведению боевых действий на территории противника в отрыве от основных сил армии, прекрасно понимал уязвимость своего положения в Картли-Кахети. Его деташемент, по сути, оказался в заложниках у царя Ираклия, поскольку не мог объективно противостоять нескольким тысячам грузинских ополченцев, что полностью исключало для него возможность хоть как-то влиять на внутреннюю и внешнюю политику этого царства. Генерал Тотлебен, его солдаты и офицеры без согласия царя Ираклия не могли покинуть территорию его владений и в силу этого обстоятельства стали в его руках козырной картой, которую он удачно использовал для достижения своекорыстных интересов в геополитической игре с Россией. Верховная власть империи не могла бросить отряд Г.-К.-Г. Тотлебена в Грузии на произвол судьбы, не рискуя потерять при этом своего авторитета во всем Закавказье, поэтому была вынуждена выполнить требования Ираклия и послать ему на помощь дополнительные русские войска, чтобы он смог пойти отвоевывать у османов ранее утраченные крепости Ахалцих и Ахалкалаки. Ираклий требовал присылки ему двух армейских дивизий в составе 15-ти полков пехоты, но добился перевода в Закавказье только одного мушкетерского полка. Как мы видим, грузинским царям была нужна кровь и порох русских солдат, чтобы за их счет обустроить свои местечковые интересы.

22 октября 1769 года последовал Высочайший указ на имя Военной коллегии об увеличении численности деташемента графа Тотлебена таким образом, чтобы в его состав входили, включая уже имеющиеся в Грузии войска, один пехотный полк, одна мушкетерская рода, два эскадрона карабинеров, две роты гусар, 200 донских казаков, 300 калмыков и сводная артиллерийская рота в составе 12 орудий (по четыре 12-фунтовых и 3-фунтовых единорога и четыре 3-фунтовых пушки). Общая численность корпуса была определена в 3767 человек, из них 1 генерал, 106 офицеров, 3302 строевых нижних чина, 352 нестроевых³⁸.

Увеличение численности российского воинского контингента в Закавказье в соответствии с указом от 22 октября 1769 года про-

³⁸ Вейденбаум Е. Г. Закавказский поход графа Тотлебена в 1769–1771 гг. С. 170–171.

исходило в несколько этапов. Сначала в Моздок были собраны три эскадрона Оренбургского драгунского полка, рота Грузинского гусарского полка, рота пехоты из состава Астраханского гарнизонного полка (всего 358 человек) и 150 донских казаков. Генерал Тотлебен, прибывший за пополнениями лично, 1 января 1770 года повел их в Грузию. С военно-политической точки зрения этот поход не имел никакого значения, но был чрезвычайно существенен для российского командования с военно-технической стороны: ему было необходимо понимать, насколько проходимо Дарьяльское ущелье для значительных масс войск в зимнее время. По сути, этот переход стал продолжением масштабного эксперимента по практическому изучению театра военных действий в Западном Закавказье, начатому полгода ранее. Полученные эмпирические данные превзошли все ожидания: Кавказ оказался проходим войсками и в условиях зимы.

В состав пополнений для отряда Тотлебена в полном составе был назначен Томский пехотный полк, расквартированный в то время в Казани. Его перевод в Картли-Катехи также был сопряжен с многочисленными техническими трудностями, которые также были успешно преодолены его офицерами и солдатами. Полк пешим порядком прибыл в Казани в Царицын, оттуда через калмыцкие степи прошел напрямую на Моздок, причем последние 80 верст пути его солдаты и офицеры проделали по безводной степи, растапливая снег для приготовления еды и питья. Не дожидаясь таянья снега в горах и весенней распутицы, полк выступил из Моздока в сторону Грузии, но его переход через горы растянулся на три месяца. Этот опыт лишний раз доказал, что быстрое сосредоточение в Закавказье значительного по численности российского военного контингента технически крайне сложно выполнимо, «пропускная способность» Дарьяльского ущелья крайне ограничена, вследствие чего иметь за Главным Кавказским хребтом войска общей численностью свыше 2–3 тыс. человек России в реалиях того времени не под силу.

Справедливость этих слов лишний раз показала переброска в Закавказье отряда калмыков под началом секунд-майора Бамгартнера. Сначала 300 назначенных в состав отряда Тотлебена ополченцев местные приставы из-за весенней распутицы в тече-

ние нескольких месяцев собирали по калмыцким кочевьям и только к маю смогли доставить их в Моздок. В это время началось таяние снегов в горах, и весенним паводком были уничтожены мосты через Терек. Пока шли восстановительные работы большая часть калмыков дезертировала, отчего в августе 1770 года майор Баумгартнер доставил в Грузию только 89 человек.

Если бы М. А. Волхонский знал эти факты, то не испытывал бы особого восторга по поводу успеха «диверсии» отряда графа Г.-К.-Г. Тотлебена, особенно на первом ее этапе. Приобретенный в результате экспедиции эмпирический опыт наглядно показал, что завоевать Закавказье для России будет стократ сложнее, чем добить некогда могущественную Речь Посполитую или подчинить себе Крымское ханство. Причем главными противниками русских войск в этой войне будут не люди, а природно-климатические условия и характер местности театра военных действий. Именно это обстоятельство объясняет, почему Россия на Кавказе во второй трети XVIII столетия не могла сосредоточить больше 1–2 тыс. регулярных войск, пока не была проложена годная для круглогодичного использования Военно-Грузинская дорога, строительство которой было завершено в 1799 году.

Обошел молчанием автор первой главы «Дороги на Гюлистан...» еще одно неудобное для его идеологической концепции обстоятельство, предопределившее на несколько десятилетий вперед политику российской имперской власти в отношении Грузии. Речь идет о перманентном конфликте графа Тотлебена и царя Ираклия, причиной которого являлось различие во взглядах командующего российского отряда и грузинского царя на характер и содержание российско-грузинских отношений. Как уже было сказано выше, царь Ираклий, будучи на деле гегемоном среди христианских племен Закавказья, стремился к максимальному расширению и упрочению власти, видя в русских войсках силу, способную помочь ему реализовать свои честолюбивые планы. Граф Тотлебен в силу своего происхождения и военных заслуг не желал быть игрушкой в руках честолюбца, предпочитая видеть Грузию российской провинцией в Закавказье, а не Картли-Кахети — региональным лидером Западного Закавказья. Причем причины этого конфликта были отнюдь не политическими (хотя

сегодня ему пытаются придать именно такую окраску), а исключительно субъективными.

Генерал Тотлебен происходил из старинного графского рода Саксонского королевства и, исходя из сословных представлений западноевропейской аристократии, не мог считать себя по социальному статусу ниже Ираклия — племенного вождя Картли-Кახети, провозглашенного подданными царем. Ираклий, в свою очередь, мало считался с графским достоинством Тотлебена, видя в нем лишь генерала и не замечая аристократа. К тому же граф совсем не говорил по-русски и пользовался при общении с Ираклием помощью двух переводчиков — с грузинского на русский, и с русского на саксонский, а поэтому воспринимался грузинским монархом не как вельможа Российской империи, а как кондотьер (впрочем, в этом царь Ираклий был недалек от истины). К тому же Тотлебен был крайне ошеломлен и раздосадован поведением имеретинского царя Соломона, не исполнившего своих обязательств по заготовке и поставке для его экспедиционного отряда продовольствия и фуража, что было абсолютно недопустимо с позиции миропонимания европейского аристократа, ранее никогда не сталкивавшегося с грузинским лукавством. Граф, не вдаваясь в вопросы различий между отдельными племенами грузин, всех их скопом записал в лжецы и предатели общего дела. Масла в огонь подлило заявление царя Ираклия, что он не будет кормить русский отряд, по вине Соломона уже познавший тяжести войны впроголодь, если те не будут слушать и выполнять его указаний. Возникшее на пустой желудок недоверие к грузинам граф Тотлебен распространил в своем сознании на всех представителей всех грузинских народностей, даже на тех, кто состоял на русской службе и находился в составе Грузинского гусарского полка, сформированного из уроженцев Грузии, в разные годы и по разным причинам выехавших на жительство в Россию, включая и князей.

Возникший психологический конфликт повлек за собой серьезные последствия: несколько офицеров-грузин, служивших в отряде графа Тотлебена, — князя Челокаев, Чеглоков, Ратиев, Моуравов — составили заговор против своего командира и вовлекли в него еще несколько офицеров. Зачинщики 3 апреля 1770 года были взяты под стражу, это еще более усилило взаимное недове-

рие и подозрения графа Тотлебена и царя Ираклия в итоге привело к срыву российско-грузинского наступления на крепость Ахалцих. О прочих обстоятельствах антагонизма русского генерала и грузинского царя мы писать не будем, поскольку они подробно изложены в уже неоднократно упоминавшейся работе Е. Г. Вейдендаума. Документы переписки графа Тотлебена и царя Ираклия с Петербургом, содержащие взаимные упреки и обвинения в измене, стремлении грузинского правителя подчинить себе русские войска и прочие документальные материалы, появившиеся в процессе подготовки и непосредственного осуществления экспедиции detachementa графа Тотлебена и сменившего его на этом посту генерала Сухотина общим числом более 600, опубликованы в 3-м томе «Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и Грузия» многотомного издания «Материалов по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века»³⁹, о существовании которых М. А. Волхонский не мог не знать хотя бы потому, что указание на этот сборник исторических документов присутствует в списке источников и литературы книги «Дорога на Гюлистан...», а его материалы неоднократно цитируются в тексте главы. Вследствие чего возникает вполне разумный вопрос: раз знал, то почему не написал, почему предпочел ложь полуправде, а полуправду — правде, хотя она достаточно хорошо известна?

Возвращаясь к критическому разбору первой главы книги «Дорога на Гюлистан...», мы должны указать на наличие в тексте фразы, которая свидетельствует о полном отсутствии знакомства М. А. Волхонского с фактическими обстоятельствами событий, о которых он повествует своим читателям. Он пишет: «...генерал Тотлебен довольно успешно действовал в Имеретии, освободив несколько крепостей и Кутаиси, а затем разбив 12-тысячный турецкий корпус под Потти. В результате турецкие силы в Закавказье оказались скованными, чего, собственно, и добивался Петербург» (с. 46). К сожалению, в двух процитированных предложениях нет

³⁹ Материалы по истории русско-грузинских отношений во второй половине XVIII века: в 3-х тт. / сост. В. Г. Мачарадзе, Г. И. Куталадзе, Г. Г. Жужунашвили. Тбилиси: Изд-во ТбГУ, 1988–2007. Т. III. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и Грузия: В 2-х чч. Тбилиси: Изд-во ТбГУ, 1988.

ни одного слова правды, но чтобы объяснить это, мы будем вынуждены вновь обратиться к исследованию Е. Г. Вейдендаума.

Распря графа Тотлебена с царями Ираклием и Соломоном и произведенный по приказу начальника отряда арест нескольких офицеров из числа родовитых грузинских дворян вызвали в Петербурге тревогу, вследствие чего в экспедиционный корпус был направлен ревизор, обязанности которого было поручено исполнять капитану Лейб-гвардии Семеновского полка Н. Д. Языкову. Выполняя возложенное на него поручение, капитан Языков регулярно через коменданта Кизлярской крепости генерал-майора Н. А. Потапова отсылал в Петербург лишенные предвзятости отчеты о действиях detachementa Тотлебена, на основании которых можно легко составить объективную картину положения дел. Реальность же была совсем не такой, как о ней пишет М. А. Волхонский.

Получив в мае 1770 года из России подкрепление в виде Томского пехотного полка, граф Тотлебен в последних числах июня начал самостоятельный, в отрыве от сил грузинских ополчений, поход против османов в южных районах Имерети. Первой на его пути оказалась крепость Багдат, расположенная при выходе реки Ханисцкали из ущелья на равнину и контролировавшая проезжую дорогу из Кутаиса на Ахалцих. Гарнизон крепости состоял из 30 янычар при двух орудиях, из чего можно сделать вывод о том, что это укрепление было в современном понимании не чем иным, как блокпостом или приграничным контрольно-пропускным пунктом (заставой). После обмена несколькими выстрелами османы заявили о своей готовности капитулировать, если имеретинская царица поручится за жизнь и имущество гарнизона. Предложение было принято, турки с оружием покинули крепость, царица Мария заняла ее со своей свитой и конвоем. Одновременно османский гарнизон в составе 32 человек сдал на честное слово царя Соломона крепость Шорапани, которую генерал Тотлебен не смог взять предыдущей осенью. Как мы видим, обе османские крепости, гарнизоны которых составляли перешедшие в мусульманство грузины, стали добычей имеретинского царского дома, а не русского оружия, поэтому М. А. Волхонский явно кривит душой, говоря, что оба эти укрепления стали призом российского отряда, поскольку их судьбу решал не граф Тотлебен.

5 июля основные силы российского экспедиционного отряда подошли к Кутаиси, гарнизон которого насчитывал 50 янычар, подкрепленный двумястами местными жителями, которые также начали переговоры о почетной сдаче крепости. Однако тщеславие графа Тотлебена требовало военной победы, а поэтому он потребовал от янычар сдачи в плен. Османы ответили отказом, после чего началась осада Кутаиси, продлившаяся месяц, которую также вряд ли можно занести в число побед русского оружия, если учитывать, что русские силы, имея 50-кратное (!) превосходство в численности над турками, с 6 июля по 6 августа 1770 года ничего не могли поделать с горсткой храбрых и мужественных янычар. 6 августа в результате усиленного артиллерийского обстрела удалось пробить брешь в стене, но в ночь на 7 августа османы ушли, проравшись между двумя пикетами.

Все перечисленное выше мало соответствует бравурному утверждению М. А. Волхонского о том, что «...генерал Тотлебен довольно успешно действовал в Имеретии, освободив несколько крепостей и Кутаиси...». Если говорить объективно, исходя из реалий сегодняшнего дня, то вряд ли два придорожных блокпоста с численностью гарнизона по взводу могли оказать какое-либо серьезное сопротивление целому пехотному полку, усиленному артиллерией и кавалерией. К тому же не следует забывать, что Багдат и Шорапани сдались на милость имеретинского царского двора, а не российского командования. «Освобождение» Кутаиси для деташемента Тотлебена носило пассивный характер: османы оставили крепость лишь после того, как до конца исчерпали средства для ее обороны. Если смотреть на события тех дней беспристрастно, то получается, что сто янычар на протяжении двух месяцев успешно сдерживали наступление двух с половиной тысяч русских, потеряв при этом всего несколько человек. После чего возникает вполне разумный вопрос: а кто были тогда настоящие герои?

Поход графа Тотлебена на Потю в октябре 1770 года не только не принес тактического успеха, но и поставил всю экспедицию на грань стратегического поражения. Союзниками русских в этом походе были мингрельские ополченцы местного правителя Кочо Дадзиани, которые без боя взяли пограничные блокпосты Рухи

на реке Ингури и Анаклия на берегу Черного моря, прогнав оттуда гарнизоны османов численностью по 20 янычар в каждом, а не уничтожив их. Вслед за этим генерал Тотлебен занял городок Поты и поставил войска против самой крепости, но при этом не сумев по причине малочисленности имевшихся в его распоряжении войск окружить и тем более осадить ее. Тем не менее в Петербург была отправлена громогласная реляция об успехах, в которой говорилось о взятии русскими войсками трех османских крепостей и переименовании Поты в Екатеринополь, Анаклии — в Алексееполь, Рухи — в крепость Св. Павла, по получении которой в Кизляре и Астрахани были отслужены благодарственные молебны. Но реальность была далека от описываемой: в начале декабря 1770 года союзные османам абхазы отогнали из-под русского лагеря 412 лошадей, превратив за одну ночь кавалерию в пехоту, затем со стороны Батума к Поты начал движение турецкий корпус численностью до 6000 человек. 6 февраля 1771 года, потеряв в бесплодных перестрелках с османским гарнизоном крепости Поты более 100 человек, включая единственного артиллерийского офицера капитана Калачова, а умершими от болезней — еще 200 человек, detachment Тотлебена отступил от Поты к местечку Хони на границе Мингрелии и Имеретии. Там граф сдал командование остатками своего отряда прибывшему на его место генерал-майору А. Н. Сухотину, назначенному рескриптом от 13 января 1771 года.

Генерал А. Н. Сухотин получил повеление проверить, действительно ли граф Тотлебен захватил крепость и порт Поты, а если это так, то удержать их за Российской империей. Мы уже знаем, что положение дел в Закавказье было далеким от того, как оно было описано в рапортах и реляциях. Сухотин не захотел разочаровывать императрицу Екатерину II и сразу же по прибытии к войскам двинул их под Поты. Однако он не знал особенностей местности и климата этого края, вследствие чего русские солдаты были вынуждены блокировать Поты, простояв все лето в мингрельских болотах. Дело закончилось тем, что весь отряд был болен лихорадкой, от которой умерло 800 человек, а оставшиеся 500, изнуренные болезнями и лишениями, возвратились в Имеретию. Дальнейшее пребывание экспедиционного корпуса в Грузии верховной властью Российской империи было признано бесполезным. 4 февраля 1772 года

Екатерина II грамотами известила царя Картли-Кахети Ираклия и царя Имеретии Соломона об отзыве остатков корпуса в Россию, обещав закрепить за ними в мирном договоре с Османской империей все сделанными ими за счет русской крови территориальные приобретения.

Как мы видим, второе утверждение М. А. Волхонского о том, что в результате действий экспедиционного корпуса сначала под командованием Г.-К.-Г. Тотлебена, а затем — А. Н. Сухотина «турецкие силы в Закавказье оказались скованными, чего, собственно, и добивался Петербург», выглядит до смешного дилетантским, так как абсолютно непонятно, кто кого блокировал и кто чьи действия сковывал в ту войну, — 3000 русских солдат под командованием 100 офицеров при 12-ти орудиях (не считая тех, которые они реквизировали в грузинских крепостях) или 300 османских янычар из состава гарнизонов крепостей Поты, Кутаиси и блокпостов Рухи, Анаклия, Багдат и Шорапани? На наш взгляд, со своей задачей наиболее успешно справились именно османские янычары, не понеся при этом значительных потерь.

Именно поэтому мы можем с полным основанием и абсолютно беспристрастно утверждать, что использование авторами книги «Дороги на Гюлистан...» в заголовке первой главы слова «диверсия» никак не согласуется с тем значением, в котором оно употреблялось в военном деле во второй половине XVIII столетия. Деташемент, или экспедиционный отряд, графа Тотлебена не только не сковал крупных сил османов в Западном Закавказье, которых там попросту не было, а сам увяз в малоэффективных действиях против пограничных крепостей и блокпостов с гарнизоном в несколько десятков янычар. При этом санитарные потери отряда составили больше половины личного состава, была утрачена вся артиллерия, обозы, конский состав, шанцевый инструмент. По сути, не вступая в масштабные боевые столкновения с противником, отряд лишился всего, что обычно войска теряют или бросают в результате отступления после поражения на поле боя. Если это и была диверсия, то она закончилась почти полным самоуничтожением диверсантов.

Есть еще один аспект деятельности графа Тотлебена в Закавказье, о котором автор первой главы книги «Дорога на Гюлистан...»

хранит робкое молчание. Речь идет о действиях, совершенных им сразу после раскрытия заговора офицеров-грузин в апреле 1770 года. Мы писали о том, что тогда генерал прервал поход из Сурама в Ахалцих, в который он отправился вместе с воинами царя Ираклия, объяснив это недостаточностью провианта для снабжения войск. После этого он ушел в горы, на территорию нынешней Южной Осетии, и сосредоточил свой отряд в самой северной кахетинской крепости Ананур (тогда под его началом было не более 500 человек, которые ждал прибытия из России новых подкреплений в виде Томского пехотного полка). Тотлебен объявил царя Ираклия «изменником», т. е. неприятелем России, изгнал из пограничных крепостей Ананур и Душет грузинские караулы, разместил в них своих гарнизоны, реквизировал артиллерию и 200 пудов пороха и начал приводить к присяге на подданство Российской империи население окрестных сел. По прибытии в Закавказье Томского пехотного полка граф выступил в поход на Ахалцих, занимая гарнизоны Мухран, Гори и Сурам, население которых, равно как и окрестных поселений, также было приведено к присяге на верность России.

Е. Г. Вейденбаум в своей статье приводит отрывок из письма поверенного в делах Коллегии иностранных дел Российской империи при дворе царя Картли-Кахети Ираклия капитан-поручика И. Л. Львова на имя воспитателя цесаревича Павла Петровича полковника С. В. Перфильева, в котором он сообщает своему адресату: «...теперь непременно положили, чтоб дождав Томский полк с царя Ираклия орден отобрать и его самого в Россию отправить, князей противной партии также, сколько можно будет прижать, и всю Грузию в подданство Ее Величества привести». В той же статье мы встречаем отрицательный отзыв президента Коллегии иностранных дел вице-канцлера графа Н. И. Панина на подобную инициативу графа Тотлебена от 16 июня 1770 года, в котором он пишет, что «...отдаленность Грузии и трудность проходов — два обстоятельства, которые присвоение сей земли непрочным делают». К слову, все процитированные Г. Е. Вейденбаумом документы опубликованы в первом томе «Актов, собранных Кавказской историко-графической комиссии» — источнике, о существовании которого авторы «Дороги на Гюлистан...» не могли не знать (указание на не-

го присутствует в списке источников и литературы рецензируемой книги), а затем в 3-м томе «Материалов по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века», но к ним авторы книги «Дорога на Гюлистан...» почему-то так и не обращались...

Все эти факты позволяют нам абсолютно обоснованно говорить о том, что граф Тотлебен, если он, конечно, имел заранее поставленную перед ним цель провести в Закавказье диверсию, то ее объектом должна была стать отнюдь не Османская империя, как о том пытаются говорить О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов, а единственное в то время территориально крупное и жизнеспособное христианское государство Западного Закавказья — Картли-Кахетинское царство, присоединению которого в то время к России воспрепятствовали естественные, а не военно-политические условия. Сегодня можно долго и бесплодно дискутировать о том, выполнял ли в полном объеме генерал-майор граф Г.-Г.-Г. Тотлебен волю окружения императрицы Екатерины II, или его действия явились результатом частной инициативы, своего рода «экссессом исполнителя» — действием, противоречащим заранее намеченному плану, совершение которого было спровоцировано или обусловлено местными условиями и обстоятельствами, о наличии которых в Петербурге даже и не догадывались, как не имели представления об истинном положении дел в Имерети до тех пор, пока туда не прибыли подразделения экспедиционного отряда. Но факт остается фактом: присягу на верность России многие грузины принимали с легкостью, что лишний раз в конкретно-исторических условиях того времени доказало искреннее стремление этого народа обрести в лице Российской империи сильного защитника и покровителя, которое спустя десять лет привело к заключению Георгиевского трактата. Об этом открыто, без тени смущения и сарказма говорилось и в XVIII, и в XIX, и в XX столетии, но в начале XXI века тема присяги грузин на верность России во время российско-османской войны 1768–1774 гг. вдруг оказалась табуированной...

Странность этой ситуации заключается в том, что табу на указанную тему стал придерживать именно М. А. Волхонский, являющийся, как известно, старшим научным сотрудником Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД

России, которому по должности положено отстаивать геополитические интересы Российской Федерации в Кавказском регионе, придавая самой широкой огласке факты исторического и традиционного желания грузинского народа быть под властью России, противопоставляя власть империи частноэгоистическим устремлениям местной элиты. Ситуация в современной Грузии мало чем отличается от событий 250-летней давности, но такие исторические параллели М. А. Волхонский на страницах книги «Дорога на Гюлистан...» почему-то не проводит, что не делает ему чести как профессиональному кавказоведу.

Все перечисленные выше недосказанности М. А. Волхонского вызывают легкую ироническую усмешку, но его перу принадлежит фраза, которая вызывает поистине гомерический хохот. Мы имеем в виду его слова о том, что отряд графа Тотлебена на подступах к Поти в августе 1770 года разгромил 12-тысячный корпус османов (с. 46). Однако упоминания о столь громкой победе над столь значительными неприятельскими силами нет ни в одном известном нам военно-историческом труде по проблематике войн России в XVIII столетии или завоевания российскими войсками Закавказья — ни у А. Г. Брикнера, ни у Е. Г. Вейденбаума, ни у Н. Ф. Дубровина, ни у А. А. Керсновского, ни у В. А. Потто, ни у А. В. Шишова (названия работ этих авторов можно посмотреть в конце нашей брошюры). Зато сведения об этом сражении и победе присутствуют в русскоязычной версии биографической статьи о жизни и деятельности графа Г.-К.-Г. Тотлебена электронного ресурса ru.wikipedia.org — единственного источника, содержащего поистине фантазмагорическую информацию подобного рода. Мы не хотим разбираться в вопросе, откуда ресурс ru.wikipedia.org заимствовал сведения о не существовавшем в истории сражении. Но кому-то, кто имеет непосредственный доступ к наполнению контента этого сайта, очень захотелось, пусть даже виртуально, одержать кровавую победу над османами. Обычно в современном мире на такого рода информационные провокации падки последователи армянских экстремистов-дашнаков, а они, как мы уже писали выше, финансируют деятельность Международного института Новейших государств, оттого эта квазинаучная информация пробралась на страницы книги «Дорога на Гюлистан...».

Получается, что М. А. Волхонский, будучи весьма неплохим источниковедом, при написании своих исторических опусов пользуется отнюдь не составленными и изданными им же самим сборниками исторических документов, как того следовало бы ожидать, а второсортными источниками информации, что отнюдь не делает ему чести как российскому историку. Или текст, авторство которого ему приписывается, в реальности принадлежит кому-то другому? Если это так, то нам не удивительно, почему он оказался включен в книгу, изданную Международным институтом Новейших государств.

Хорошо известно, что после отзыва из Грузии в январе 1771 года граф Тотлебен прибыл в Петербург, 30 августа был принят в Зимнем дворце, произведен в генерал-поручики и награжден орденом Св. Александра Невского. М. А. Волхонский не указывает, за какие конкретно заслуги перед Россией он был удостоен этих наград, а поэтому мы сделаем это за него.

Изначально направление в Закавказье деташемента под командованием графа Тотлебена имело цель тактической разведки нового для русских войск театра военных действий. До этого похода российская верховная власть и военное командование вынужденно довольствовались сведениями, которые были получены комендантом Кизляра оперативным путем — от путешественников, грузинских дворян, выезжавших на службу в Россию, купцов, рискнувших провезти свой товар через Дарьяльское ущелье и прочих свидетельских показаний. Все сведения, собранные таким образом, носили фрагментарный и субъективный характер, не позволяя сформировать целостную картину реального положения дел. Начало войны с Османской империей позволяло восполнить существующий пробел в знании геополитической обстановки в регионе, но для этого необходимо было направить в Закавказье отряд, который смог бы провести тактическую разведку местности с качественно разных позиций. Деташемент Тотлебена в его первоначальном составе достаточно хорошо справился с такой задачей, своим примером показав сложную проходимость для войск (особенно для армейских обозов и артиллерии) Главного Кавказского хребта, относительное могущество царя Ираклия и вопиющую слабость царя Соломона,

ассимиляцию османами мингрелов и имеретинцев, наличие развитой системы пограничных укреплений османов в Закавказье, низкий ресурсный потенциал территории для продовольствия и фуражировки войск своими силами.

Последующее направление подкреплений для войск а Закавказье лишний раз доказало возможность преодоления Главного Кавказского хребта значительными по численности контингентами всех видов оружия не только во второй половине года, когда заканчивается паводковый и селевой период, но также зимой и весной до таянья снегов в горах. Эмпирически было установлено, что переход войсковых частей сопряжен со значительными трудностями, обусловленными как географией региона, так и поведением местных жителей, видевших в военных транспортах источник своего материального обогащения. Походы в Имеретию и Мингрелию в 1770 и 1771 гг. показали губительность закавказского климата для здоровья российских солдат, а также недостаточность имеющегося артиллерийского вооружения для бомбардирования горных крепостей. Иными словами, действия detachementa Тотлебена показали все сложности горной войны, об особенностях которой российское военное командование и войска до этого момента не имели ни малейшего представления (легендарные Итальянский и Швейцарский походы экспедиционного корпуса российских войск под командованием генерал-фельдмаршала графа А. В. Суворова-Рымникского состоялись только через четверть века, и успех этих боевых операций отчасти был обусловлен и предопределен наличием того опыта, который был приобретен в результате военных походов detachementa Тотлебена по Западному Кавказу).

Граф Г.-К.-Г. Тотлебен не совершил тех фатальных ошибок, которые сделал его преемник на должности начальника экспедиционного отряда генерал-майор А. Н. Сухотин, сокративший число своих подчиненных на две трети, что было вызвано единственно смертностью по санитарным причинам из-за бесцельного сидения в мингрельских болотах под Потти. Оттого он получил орден, а Сухотин — нет. На этом можно поставить точку в рецензии на военно-исторические аспекты содержания первой главы книги «Дорога на Гюлистан...», заголовок которой столь сильно не со-

ответствует ее содержанию и действительности описываемых в ней событий.

2. Как авторы книги замалчивают историю российской дипломатии эпохи императрицы Екатерины II

В предыдущем параграфе мы достаточно обосновано показали некомпетентность М. А. Волхонского и его соавторов в военно-исторических и военно-технических вопросах и аспектах похода экспедиционного корпуса российских войск в Западное Закавказье 1769–1772 гг. Мы допускаем, что он, будучи старшим научным сотрудником Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, в силу специфики своей профессиональной деятельности, мог не знать и даже не понимать их, не имея специального военного образования (хотя бы в объеме курса военной кафедры вуза по подготовке офицеров запаса). Вместе с тем в написанной им первой главе книги «Дорога на Гюлистан...» отсутствует описание аспектов дипломатических последствий этого похода, о существовании которых он не мог не знать в силу тематической специфики своей научной деятельности по месту основной работы. Поскольку об этой стороне итогов похода экспедиционного отряда графа Тотлебена в Западное Закавказье М. А. Волхонский скромно умолчал, мы будем вынуждены вместо него заполнить эту лакуну в знаниях читателей.

Мы уже писали выше, что императрица Екатерина II, отзывая российские войска из Грузии, 4 февраля 1772 года обещала царю Картли-Кахети Ираклию и царю Имеретии Соломону закрепить за ними в мирном договоре с Османской империей все сделанные ими за счет русской крови территориальные приобретения. Текст этой грамоты хорошо известен, так как содержится во 2-й части 3-го тома упоминавшихся выше «Материалов по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века» (документ № 681). Императрица сдержала свое слово: в текст Кучук-Кайнарджийского мирного договора от 10 июля 1774 года был включен 23-й артикул (статья), регулирующий османско-гру-

зинские территориальные и административно-имущественные споры в Западном Закавказье. О наличии и содержании соответствующих норм международного договора императрица Екатерина II грамотами от 5 сентября 1774 года, к которым прилагался текст артикула трактата (статьи договора) и разъяснения российской стороны относительно своей позиции в этом вопросе, известила царя Картли-Кахети Ираклия II и царя Имеретии Соломона I.

Упомянутый 23-й артикул Кучук-Кайнарджийского мирного договора имел следующее содержание:

«В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости Богдадчик, Кутатис и Шегербань (т. е. Багдат, Кутаиси, Шорапени), российским оружием завоеванные, будут Россией признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так что ежели подлинно оные города издревле или с давнего времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими; а по размене настоящего трактата в условленное время российские войска выдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порта, с своей стороны обязывается, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю в течение настоящей войны каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других податей, обязывается не почитать между ими никого за своих подданных кроме тех, кои издревле ей принадлежали; все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мингрельцев во владении, оставить паки под собственной их стражей и правлением, так как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви и не препятствовать поправлению старых, созидаанию новых, и да не будут притесняемы какими-либо требованиями от губернатора чилдирского и от прочих начальников и офицеров к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их».

Это был великий успех, можно даже сказать — прорыв российской дипломатии, поскольку области Закавказья, населенные христианами, впервые в своей истории были упомянуты в международно-правовом акте в качестве самостоятельного субъек-

та межгосударственных отношений, приобретшего в результате этого свои специфические права и привилегии во взаимоотношениях с другими странами и народами. Геополитические аспекты дипломатического успеха были подкреплены гуманитарными. Анализ содержания этой статьи Кучук-Кайнарджийского договора позволяет говорить о том, что в результате действий русского оружия впервые в форме международного акта были урегулированы взаимоотношения Османской империи с ее христианскими подданными, приживавшими в то время в Имеретии и Мингрелии. Последние получили административную автономию, юридическую защиту права собственности, освобождения от девширме — «налога кровью». В результате этого христианские народы Западного Закавказья, находившиеся в подданстве у османов, де-факто получили равные с ними социальные и имущественные права, которые при этом были закреплены юридически и обрели гаранта в лице Российской империи. Вследствие этого авторитет России у народов Западного Закавказья поднялся на необычайную высоту, но заслуга в этом экспедиционного detachementa Тотлебена-Сухотина была минимальна: его солдаты и офицеры явили пример того, как они умеют стойко переносить лишения и умирать среди снегов, гор и болот, но отнюдь не побеждать врага на поле боя.

К сожалению, библиография книги «Дорога на Гюлистан...» наглядно демонстрирует нам отсутствие знакомства ее авторов с основополагающими трудами российских историков, — назовем в их числе Е. И. Дружинину, С. П. Жигарева, Н. А. Смирнова, А. А. Цагарели, — писавших на эту тему из истории российской дипломатии, вследствие чего этот вопрос М. А. Волхонским не рассматривался. Международно-правовые последствия похода отряда графа Тотлебена им явно к рассмотрению не принимались как таковые, и это несмотря на то, что он по занимаемой должности является старшим научным сотрудником Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Но, спрашивается, куда смотрел директор этого Центра профессор В. В. Дегоев, когда благословлял своих подчиненных (если верить благодарственным словам авторов книги «Дороги на Гюлистан...» в его адрес на с. 9) на издание работы столь низкого качества, авторы которой, являющиеся его сотрудниками, игнорируют важнейшие для России

и других регионов Восточной Европы международные договоры, о существовании которых слышит каждый российский школьник? Научному сотруднику, который претендует на признание его кавказоведом или историком российской дипломатии, стыдно не знать о наличии в тексте Кучук-Кайнарджийского трактата отдельного артикула (статьи), регламентирующего качественные изменения международно-правового статуса Западного Закавказья по результатам российско-османской войны 1768–1774 гг. В этом случае вопрос стоит не о мировоззренческой позиции или идеологических пристрастиях М. А. Волхонского и его соавторов по книге «Дорога на Гюлистан...», а о его профессиональной компетентности. Нам сложно представить ситуацию, что преподавание курса истории российской дипломатии в Московском государственном институте международных отношений (университете) МИД России находится сегодня на столь низком уровне, но приходится в это верить, когда читаешь «исторические откровения» М. А. Волхонского в рецензируемой книге.

Справедливости ради надо отметить, что авторы рецензируемой книги прекрасно знали и о существовании в тексте Кучук-Кайнарджийского мирного договора такой статьи, и о ее содержании, о чем сообщили читателям на с. 102 своего сочинения, в контексте того, что положение этой статьи препятствовало планам широкомасштабной экспансии России в областях Западного Закавказья по созданию там, в первую очередь — на землях Имерети, «Армянского и Албанского царства». Тем самым они незаметно демаскировали основной идеологический посыл и постулат своей книги, согласно которому венцом всех внешнеполитических усилий России в регионе Закавказья во второй половине XVIII — первой четверти XIX столетия было, оказывается, стремление подарить османским армянам национальную государственность, предварительно отбив для этого ценой крови русских солдат и офицеров территории у грузин, османов и персов. Именно это, по их мнению, должно было стать финалом «дороги на Гюлистан...». Мы не будем вступать в полемику с подобной точкой зрения, но в связи с фактом ее существования укажем лишь на то, что подобный лейтмотив книги наглядно свидетельствует об ангажированности и тенденциозности ее содержания и в очередной раз

выявляет самую тесную взаимосвязь заказчика и публикатора издания — Международного института Новейших государств и спонсора проекта — некоммерческой организации «Русско-армянское содружество», являющейся, как уже было неоднократно сказано выше, московским отделением политической партии республики Армения «Дашнакцутюн» и офисом Ай Дата.

Случай с отсутствием в тексте рецензируемой книги развернутой научной оценки положений Кучук-Кайнарджийского договора в отношении Западного Закавказья можно было бы считать досадным, но все-таки единичным эксцессом, однако дальнейший анализ ее содержания, к сожалению, не позволяет нам и впредь придерживаться такой точки зрения. Дело в том, что старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России М. А. Волхонский, говоря о геополитических планах Российской империи в отношении Закавказья, продолжил обходить своим вниманием и иные международные договоры России того времени, уклоняясь от анализа их содержания и последствий. При этом он не мог не знать, что во второй половине XVIII столетия не только Закавказье, но и весь Северный Кавказ не входили в состав Российской империи, а поэтому политика ее верховной власти имела характер внешнеполитический, а не внутривнутриполитический. Следовательно, этот аспект должен был быть для него ясен и понятен, но М. А. Волхонский все-таки пренебрег им, чем поставил под вопрос свое доброе имя как профессионала в области истории российской внешней политики.

Вторая глава рецензируемой книги описывает геополитические планы верховной власти Российской империи в отношении Закавказья в период между двумя российско-османскими войнами 1768–1774 и 1787–1791 гг. Подобные хронологические рамки и обусловившие их события понятны и вполне разумны, но именно они формируют у просвещенного читателя ощущение недосказанности и своего рода послевкусие схоластичности, которое остается после прочтения второй главы «Дороги на Гюлистан...». Говоря о планах строительства в Западном Закавказье некоего геополитического «барьера» в лице христианских грузинских государств, отделявшего Россию от исламской Османской империи и Персии, он совершенно упускает из виду факт того, что

между Россией и христианскими областями Закавказья вплоть до 1783 года существовал и активно противодействовал российской военной экспансии на Юг иной — «мусульманский» — геополитический «барьер» в лице Крымского ханства.

На протяжении нескольких столетий это ханство представляло собой географический и государственно-политический «барьер» между исламским и православным миром, его границы простирались от Дуная до Таманского полуострова и Кубани (достаточно сказать, что нынешний приднестровский город Дубоссары до 1783 года являлся летней столицей крымских ханов), вассалами крымского хана являлись ногайцы и некоторые другие мусульманские народы Северного Кавказа и Поволжья, почитавшие османского султана за своего духовного правителя (халифа). Поэтому в конкретно-исторических условиях того времени говорить о возможности создания Россией какого бы то ни было реального «барьера» в Закавказье до того, как будет решен «крымский вопрос», было абсурдно. К сожалению, М. А. Волхонский деликатно обошел молчанием этот аспект реализации планов российской внешней политики на «южном» — черноморско-кавказско-каспийском или османско-персидском — направлении, что является еще одним доказательством верности нашего мнения о том, что книга «Дорога на Гюлистан...», хотя и содержит в подзаголовке претензию на анализ российской политики во второй половине XVIII — первой четверти XIX века в отношении Кавказа в целом, но на самом деле целью имеет описание наступления Российской империи на Закавказье в указанный период времени.

Если наше такое утверждение верно, то нет смысла спрашивать М. А. Волхонского о том, почему он, будучи по должности старшим научным сотрудником Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, не отразил в тексте главы политические и дипломатические аспекты реализации в регионе Северного Кавказа положений Карасубазарского трактата от 1 ноября 1772 года между Российской империей и Крымским ханством, не говоря уже о Манифесте императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 года о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубани. Данная тема его не интересовала, поскольку напрямую не касалась темы продвижения Российской империи в Закавказье.

Однако пренебрежение М. А. Волхонского к рассмотрению вопросов практической реализации положений Карасубазарского и Кучук-Кайнарджийского договоров в условиях Кавказа противоречит идеологической доминанте книги «Дорога на Гюлистан...», которая была сформулирована в предисловии к ней, посвященном постулированию и обоснованию тезиса о том, что Балканы и Закавказье были «непохожими близнецами» в механизмах реализации российских внешнеполитических планов и устремлений, направленных на обретение империей гегемонии в Черноморско-Каспийском регионе. История Карасубазарского мира с момента его заключения и вплоть до присоединения территории ханства к России является самым ярким и наглядным примером и даже иллюстрацией того, какими методами происходило расширение границ Российской империи при реализации ей «греческого проекта» императрицы Екатерины II и вице-канцлера графа А. А. Безбородко: сначала вассалу Блистательной Порты вооруженным путем обеспечивался государственно-политический суверенитет, который через несколько лет сменялся относительно легитимной аннексией или прямой оккупацией территории. Фактически, присоединение Крымского ханства к России, растянувшееся на десять лет, — с ноября 1772 по апрель 1783 года — стало своего рода эталонным образцом осуществления в будущем аналогичных действий в отношении иных территорий в Юго-Восточной Европе, Закавказье и Средней Азии. К сожалению, автору второй главы книги «Дорога на Гюлистан...» не пришла в голову идея сравнить военно-административные и политические механизмы и результаты реализации на практике положений Карасубазарского договора 1772 года и Георгиевского трактата 1783 года, иначе он бы нашел между ними достаточно много исторических параллелей или просто аллюзий. Первая из них — прямая взаимосвязь и преемственность двух событий — присоединения Крымского ханства к России (8 апреля 1783 года) и перехода под ее протекторат Картли-Кахетинского царства (24 июля 1783 года). Не обратить своего внимания на столь вопиющее совпадение дат двух событий мог только человек или малосведущий в вопросах истории российской внешней политики, или специально не желающий обращать свое внимание и после этого осмысливать такое совпадение.

Вместе с тем история целенаправленного и пошагово исполненного присоединения Крымского ханства к Российской империи имеет принципиальное значение для понимания принципов ее колониционной политики в отношении территорий проживания мусульманских народов (не только Кавказа, но и других регионов Евразии). Первым шагом всегда и везде было принуждение султана Османской империи к отказу от халифата в отношении мусульманских религиозных сообществ этих земель (отказа султана от духовной власти в отношении мусульман Крыма, Поволжья и Предкавказья Россия добилась по условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года, а в отношении мусульман Северного Кавказа — по условиям Адрианопольского мира 1829 года). Следующим шагом являлось разрушение административными методами основанной на религиозных канонах ислама социальной структуры, для чего активно использовалась практика массового переселения представителей неравноправных с мусульманами социальных корпораций. Поскольку в исламском мире социальная ранжированность людей и их социальный статус определялись не только имущественным положением фамилии, но и вероисповеданием человека, то именно иноверцы, или гяуры, в первую очередь и становились объектом переселенческой политики. Хорошо известно, что в 1779 году командир Крымско-Кубанского корпуса российских войск генерал-поручик А. В. Суворов (тогда еще не являвшийся ни генералиссимусом, ни графом Римникским, ни светлейшим князем Италийским) в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 9 марта насильственно отселил из Крыма большую часть греков и армян, направив первых в Мариуполь, вторых — в Нор-Нахичевань, или Нахичевань-на-Дону (ныне — Пролетарский район Ростова-на-Дону). В результате этой депортации Крымское ханство осталось без рабочих рук ремесленников, что за несколько лет подорвало военно-технический потенциал этого государства, уже через четыре года после этого события ставшего частью Новороссии, а затем — Таврической губернией.

Вслед за изменением структуры населения следовало преобразование его хозяйственной жизни за счет внедрения (зачастую насильственного) новых производств и способов производства, что в течение одного поколения кардинальным образом меня-

ло хозяйственный быт местных жителей. Инфраструктурные изменения сопровождалось переводом в регион новых производственных сил, а это в условиях феодального способа производства неизбежно сопровождалось новыми миграциями. Присоединение территории Крымского ханства к России согласно положениям Манифеста императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 года явилось отправным пунктом для начала переселения на Таманский полуостров и Кубань части запорожских казаков, известных в истории как Черноморское (Кубанское) казачье войско. Аналогичные процессы прошли и в Закавказье в 1830-е гг., когда на земли, освобожденные от горских мусульманских народов (главным образом курдов и лазов) из Османской империи начали массово переселяться греки и армяне, составлявшие в пашалыках Восточной Анатолии социальную основу ремесленного производства и большую часть сельскохозяйственного пролетариата. Все это лишний раз свидетельствует в пользу нашего тезиса о том, что экспансия Российской империи в направлении на Юг всегда имела характер не завоевания, а военно-хозяйственной колонизации, когда местное население не просто покорялось и приводилось к повиновению, а трансформировалось путем модернизации его социальной и хозяйственной структуры, после чего инкорпорировалось в социальные институты и интегрировалось в экономическую жизнь. Конечно, подобный процесс был болезненным и сопровождался разрушением традиционных устоев, но имел универсальный характер, служивший идее «имперского интернационализма».

Признавать взаимосвязь процессов, последовавших в судьбе мусульманских народов Кавказа после Карасубазарского и Адрианопольского договоров М. А. Волхонский не хочет или не может, оттого о существовании первого из этих международно-правовых актов и его влиянии на исторические судьбы народов региона Кавказа (хотя он полностью вписывается в хронологические рамки, избранные авторами «Дороги на Гюлистан...» для своей книги), а второй выносит за эти рамки, тем самым умышленно сужая поле проблемного поиска и анализа. А в итоге получается, что Закавказье вошло в состав Российской империи как бы само по себе, в отрыве от глобальных для судеб Европы войн и геополитических

процессов, несмотря на все декларируемую «непохожую близость» с Балканами.

Присоединение Крымского ханства к Российской империи открыло для нее широкую дорогу и обеспечило материальные предпосылки для широкомасштабной, целенаправленной и уже почти что беспрепятственной военно-политической экспансии в направлении Закавказья, причем не только восточной его части, т. е. Азербайджана, — вдоль берега Каспийского моря через Дербент, но и западной, т. е. Грузии, — по пути экспедиции дяташемента графа Г.-К.-Г. Тотлебена через Дарьяльское ущелье, впоследствии (после инженерного обустройства) получившего официальное название Военно-Грузинской дороги. Подчинение ареала кочевий ногайцев в Предкавказье власти российской администрации позволило ей мобилизовать и доставить на место материально-технические ресурсы для создания хозяйственной и коммуникационной инфраструктуры, необходимой для обеспечения поступательного движения империи в сторону земель христианских народов Западного Закавказья. Первым шагом на этом долгом пути стала закладка и последующее поэтапное строительство и расширение крепости и города Владикавказ, основание которого датируется 25 апреля 1784 года. Именно он стал отправным пунктом Военно-Грузинской дороги, без сооружения которой постоянное военное присутствие России в Закавказье с военно-технической точки зрения было абсолютно невозможным по причине полного отсутствия в регионе коммуникационной и логистической инфраструктуры.

Объективная невозможность снабжения значительного по численности контингента российских войск в Закавказье стало той реальной преградой, о которую разбились все геополитические планы и устремления императрицы Екатерины II и ее фаворита и соправителя графа Г. А. Потемкина-Таврического в отношении Закавказья. Именно поэтому Георгиевский трактат 1783 года так и остался документом благих намерений, реализовать положения которого удалось только по факту завершения инженерного обустройства Военно-Грузинской дороги, относящегося к 1799 году. Пока пропускная способность единственного на то время коммуникационного пути через Главный Кавказский хребет напрямую

зависела от случайностей и местных обстоятельств, ни Екатерина II, ни Павел I не решились на полноценное присоединение Грузии к России. И только император Александр I, будучи убежденным авторитетным для него мнением о надежности пути сообщения с Грузией на всем его протяжении, издал Манифест от 12 сентября 1801 года о присоединении Грузии к России и ее преобразовании в Тифлисскую губернию.

Авторы книги «Дорога на Гюлистан...», сконцентрировав свое внимание на близких и им понятных политических аспектах темы, к сожалению, не могли даже предположить существования нередко антогонистического геополитическим устремлениям верховной власти факта дефицита или даже отсутствия ресурсов для их реализации, оттого не написали ни слова о том, какое значение в контексте заявленной тематики их книги имели положения Карасубазарского и Кучук-Кайнарджийского мира для исторических судеб Закавказья и населяющих их народов. Это обстоятельство выглядит особенно странным на фоне того, что двое из них — М. А. Волхонский и В. М. Муханов — являются старшими научными сотрудниками Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России. Какому другому из исследователей, как не им, знать, что все успехи и достижения России на Кавказе и в Закавказье являлись следствием многочисленных подвигов человеческого духа российских солдат и офицеров, совершаемых ими нередко вопреки силам природы и здравому смыслу. Но и они не смогли бы обеспечить решение геополитических задач, если бы империя не создала для этого необходимых материальных (в том числе дипломатических) предпосылок.

Игнорирование О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым влияния и значения Карасубазарского договора 1772 года для исторических судеб Кавказа привело к забвению ими одной весьма примечательной с точки зрения наличия дипломатической интриги страницы из прошлого региона. Речь идет о хитросплетениях перехода под власть России народов Большой и Малой Кабарды, ранее считавшихся де-юре вместе с прочими мусульманскими народами Северного Кавказа, которые в официальных делопроизводственных документах Российской империи именовались «закубанскими жителями», подданными

Османской империи. Дело в том, что кабардинцы по условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 года наравне с подданными Крымского ханства были признаны независимыми в политическом отношении от османов народами. Однако в соответствии с условиями Карасубазарского мира крымский хан передал Кабарду под власть России. В результате возникла политико-правовая неопределенность, позволявшая интерпретировать данную ситуацию в пользу каждой из сторон. Россия в полной мере использовала для себя все выгоды этой коллизии, приняв в 1774 году добровольный переход в ее подданство племен кумыков и Малой Кабарды, а затем, после ликвидации независимости Крымского ханства в 1783 году, — жителей Большой Кабарды. Этот чрезвычайно интересный для понимания логики и механизмов российской внешнеполитической деятельности сюжет из истории присоединения Кавказа достаточно подробно изложен в коллекции документов 1-го тома «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией»⁴⁰, однако в контекст содержания книги «Дорога на Гюлистан...» почему-то не попал, хотя имеет к ее тематике самое непосредственное отношение. Объяснение этому может быть только одно: тема обстоятельств перехода в подданство Российской империи мусульманских «закубанских народов» мало соответствовала идеологемме рецензируемой книги об усилиях России по созданию в Западном Закавказье «Великой Армении», вследствие чего оказалась совершенно неинтересной ее авторам, даже несмотря на то, что двоим из них — М. А. Волхонскому и В. М. Муханову — по должности старших научных сотрудников Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России полагается их знать и интерпретировать их достоверно и компетентно.

Документальные памятники российской дипломатии имперского периода, тематически относящиеся к тематике книги «Дорога на Гюлистан...», собраны в двух коллекциях документов, автора-

⁴⁰ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 13-ти тт. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904. Т. I. 1389–1802 / Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. С. 89–90.

ми которых являются Ф.-Ф. Мартенс⁴¹ и Т. П. Юзефович⁴². Второе из этих изданий присутствует в списке источников и литературы рецензируемой книги, первое — нет, хотя именно оно является наиболее, можно сказать, фундаментальным. В коллекции Т. П. Юзефовича, изданной в память 50-летия Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской империи, в котором он служил, наличествуют всего четыре договора Российской империи с правителями Османской империи и Персидского шахства — Кучук-Кайнарджийский 1774 г., Ясский 1791 г. и Бухарестский 1812 г., Гюлистанский 1813 г., хронологически относящихся к тематике рецензируемой книги. Издание Ф.-Ф. Мартенса содержит много большее число международных документов такого рода, причем часть из них имеет самое прямое и непосредственное отношение к российско-британским и российско-французским отношениям во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., закончившейся подписанием Гюлистанского договора, поскольку и Великобритания, и Франция, находясь в состоянии вражды между собой, попеременно помогали Персии в той войне против России. Помимо этого капитальный труд Ф.-Ф. Мартенса достаточно подробно анализирует внешнеполитическую деятельность России в отношении целого ряда европейских стран по дипломатическому обеспечению их нейтралитета во время вооруженных конфликтов с Османской империей и Персией. Так, Ф.-Ф. Мартенс подробно описывает действия российского посла при британском дворе графа И. Г. Чернышева накануне и в начале российско-османской войны 1768–1774 гг. по сохранению действия российско-британского торгового союза 1766 года, исключавшего всякую возможность вмешательства Великобритании в этот вооруженный конфликт, а также по выплате официальным Лондоном регулярных денежных субсидий Швеции, чтобы та воздержалась от исполнения своих давних союзнических обязательств по отношению к Османской империи и не открывала бы второй фронт

⁴¹ Мартенс Ф.-Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15-ти тт., СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщений, 1874–1909.

⁴² [Юзефович Т. П.] Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869.

войны против России на Балтийском море и в Финляндии, хотя об этом нет ни слова ни в первой, ни во второй главе рецензируемой книги⁴³. Данный частный пример, равно как и множество других, содержащихся в труде Ф.-Ф. Мартенса, дает основание говорить о том, что «кавказский вектор» российской внешней политики во второй половине XVIII столетия никогда не реализовывался сам по себе или только по аналогии с «балканским вектором», как об этом заявили во вступлении к книге авторы «Дороги на Гюлистан...», а самым тесным и непосредственным образом коррелировал со всей совокупностью направлений отечественной внешнеполитической деятельности.

Отсутствие знакомства авторов рецензируемой книги с классическими трудами по истории российской внешней политики, самым простым и наглядным доказательством чего является отсутствие упоминания о них в списке источников и литературы, позволяет нам вполне адекватно говорить о том, что М. А. Волхонский сотоварищи отличаются крайней узостью взгляда и малым диапазоном представлений о том, в чем же конкретно заключалась политика Российской империи в отношении Кавказа и, особенно, Закавказья в указанный ими период времени. Если исходить из содержания второй главы, имеющей название «„Барьер” в Закавказье: стратегические планы Г. А. Потемкина (1774–1787)», то, по мысли авторов, деятельность верховной власти России на этом направлении сводилось только к тому, чтобы создать в Западном Закавказье сильное христианское государство или блок государств (грузинское или грузино-армянское), которое бы выполняло роль буфера или демпфера между Российской и Османской империями. При этом им явно не хватает широты кругозора, объема информации, качества и уровня базового профессионального образования, чтобы понять, что существование зависимой от России Грузии в то время было абсолютно невозможно без решения целого комплекса иных куда более существенных и значимых внешнеполитиче-

⁴³ Мартенс Ф.-Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15-ти тт., СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщений, 1874–1909. Т. IX (X). Трактаты с Англией. 1710–1801. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщений, 1892. С. 260–310.

ских задач, начиная от изоляции дипломатическими средствами Османской империи и заканчивая нейтрализацией возможных агрессивных действий ее союзников в условиях вооруженного конфликта. Мы более чем уверены, что ни О. Р. Айрапетову, ни М. А. Волхонскому, ни В. М. Муханову в голову не могла прийти мысль о том, что во второй половине XVIII века Османская империя в Европе имела целый ряд давних и принципиальных союзников, одним из которых являлась Швеция, готовая при стечении обстоятельств выступить против России в поддержку османских интересов, и поэтому канцлеру графу Н. И. Панину приходилось очень много лавировать на дворцовом паркете и интриговать, чтобы страна избежала войны на два фронта. В российско-османскую войну 1768–1774 гг. нейтрализовать подобную угрозу удалось глубоко дипломатическими методами, умело играя на противоречиях между ведущими европейскими странами и частных амбициях политиков. Однако следующее столкновение с османами прошло для России не столь гладко, — помимо войны с ними в 1787–1791 гг. российской армии и флоту пришлось в 1788–1789 гг. вести боевые действия на балтийском театре военных действий против армии и флота Швеции. Или авторы книги «Дорога на Гюлистан...» все еще наивно полагают, что эти два вооруженных конфликта никак не были взаимосвязаны между собой, а их совпадение по времени было случайностью?

Распространение Российской империей своего геополитического влияния в Закавказье было отнюдь не самоцелью и даже не вспомогательным средством в реализации «греческого проекта» императрицы Екатерины II. Отношения в Европе во второй половине XVIII и, особенно, в первой четверти XIX столетия, когда началась борьба за колониальный передел мира, имели многовекторный и многополярный характер. При этом следует учитывать, что Османская империя и Персия имели самые тесные союзнические связи с христианской ойкуменой и не были изгоями цивилизации: Персию связывали долговременные торговые и политические отношения с Великобританией и периодические — с Францией, Османская империя, еще со времен шведского короля Карла XII, армия которого в 1709 году был разгромлена под Полтавой, почти целое столетие дружила со Швецией. Однако на рубеже этих

двух веков внешняя политика России под влиянием комплекса субъективных причин, увы, не отличалась внятностью и последовательностью, что привело к ситуации, при которой страна в течение целых пяти лет была вынуждена вести одновременно сразу пять войн — против Персии в 1804–1813 гг., против Османской империи в 1806–1812 гг., против Великобритании в 1807–1812 гг., против Франции в 1805, 1806–1807, 1812–14 гг., против Швеции в 1808–1809 гг. Поэтому тернистая «дорога на Гюлистан...» была для России частью глобальной геополитической конкуренции с многими иными европейскими державами, но только об этом от О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова мы, к сожалению, не услышали ни слова. Подобный «кавказоцентризм» не делает чести их работе, претендующей на статус научной.

К сожалению, авторы рецензируемой книги никак не отразили на ее страницах место «кавказского вектора» в общей архитектуре российской внешней политики указанного ими времени, предпочитая умышленно локализовывать его значение. Мы не будем домысливать причины, по которым это произошло, и только укажем на факт существования такого положения дел. Но вместе с тем мы не можем не обратить внимание читателей на то, что «оскопление» истории российской дипломатии осуществили не кто иные, как старших научных сотрудника Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, которым по должности положено делать совершенно противоположное. В связи с этим возникает вполне резонный вопрос, знают ли современные российские дипломаты поучительную историю ошибок своих предшественников, чтобы учиться на их опыте, а не приобретать его самостоятельно в ущерб национальным интересам страны?

«Кавказоцентризм» содержания книги «Дорога на Гюлистан...» привел к тому, что Османская империя стала восприниматься и преподноситься ее авторами читателям не как основной геополитический конкурент России в Черноморско-Кавказском регионе, а как ее непримиримый враг, всегда готовый начать боевые действия в целях не самозащиты, а агрессии. Это привело к тому, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов в тексте своей работы, тематически относящейся все-таки к проблематике истории внешней политики, а не военной истории России, обошли

гробовым молчанием российско-османские торгово-экономические отношения в Черноморско-Кавказском регионе, хотя именно они составляли публичное, а не тайное содержание межгосударственных отношений. Вполне очевидно, что дезавуирование «образа врага» в отношении Османской империи противоречило базовой идеологемме их книги о желании и даже стремлении Российской империи создать на землях Западного Закавказья «Великую Армению». Поэтому любые указания на существовавшие в те годы взаимовыгодные экономические связи между двумя ведущими региональными державами ими игнорировались и замалчивались (в первую очередь речь идет об «Изъяснительной», или Айналы-Кавакской, конвенции от 10 марта 1779 года, а также о «Трактате о торговле между Российской империей и Портой Оттоманскою, заключенном в Константинополе июня 10-го дня 1783 года», который предоставил российским купцам широкие коммерческие преференции в хозяйственных взаимоотношениях со своими турецкими коллегами и османскими чиновниками, в том числе и при морской торговле в портах Черноморского побережья Кавказа). Указанная избирательность авторов рецензируемой книги вполне объяснима их ангажированностью со стороны заказчиков из Международного института Новейших государств, за спиной которых стоят спонсоры из «Русско-армянского содружества», для которых неприемлемо любое упоминание об успешной российско-османской торговле в минувшие века.

В связи со всем указанным выше, необходимо сказать несколько слов и о российско-армянских отношениях в правление императрицы Екатерины II, а если быть более точным, — то о том месте, которое верховная власть империи в своих геополитических планах относительно Кавказа и Закавказья отводила в те годы иерархам и адептам армяно-григорианской церкви. Авторы книги «Дорога на Гюлистан...», говоря о планах или даже действиях по созданию из царств и ханств Закавказья своего рода «карантинной зоны» между Османской и Российской империями, существовавших или реально осуществлявшихся как продолжение действий по присоединению Крыма, Тамани и Кубани и перехода Грузии под российской протекторат в 1783 году, без тени сомнения заявляют о том, что основным пунктом этого плана являлось создание на границе между

Западным и Восточным Закавказьем Армянского или Албанского царства. Этой теме посвящено эссе, включенное в структуру второй главы рецензируемой книги и опубликованное на с. 88–102. Согласно позиции авторов императрица Екатерина II и ее фаворит и фактический соправитель князь Г. А. Потемкин-Таврический предполагали руками царя Картли-Кахети Ираклия II привести к вассальной зависимости от России хана Шушинского и Карабахского Ибрагима или даже низложить его, чтобы затем заселить территорию Карабаха армянскими выходцами из Персии и на новой социальной основе создать там впоследствии Армянское царство. Актуальный для наших дней идеологический подтекст такой интеллектуальной конструкции вполне понятен и очевиден: раз Россия в последней четверти XVIII века вынашивала планы аннексии территории и изменения этнического состава населения Карабаха, то должна приветствовать и всемерно поддерживать результаты нагорно-карабахского конфликта 1988–1994 гг., по сути, являться политическим и военным гарантом режима оккупации азербайджанских земель. Памятуя о том, кто именно ныне является основным спонсором деятельности Международного института Новейших государств, легко понять, почему эта концепция является лейтмотивом содержания второй главы рецензируемой книги.

Однако эта интеллектуальная конструкция имеет одно принципиальное «но», которое ставит под вопрос адекватность подобного умопостроения. Дело в том, что в реалиях Российской империи XVIII столетия армяне не воспринимались царской или императорской властью как самостоятельный этнос, а рассматривались ею исключительно как интернациональная по своему составу общность адептов или последователей армяно-григорианского вероучения или вероисповедания, иными словами, как религиозная секта или группа, более близкая по своей канонике и обрядовости к христианству, нежели к мусульманству. Именно в таком — сугубо религиозном — качестве они могли безнаказанно со стороны османских или персидских властей обращаться за нравственной или материальной поддержкой к российским самодержцам, с 1716 года являвшимся не только секулярными правителями государства, но и руководителями Русской Православной церкви. Подобная практика никак не противоречила существовавшей в те годы тра-

диции трансграничных контактов и обменов в религиозно-духовной сфере: мусульмане России считали своим халифом османского султана (данная практика была упразднена только в 1774 году в соответствии с условиями Кучук-Кайнарджийского мирного договора), и это обстоятельство давало нравственное и юридическое право оказывать свое покровительство армянскому духовенству, хозяйственной инфраструктуре армяно-григорианской церкви и ее пастве. Поэтому корреспондентами особ из российского Императорского дома с армянской стороны в рассматриваемый период времени могли быть исключительно армянские духовные иерархи, но никак ни должностные лица административного управления (мелики), для которых любой подобный шаг однозначно означал бы измену османской или персидской власти и скорую расправу палача — смертную казнь, оскпление или ослепление. В связи с этим нам следует сделать еще одну принципиально важную оговорку: армянские купцы, осуществлявшие международную торговлю, также были корреспондентами российской власти, но они подавали свои прошения только по частноправовым вопросам, касающимся организации товарооборота и денежно-фискальных расчетов, тогда как полноправными участниками или субъектами публично-правовых (или политических) отношений могли быть и были исключительно армянские духовные иерархи. Чтобы убедиться в правильности и объективности наших слов, достаточно просмотреть сборники документов по российско-армянским взаимоотношениям, изданным в России до 1917 года⁴⁴, в которых нет ни одного обращения к российским монархам по политическим вопросам со стороны ар-

⁴⁴ См., например: Хубов Е. Описание достопамятных происшествий, в Армении случившихся в последние тридцать лет, т. е. от Патриаршества Симеонава (1779 г.) до 1809 года. СПб.: Типография И. Ионессова, 1811; Эзов Г. А. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством: Историческое исследование по неизданным документам. Тифлис: Тип. М. Мартиросянца, 1901; Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы, извлеченные из Московского Главного и Петербургского архивов Министерства иностранных дел, Австрийского придворного и государственно-го архива, Королевско-Баварского тайного государственного архива и других учреждений (Доложено в заседании историко-филологического отделения Императорской Академии наук 8 января 1897 г.). СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1898.

мянских светских лиц. К сожалению, эти источники авторам книги «Дорога на Гюлистан...» оказались неизвестны, или они их попросту проигнорировали, отчего в своих умопостроениях пришли к далекому от реальности выводу.

Трансформация восприятия армян из интернациональной по своему составу религиозной секты в этнос, а из этноса в нацию произошла только в годы советской власти. Именно в это время они перестали как с официальной точки зрения, так и с позиции самоидентификации восприниматься как секта или религиозная общность и стали рассматриваться как полноценный этнос и даже народ, обладающий коллективными формами социальной организации (наличие партии «Дашканцугюн» — ярчайшее тому подтверждение), что давало ему право считаться политической нацией и претендовать на территориальное и национальное самоопределение (что и было в полной мере реализовано в результате заключения Батумского договора между Республикой Армения и Османской империей 1918 года). Взгляд на армян как на традиционный этнос сформировался в армянской исторической науке только в 1970–1980-е гг. в лоне идеологии марксизма-ленинизма, он-то и стал главной идеологической основой современного армянского национализма. Выше мы уже говорили о психологическом эффекте «ловушки сдвига восприятия времени», когда человек бессознательно переносит современную и привычную ему реальность на события столетней или двухсотлетней давности, искренне полагая при этом, что тогда мир был именно таким, каким он представляется ему и его современникам.

Отношение современных армян к теме своего присутствия в Карабахе кардинально отличается от того, которое было присуще их предшественникам в XVIII веке. Двести лет назад в секретной переписке императрицы Екатерины II или светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического речь шла о возможном заселении территории Карабахского ханства персидскими армянами и о последующем его вхождении в состав Грузинского царства, находящегося под протекторатом России, или даже в состав самой России. Ни о каком создании самостоятельного Армянского царства, а тем более о возрождении «Великой Армении», речи в исторических реалиях того времени и быть не могло только лишь потому,

что представители верховной власти России второй половины XVIII века мыслить такими геополитическими категориями попросту не могли по причине отсутствия интеллектуальной базы или понятийного аппарата для их существования. Иными словами, эвентуально могло предполагаться, что Карабах станет областью, ханством или уездом под самодержавной властью России, населенной преимущественно армянами, переселившимися туда из Персии (а не из Османской империи, как это произошло впоследствии), но это не означает, что внешнеполитические планы Российской империи конца XVIII века относительно Закавказья входило намерение создать искусственное Армянское царство.

В реалиях того времени этого не могло быть, потому что не могло быть никогда хотя бы потому, что в Европе правом относительной экстерриториальности в то время пользовалась только одна церковь — римско-католическая (в виде Папской области), являвшаяся принципиальной противницей Русской Православной церкви, а создавать территориальную аналогию ей в Закавказье никто не собирался. Армян предполагалось активно использовать в качестве «пятой колонны» против Персии или Османской империи, ловко играя на их религиозных (но не патриотических!) чувствах, но дарить им за это целое царство не предполагалось. О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов в тексте своей книги «Дорога на Гюлистан...» не привели ни одного исторического документа или выдержки из него, в котором бы говорилось о необходимости создания Армянского царства или царства армянского народа. Использованные ими документы говорят о эвентуальном прогнозировании военной помощи армянам со стороны России, да и то только в случае начала военных действий со стороны Османской империи (с. 77–78), о планах переселения армян в Карабах (с. 80–81), о планах по приведению в подданство России Ибрагим-хана Карабахского и Шушинского или по его низложению в случае отказа (с. 84–92), но при этом в тексте рецензируемой книги нет ни одной прямой цитаты из официального исторического источника о воссоздании Армянского царства. Почему? Ответ очевиден, — таких источников нет. Армяне верховной властью Российской империи в отличие от грузин в то время народом не считались и не являлись, пребывание в диаспоре по всей ислам-

ской ойкумене лишало их такой возможности. Россия была готова использовать в своих внешнеполитических или геополитических целях людские, материальные и информационные ресурсы армянской или армяно-григорианской церкви, но о последующем превращении ее адептов в самостоятельный этнос в реалиях второй половины XVIII века речи быть не могло.

Есть еще один аспект, интерпретация которого авторами книги «Дорога на Гюлистан...» вызывает недоумение. Ключевым событием российской внешней политики в отношении Закавказья в правление императрицы Екатерины II было и остается заключение 24 июля 1783 года «договора о признании царем Карталинским и Кахетинским Ираклием II покровительства и верховной власти России», более известного в истории под наименованием «Георгиевского трактата». Анализ содержания, точнее — краткому пересказу этого документа О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов посвятили три с половиной страницы текста (с. 85–88), хотя именно он стал единственным реальным воплощением устремлений внешней политики Российской империи в регионе Кавказа. При этом они упустили из виду принципиально важный момент (хотя, справедливости ради, надо отметить, что это сделали не только одни они, но и многие десятки других российских, закавказских, европейских и американских исследователей), на который в свое время обратили внимание российско-грузинские историки З. Д. Авалов и А. А. Цагарели. Дело в том, что тексты Георгиевского трактата на русском и грузинском языках не были аутентичны и отличались между собой титулатурой грузинского царя Ираклия II, которая на грузинском языке звучала так: «наследственный государь и владетель Ираклий Второй, Божией милостью и благоволением Его Императорского Величества царь Карталинский, царь Кахетинский, наследственный владетель Самцхе-Саатабагский, князь Казахский, Борчалинский, Шамсадилский, Какский, Шакинский, Ширванский, владетель и повелитель Гянджи и Эривани»⁴⁵. Не зная это обстоятельство профессиональному историку,

⁴⁵ Авалов З. Д. Присоединение Грузии к России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901. с. 139–140; Цагарели А. А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии: В 2-х тт. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1891. Т. II, ч. 1, с. 99.

претендующему на звание продвинутого кавказоведа, по меньшей мере стыдно, особенно если в роли претендента выступают два старших научных сотрудника Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России и примкнувший к ним заместитель декана по научной работе факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. Эта титулатура царя Ираклия II исчерпывающе описывает ареал распространения его личной власти, который составляли доменные и вассальные владения, почти полностью перекрывающие все возможные на то время пути сообщения османов с мусульманскими народами Северного Кавказа, находившиеся от них в ленной зависимости.

Единственным в то время сюзеренным владением Закавказья, обеспечивающим свободу передвижения османов на этом коммуникационном направлении, была Имеретия, вот почему за контроль над ней велась столь ожесточенная дипломатическая борьба, давшая авторам рецензируемой книги столь богатую пищу для размышлений и фантазий в виде исторических источников. При этом не следует забывать, что во второй половине XVIII века в Западном Закавказье существовало еще несколько патримонических грузинских княжеств-царств — Гурия и Мингрелия, которые были независимы от Картли-Кахети, но об их существовании О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов не говорят ни слова. Вполне возможно, что они не входили в сферу геополитических интересов Российской империи, а поэтому в отношении них в российских архивах не отложилось достаточного количества документов, вследствие чего авторы книги «Дорога на Гюлистан...» не смогли включить их в текст своей работы. Как бы то ни было, но рецензируемая книга отличается крайней избирательностью в выборе предмета изучения, особенно в вопросе описания внешней политики России в Закавказье в годы правления императрицы Екатерины II, а такая избирательность граничит с субъективностью, предвзятостью и тенденциозностью. В связи с этим возникает целый ряд вполне логичных и оправданных замечаний.

Во-первых, не совсем понятно, какой именно геополитический «барьер», как об этом пишут авторы рецензируемой книги (или между кем и кем), хотела воздвигнуть Россия в Закавказье? Между собой и османами? Но он уже и без того объективно существовал

в Западном Закавказье в лице Картли-Кахети. На наш взгляд, более правдоподобной выглядит версия о том, что «барьер» из христианских народов современной Грузии предполагалось воздвигнуть между Османской империей и мусульманскими народами Северного Кавказа, по отношению к которым османский султан являлся халифом, и тем самым положить предел политическому влиянию на них, особенно на те народы, которые в соответствии с Карасубазарским договором 1772 года перешли в подданство России.

Во-вторых, авторы не дают прямого ответа на вопрос о том, кого именно, какие народы Кавказа предполагалось использовать в качестве строительного материала для возведения этого геополитического барьера. Царство Картли-Кахетия и зависимые от него закавказские области уже представляли собой естественный барьер между Южным и Северным Кавказом, чего же тогда было желать большего? При ответе на этот вопрос следует учитывать, что по условиям Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года Россия ограничила сферу своего геополитического влияния в Западном Закавказье территорией этого царства, оставив прочие христианские области под юрисдикцией Османской империи. Следовательно, ресурсы подвластных османам народов Российская империя де-юре и де-факто использовать не могла. В связи с этим авторы книги «Дорога на Гюлистан...» полунамеками обозначают любезный для сердца руководства и спонсоров Международного института Новейших государств вопрос о создании на землях Карабаха подконтрольного России Армянского или Албанского царства, что полностью соответствует идеологии нынешних армянских сепаратистов Нагорного Карабаха. Дескать, наряду с грузинами барьером на пути османов станут карабахские армяне, о существовании которых во второй половине XVIII столетия в России мало кто догадывался.

В-третьих, говоря о внешней политике России в Закавказье в правление императрицы Екатерины II, авторы рецензируемой книги очень часто выдают желаемое за действительное. В заголовке второй главы он вполне адекватно указывают на объект повествования — на геополитические планы светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического относительно Закавказья, при этом очень мало говорят о конкретных действиях по их реализации. Но между

словом и делом может быть дистанция огромного размера. Практические результаты внешнеполитической деятельности России на Кавказе хорошо известны — это переход в подданство России народов Тамани, правобережья Кубани, Большой и Малой Кабарды, переход под покровительство России части правителей современного Дагестана, установление протектората России над Картли-Кахети и вассальными ему территориями, причем последний аспект в практической реализации имел очень серьезные осложнения и коллизии, хорошо известные благодаря трудам З. Д. Авалова, С. Д. Бурнашева, Г. Г. Вешапели, Н. Ф. Дубровина, Н. А. Смирнова, А. А. Цагарели (см. библиографию в конце книги). К сожалению, исторические, а не историографические труды большинства из перечисленных выше авторов О. Р. Айрапетову, М. А. Волхонскому и В. М. Муханову в силу непонятных причин оказались неизвестными, отчего они с радостью и энтузиазмом первооткрывателей пишут о тех вопросах, которые остальными профессиональными историками были хорошо изучены и описаны задолго до них.

Огрехи в вопросах оценки содержания и результатов внешней политики Российской империи в отношении Закавказья во время правления императрицы Екатерины II, достаточно часто встречающиеся во второй главе рецензируемой книги, с завидной периодичностью мы видим и в третьей главе, именуемой «Тифлисская катастрофа 1795 г.». Связаны они зачастую с элементарным непониманием авторами книги «Дорога на Гюлистан...» историко-правовых аспектов описываемых ими событий, требовать чего от источниковедов было бы не вполне корректно. Наиболее ярко и выпукло неадекватность авторской оценки видна на примере объяснения причин компромиссной как для Российской, так и для Османской империи формулировки положений 5-й статьи Ясского мирного договора от 29 декабря 1791 года, касающихся урегулирования вопросов в отношении Грузии, точнее — Картли-Кахети. О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов пишут (с. 150–152), что ни у одной из противоборствующих сторон в последнее десятилетие XVIII века не было достаточных военно-технических ресурсов для того, чтобы обеспечить свою гегемонию в регионе Западного Закавказья, поэтому и российская, и османская сторона стремились к установлению военно-поли-

тического баланса и равновесия. Именно поэтому, согласно их точке зрения, положения Ясского мирного договора в отношении Грузии подтвердили соответствующие им нормы Кучук-Кайнарджийского мира.

Мы не будем оспаривать данную точку зрения, поскольку она достаточно аргументирована документами и имеет право на существование наравне с иными взглядами на этот счет. Мы только хотим обратить внимание читателей на обстоятельство, ускользнувшее из поля зрения авторов рецензируемой книги. Не имея историко-правового образования, они совершенно упустили из вида, что 2-я статья Ясского мирного договора еще раз подтверждает правомочность положений не только Кучук-Кайнарджийского мира, но и всех заключенных на его основе впоследствии российско-османских соглашений, включая Айналы-Кавакскую конвенцию и Акт о присоединении к России Крыма, Тамани и Кубани. В связи с этим следует специально указать, что несомненным успехом российской внешней политики является то, что дипломатам удалось связать между собой сразу шесть международных договоров (включая пограничную и торговую конвенции) между Российской и Османской империями, заключенных в период с 1774 по 1791 год, что создало прочную основу дальнейшей военно-политической экспансии России по ту сторону Главного Кавказского хребта. Очевидность и неоспоримость этого факта не вызывает сомнения, но очень странно, что он не нашел своего отражения в книге, соавторами которой являются два старших научных сотрудника Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России.

На этом фоне непонимание авторами книги «Дорога на Гюлистан...» совокупности военно-технических аспектов практической невозможности оказания Грузии вооруженной помощи со стороны войск Крымско-Кубанского корпуса перед лицом угрозы вторжения Али-Магомет-хана Каджара в 1795 году удивления не вызывает. Говоря выше о пребывании в грузинских царствах в 1769–1772 гг. detachementa графа Г.-К.-Г. Тотлебена и генерал-майора А. Н. Сухотина, мы уже писали о том, что действия этого экспедиционного отряда своим примером показали крайнюю сложность пребывания на постоянной основе значительного по численности отряда рус-

ских войск в Закавказье, что обуславливалось крайней сложностью организации и практической реализации комплекса мер по его материально-техническому снабжению вооружением, боеприпасами, пополнению обученными военному делу людьми и лошадьми. С технической точки зрения ввести в горы для участия в войне значительный по численности воинский контингент не представляло особого труда, но сохранить его боеспособность на протяжении долгого времени было значительно труднее. В этом заключалась в то время и заключается до сих пор главная особенность ведения войны в горно-лесистой местности. Физические тяготы и затраты ресурсов на переходы по горам многократно превосходят лишения войск при ведении боевых действий на равнинной местности. Это — аксиома военной теории, о существовании которой О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов могли и не знать. Не следует забывать, что из трех тысяч российских солдат и офицеров, воевавших в Закавказье во время российско-османской войны 1768–1774 гг., назад к местам постоянного квартирования вернулось не более пятисот, остальные были или убиты, или умерли от недоедания и прочих лишений или болезней. Томский пехотный полк почти в полном составе вымер из-за лихорадки, которой болели его военнотружущие во время осады Поти в 1771 году. Аналогичная судьба ждала и егерские батальоны Кубанского корпуса, которые были посланы в Грузию после подписания Георгиевского трактата, изнуренные постоянными переходами и боями, не получавшие из России пополнений и боеприпасов. До завершения инженерного обустройства Военно-Грузинской дороги в 1799 году любой поход за Главный Кавказский хребет для российского солдата с почти что стопроцентной вероятностью представлял собой путь в один конец. Это хорошо понимали и в Моздоке, и в С.-Петербурге, а поэтому стремились всячески оградить себя от перспективной необходимости посылать войска в западное Закавказье, и продиктовано это было не резонами политики и даже не субъективной волей военных и государственных деятелей, которые авторы рецензируемой книги ставят во главу угла, а географическими и климатическими условиями театра военных действий, до соответствия которым военная техника Российской Императорской армии того времени еще объективно не доросла.

Поэтому у нас вызывает ироническую усмешку стремление авторов книги «Дорога на Гюлистан...», исходя из реалий дня сегодняшнего, пытаться конструировать, интерпретировать и объяснять фантазмагорические причины, согласно которым Россия не смогла предотвратить «Тифлисскую катастрофу 1795 года». Дело было совсем не в том, что в 1791 году скончался Г. А. Потемкин, а занявшие его место у руля внешней политики Российской империи А. А. Безбородко и И. А. Остерман отвернулись от Кавказа и стали максимум внимания уделять европейскому направлению российской дипломатии, и даже не в том, что официальный Петербург ошибался в оценке потенциала Ага-Мухаммед-хана Каджара, как об этом писали упомянутые выше грузинские историки конца XIX — начала XX века. Дело в том, что Россия не могла позволить себе обречь на смерть еще несколько тысяч своих солдат только ради того, чтобы картли-кахетинский царь Ираклий II в очередной раз удовлетворил свои властолюбивые амбиции.

* * *

Говоря о содержании и побудительных мотивах российской внешней политики в отношении Закавказья в последней четверти XVIII столетия, О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов, сами того не замечая, попали в «ловушку сдвига восприятия времени» и выбираться из нее, похоже, не имели ни малейшего желания, что не делает им чести как профессиональным историкам. Собственно, этому и не стоит удивляться, поскольку в такой ситуации оказались не только одни они. Жертвами психологической «ловушки сдвига восприятия времени» является также руководство Международного института Новейших государств и финансирующего его деятельность «Русско-армянского содружества». Мы не осуждаем и тем более не возражаем против их права придерживаться идеологемы «исторически обусловленного права армянского народа на обретение Великой Армении». Как и всякая другая четко сформулированная и логически изложенная интеллектуальная конструкция или концепция, подкрепленная финансовыми и людскими ресурсами, она имеет право на существование. Но всем нам следует при этом понимать, что книга, обосновывающая и пропагандирующая такую концепцию, не может считаться

научной монографией, а ее авторы не имеют морального права именовать себя учеными или научными работниками, особенно если они при этом не соблюдают правил академического этикета.

Говоря о России времен правления императрицы Екатерины II, мы не должны забывать, что именно на эти три с половиной десятилетия приходится расцвет политического режима абсолютной монархии, при которой сословная принадлежность человека или социальной группы играла определяющую для его судьбы роль. Социальная иерархия и стратификация общества представляла собой жесткую соподчиненность сословий или социальных корпораций, в основе которой лежало феодальное право частной собственности на землю, населенную крестьянами, как на основное средство производства и источник обязанностей субъекта по отношению к государству и верховной власти. В силу социально-правового статуса райя (государственных рабов) в исламской ойкумене, армяне не имели права собственности на землю, а поэтому априори не входили в социальную иерархию феодального общества подробно тому, так этого были лишены евреи в христианском мире. Идеология феодального строя не предполагала наличия из этого универсального правила каких бы то ни было исключений, вследствие чего армяне могли восприниматься верховной властью Российской империи только как самоуправляемый коллективный субъект государственно-административных правоотношений, наряду с иными сектами, цехами, земскими или городскими обществами, профессиональными артелями или академическими корпорациями. В силу этого обстоятельства они являлись объектом или предметом правового регулирования (в зависимости от того, что регламентировалось — сама корпорация или ее деятельность), а поэтому аргюи не могли быть субъектом или равноправным участником государственных отношений. В этих условиях не могло быть даже речи о появлении в какой-либо форме Армянского царства ни на границе с Россией, ни тем более в ее составе. Любые разговоры авторов книги «Дорога на Гюлистан...» о том, что верховная власть Российской империи имела на этот счет какие-либо виды или планы, является наглядным доказательством того, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов в годы своей учебы на историческом факультете университета иг-

норировали занятия по медиевистике, отдавая предпочтение лекциям по Новой или Новейшей истории, что привело к появлению в их знаниях вполне очевидного и даже наглядно зияющего пробела.

Мы не хотим умалять заслуг авторов рецензируемой книги, особенно М. А. Волхонского и В. М. Муханова как хороших источниковедов, публикаторов и комментаторов исторических документов. Вместе с тем мы не можем не указать на тот факт, что им явно не хватило наличия специального образования в области истории государства и права и политико-правовых учений, чтобы адекватно оценить исторические реалии периода времени или даже эпохи, о событиях которого они пишут. К вопросам истории государства и права нельзя подходить с позиций методологии источниковедческих исследований, поскольку в этом случае публикация и интерпретация документа превращается в самоцель, тогда как в истории межгосударственных отношений или в истории политических процессов не каждый дошедший из глубины веков документ является объективным отражением существовавших в то время повседневных реалий. Профессионализм историка как раз и заключается в том, не попасть в пресловутую «ловушку сдвига восприятия времени» и воспринимать события и процессы в контексте соответствующего им времени, а не судить о них, исходя из субъективного мировосприятия сегодняшнего дня. К сожалению, авторам книги «Дорога на Гюлистан...» не удалось избежать подмены или коллизии реалий, а поэтому их работа, достаточно интересная с точки зрения собранных в ней исторических источников, не может претендовать на признание в качестве полноценного научного исследования по истории внешней политики России в регионе Закавказья во второй половине XVIII — первой четверти XIX столетия, поскольку О. Р. Айрапетову, М. А. Волхонскому и В. М. Муханову так и не удалось втиснуть масштабные события двухсотлетней давности в узкие шаблоны сегодняшнего дня так, чтобы пристрастному читателю не было заметно их невежество в методологии научного поиска.

Но больше всего удивляет то, что авторы рецензируемой книги, во второй ее главе хорошо передав динамику намерений внешней политики России в отношении Закавказья во время

правления императрицы Екатерины II, не потрудились при этом проанализировать и объяснить читателям логику этой деятельности. Высказанная в официальной переписке и ставшая в силу этого обстоятельством идея Г. А. Потемкина-Таврического (получившего этот титул в 1783 году) о создании «барьера» из христианских народов Закавказья имела место быть, однако в тексте книги не получила примеров подтверждения своей практической реализации. В истории дипломатии «в сухом остатке» остаются все-таки действия, а не намерения, успех или поражение определяются тем, какой процент замыслов удалось реализовать. Поэтому мы должны не без сожаления констатировать факт, что геополитические замыслы России по продвижению в Закавказье во второй половине XVIII столетия уперлись и были заторможены общим недостатком людских и материальных ресурсов для его государственно-политического подчинения и военно-хозяйственного освоения, а также низким уровнем развития вооружения и военной техники. Любые попытки использовать местные ресурсы патримониальных царств или княжеств с преимущественно грузинским и христианским по национально-религиозному составу населением значительного эффекта не дали, поскольку товарное хозяйство региона находилось в зачаточном состоянии. Вместе с тем мы должны отчетливо понимать, что в силу естественных условий экспансия Российской империи в Закавказье не могла остановиться до тех пор, пока не будут достигнуты естественные географические границы региона. Без достижения этого условия любое присутствие России за Главным Кавказским хребтом было обречено на неопределенность, нестабильность и зависимость от внешних обстоятельств, что со всей убедительностью доказали события начала XIX столетия. Однако для этого изначально было необходимо создать необходимые материальные предпосылки и условия в виде коммуникационной инфраструктуры, без которой любое продвижение России в Закавказье (особенно Западное) было обречено на неудачу. К сожалению, авторы рецензируемой книги, будучи все-таки больше источникововедами, а не историками, так и не поняли непреложной истины, что внешняя политика России в Закавказье во второй половине XVIII века определялась не только волей царедворцев и политиков, но в полной мере за-

висела от материальных условий, в которых должна была реализовываться, а они были таковы, что самые смелые планы и самые благие намерения не могли реализоваться на практике до тех пор, пока для этого не были созданы соответствующие условия. Собственно, только в этом кроется причина того, что император Александр I в 1801 году столь долго не хотел включать Грузию в состав Российской империи, пока не был своим окружением убежден в том, что Военно-Грузинская дорога на всем своем протяжении в инженерном отношении до конца благоустроена настолько, чтобы обеспечивать по ней бесперебойное движение войск в любое время года и суток.

3. Начало XIX века: зигзаги и ухабы «дороги на Гюлистан...»

Название четвертой главы рецензируемой книги «„Просительные пункты” Георгия XII: смена российского курса в Закавказье (1797–1801)» своей формулировкой указывает на то, что в правление императора Павла I произошли существенные перемены в планах верховной власти Российской империи относительно содержания и перспектив внешней политики страны в этом регионе, однако при этом авторы книги не утруждают себя ответом на вопрос, почему это произошло, ограничиваясь лишь повествовательным изложением совокупности действий, предпринятых грузинской стороной (а не российской, что само по себе странно, поскольку речь идет о политике России в отношении Закавказья, а никак не наоборот), чтобы сменить формальный протекторат на подданство Российской империи. В результате складывается впечатление, что вхождение Грузии в состав России (причем не всей, а только восточной ее части, т. е. Карли-Кахетии) представляло собой улицу с односторонним движением, по которой грузинский царь Георгий XII, занявший престол после смерти царя Ираклия II Теймуразовича, вынужденно двигался навстречу принятию российского подданства. В принципе, подобное сравнение очень уместно, однако авторы книги «Дорога на Гюлистан...» не указывают всего комплекса причин, приведших к такому сценарию развития событий.

О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов основной причиной, принудившей грузинского царя Георгия XII отдаться под власть императора Павла I, называют военно-политическую угрозу со стороны персидского шаха Фетх-Али Каджара, укрепившего свою верховную власть после убийства 5 июня 1796 года в крепости Шуша своего дяди, основателя новой шахской династии Али-Мохаммед-шаха, который годом раньше в отсутствие русских войск разорил Тифлис. Однако подобная точка зрения на данный вопрос кажется нам односторонней и малоубедительной, поскольку не отражает всего комплекса причин. На наш взгляд, главная причина, побудившая царя Георгия XII на подобный шаг, заключалась не в отсутствии в его распоряжении двух батальонов российских егерей, на боевые возможности которых опирался Ираклий II по условиям Георгиевского трактата, и даже не в том, что в Персии пришла к власти новая, а поэтому амбициозная, воинственная и пассионарная шахская династия Каджаров, подчинившая себе большинство региональных ханов. По нашему мнению, главная причина настоятельного стремления царя Георгия XII уйти под власть Российской империи заключалась в резком и даже скачкообразном падении объема и суверенитета царской власти в Восточной Грузии после смерти Ираклия II.

Будучи источниковедами и документоведами, авторы рецензируемой книги не уделили внимания вопросу изменения формулировки титулатуры грузинских царей Ираклия II и Георгия XII. Выше мы уже писали о том, что в варианте Георгиевского трактата на грузинском языке полный титул царя формулировался так: «Наследственный государь и владетель Ираклий Второй, Божией милостью и благоволением Его Императорского Величества царь Карталинский, царь Кахетинский, наследственный владетель Самцхе-Саатабагский, князь Казахский, Борчалинский, Шамсадильский, Какский, Шакийский, Ширванский, владетель и повелитель Гянджи и Эривани». Георгий XII подобным многословием и пышностью титула похвастаться не мог, т. к. из-под его юрисдикции выпали Шеки, Ширван, Гянджа и Эривань, т. е. значительная часть районов, населенных этническими азербайджанцами, находившаяся от царя Ираклия II в ленной, а не вассальной зависимости. Иными словами, кончина Ираклия II для правителей (ханов) этих

земель означала автоматическую трансформацию их автономно-го в административном отношении, но зависимого в политическом смысле положения в полноценный суверенитет, признаваемый, к слову, другими участниками международных отношений.

Доказательством справедливости данного утверждения является содержание рескриптов и грамот в адрес группы закавказских владельцев, данных 3 августа 1800 года императором Павлом I в Гатчине, тексты которых опубликованы в 1-м томе «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией»⁴⁶. Причиной появления этой серии дипломатических актов стали требования Фетх-Али-шаха Каджара (именовавшегося в России также Баба-ханом) признания закавказскими владельцами его власти, а их содержанием — указания по созданию военно-политического союза на случай отражения персидской агрессии против региона. Этот комплекс документов в контексте рассматриваемого вопроса интересен тем, что дает наглядное представление о феодальной структуре и иерархии Закавказья относительно России и позволяет понять, какая область в каких отношениях с ней находилась. В частности, на имя «владельца Дербентского Шейх-Али-хана», «владельца Тарковского Мегди-Шамхала», «владельца Каракайдакского Рустем-хана уцмия» и «владельца Табасаранского Рустема-кадия» были даны рескрипты, поскольку они к тому времени де-юре и де-факто состояли в подданстве Российской империи и имели генеральские чины государственной службы. «Светлейшему Карталинскому и Кахетинскому царю Георгию Ираклиевичу» и «Эриванской области владельцу Мухаммед-хану» были направлены грамоты, как это делалось в России в отношении всех остальных самостоятельных и суверенных субъектов международных отношений. Это обстоятельство с полной уверенностью позволяет нам говорить о том, что земли Дагестана уже были включены в состав России, тогда как Грузии и других областей Западного Закавказья — нет.

⁴⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 13-ти тт. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904. Т. I. 1389–1802 / Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. С. 108–110.

Последний из серии дипломатических документов от 3 августа 1800 года представляет для нас наибольший интерес, поскольку не только характеризует грузино-эриванские отношения при царе Георгии XII, но и отражает официальную точку зрения верховной власти Российской империи на их содержание и характер. В имперской грамоте на имя «Эриванской области владетеля Мухаммед-хана» этот правитель именуется «добрым соседом одного светлейшего царя», что исключает даже намек на отношения сюзеренитета или вассалитета между Мухаммед-ханом Эриванским и царем Картли-Кахети Георгием XII. Кроме того, в этом же документе содержится указание на то, что имперские грамоты, аналогичные той, которая была направлена Мухаммед-хану Эриванскому, были посланы также «соседам вашим Карабахской области Ибрагим-Халил-хану и Гянджинскому Джеват-хану Зият-оглы», что также однозначно свидетельствует о том, что император Павел I считал этих правителей суверенными и полноправными сюзеренами в своих землях. Грамоты императора Павла I на имя Мухаммед-хана Эриванского, Ибрагим-Халил-хана Карабахского, Джеват-хана Гянджинского содержали в себе предложение «для общей безопасности вашей» объединиться с царем Картли-Кахети Георгием XII и российскими войсками Кавказской инспекции, чтобы отразить возможное нападение и сохранить свой суверенитет.

Анализ содержания указанных выше документов позволяет нам сделать два принципиальных вывода.

Во-первых, царь Георгий XII не обладал той степенью могущества и соответствующего ему геополитического влияния в Закавказье, которые были у его предшественника на престоле Ираклия II. А это значит, что Грузия из самой могущественной региональной державы Закавказья к концу XVIII столетия превратилась в ординарное княжество или ханство, сохранившее наименование царства только в память о былых возможностях и успехах. В новых для себя геополитических условиях она не смогла бы сохранить суверенитета даже с помощью российских штыков и пушек и поэтому была обречена на поглощение или Россией, или Персией. Поскольку опыт нахождения под властью персов у нее уже был, то грузинский народ предпочел для себя переход в подданство России, и действие это было не следствием какой-то целе-

направленной политики верховной власти Российской империи по созданию в Закавказье «барьера» из христианских государств, а результатом естественной стагнации общественно-политического развития местного сообщества, сопровождавший цивилизационный переход от патримониальных родоплеменных отношений к феодальным, причем обретение внешнего сюзерена должно было ускорить темпы и минимизировать негативные социальные последствия такой социальной трансформации.

Во-вторых, внешняя политика России в отношении Закавказья была более многовекторной, чем ее пытаются представить читателям авторы книги «Дорога на Гюлистан...». Если не в Петербурге, то в Астрахани и Моздоке все-таки хорошо знали, кто есть кто в региональной политике и своевременно информировали о любых произошедших изменениях Азиатский департамент Коллегии иностранных дел. Получение и систематизация комплексной информации о геополитических раскладах в Закавказье были невозможны без каждодневной кропотливой деятельности российского чрезвычайного и полномочного посла при тифлисском дворе (министра) статского советника П. С. Коваленского, однако о деятельности последнего О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов предпочитают умалчивать или говорят резко отрицательном тоне. Вместе с тем в коллекции «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» опубликовано немало документов дипломатической переписки высших должностных лиц официальных инстанций Российской империи с правителями («владельцами») ханств Северного Азербайджана, взаимоотношения с которыми российская администрация выстраивала на принципах не равноправия (такого не могло быть в принципе в условиях жесткой словесной детерминации и регламентации характера и содержания отношений между феодалами разного социально-имущественного статуса), то доброжелательности, добрососедства и уважения. Эти документы показывают, что к ханам Карабаха, Эривани, Гянджи император Павел I относился и писал в том же официальном сдержанно-властном тоне, в котором он адресовал свои послания правителям мелких германских княжеств, входивших в состав Священной Римской империи германской нации. Эти документы дают нам достаточно оснований говорить о том, что ханы Северного Азер-

байджана на рубеже XVIII и XIX столетий были вполне суверенны в своей власти (насколько им позволял это военно-технический и социально-экономический потенциал подвластных им территорий). Поэтому в те годы, когда этот российский монарх находился на престоле, не было и не могло быть никакой речи о том, чтобы создать на землях Северного Азербайджана даже намек на компактное поселение персидских или османских армян, каждое упоминание о котором авторы рецензируемой книги пытаются донести до сознания читателей как чуть ли не единственную цель внешней политики Российской империи в отношении Закавказья во второй половине XVIII — первой четверти XIX столетия.

Избирательность авторов книги «Дорога на Гюлистан...» в отборе исторических документов для их последующего использования при написании своей работы наглядно прослеживается на примере отсутствия в тексте рецензируемого издания ретроспективного взгляда на развитие торгово-экономических отношений между Российской империей и Персидским шахством в указанное время. Исторические сюжеты об обустройстве на острове Ашур-Адэ русской торговой фактории, просуществовавшей там с 1770-х гг. до 1921 года, а также о борьбе России за монополию морской торговли на Каспии в первое десятилетие XIX века могли бы существенно расширить и украсить фактурой содержание рецензируемой книги. Однако рассказа об истории торгово-экономических отношений между Россией и Персией мы не встречаем, хотя именно действия Каджаров по ориентации внешней торговли Персии на Великобританию и начавшиеся в русле такой политики притеснения российских купцов в ханствах Северного Азербайджана и портах южного побережья Каспийского моря стали одной из движущих пружин начала российско-персидской войны 1804–1813 гг. Богатый материал по тематике российско-персидских торговых связей в XVIII столетии помимо коллекции «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» содержит в себе монография Г. Н. Мамедовой «Русские консулы об Азербайджане (20–80-е гг. XVIII в.)» (Баку: Элм, 1989), однако он не привлек к себе внимания О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова. Причина этого кроется, по нашему мнению, в том, что эта тема никак не коррелирует со столь любезной для сердца руково-

дителей и спонсоров Международного института Новейших государств темой поиска исторических обоснований и оправданий армянской агрессии в отношении территорий Нагорного Карабаха, а так как исторические сведения, введенные в научный оборот в этих изданиях, даже по касательной не соприкасаются с ретроспективой нагорно-карабахского конфликта, то им не оказалось места в рецензируемой книге. Конечно, такой подход и выбор являются правом авторов, но подобная идеологически мотивированная избирательность вряд ли к лицу научной работе, соавторами которой являются два старших научных сотрудника Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, а также заместитель декана по научной работе факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова.

Также следует указать на некомпетентность авторов книги «Дорога на Гюлистан...» в некоторых специфических вопросах отечественной военной истории, точнее — в некоторых аспектах истории военного строительства и военного управления в Российской империи в конце XVIII — начале XIX века. Так, на с. 208 своей книги они совершенно справедливо пишут о том, что все отношения с Закавказьем были поручены компетенции командования Кавказской инспекции Российской императорской армии, инспектором войск которой и одновременно шефом Кавказского гренадерского полка недолгое время в 1798 году был генерал-лейтенант граф И. И. Морков. Однако шестью страницами позже (на с. 214) мы читаем о том, что помимо Кавказской инспекции в то же самое время в организационно-штатной структуре вооруженных сил России существовала и некая «Кавказская дивизия». Данный военно-исторический аспект требует дополнительной детализировки и пояснения, без которых ошибочность некоторых взглядов и умопостроений О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова не будет понятна читателям.

Чтобы адекватно понимать, о чем идет речь, необходимо сказать несколько слов об организации и устройстве российских войск на Кавказе в конце XVIII — начале XIX века. В 1796 году они были объединены в состав Кавказской инспекции, подчинявшейся астраханскому генерал-губернатору. Главной задачей любой инспекции (всего их было 13 — Брестская, Днестровская, Кавказ-

ская, Крымская, Литовская, Лифляндская, Московская, Оренбургская, Санкт-Петербургская, Сибирская, Смоленская, Украинская, Финляндская) являлось обеспечение квартирования, снабжения, обучения и передвижения войск в мирное время. Для ведения боевых действий создавалась Действующая армия или армии, разделенные на полевые корпуса, пехотные и кавалерийские дивизии, в состав которых назначались и входили части и соединения, приписанные к разным инспекциям. Исключение из этого правила составляли Кавказская, Оренбургская и Сибирская инспекции, войска из состава которых в Действующую армию не назначались, поскольку несли гарнизонную и пограничную службу в отдаленных местностях империи. Иными словами, главной задачей войск этих трех инспекций было не наступление, а оборона⁴⁷. Поэтому если они и задействовались в локальных военных конфликтах исключительно приграничного характера, то только в составе сводных военных отрядов, численность которых была в разы меньше общего количества войск инспекции.

По состоянию на начало 1802 года в Кавказскую инспекцию входили Кавказский гренадерский, Кабардинский, Казанский, Саратовский, Суздальский, Тифлисский мушкетерские, Астраханский гарнизонный, 16-й, 17-й и 19-й егерские полки, а также морской батальон Каспийской флотилии, Кизлярский и Моздокский гарнизонные батальоны с приданной им артиллерией (впоследствии к ним прибавились вновь сформированный в 1803 году Вологодский мушкетерский полк, а также Белевский, Севастопольский и Троицкий мушкетерские полки, переведенные из состава Крымской инспекции). Каждый из перечисленных выше полков имел трехбатальонный состав. Таким образом, общая численность пехоты в Кавказской инспекции составляла 33 полевых и гарнизонных батальона. При этом не следует забывать, что в составе войск Кавказской инспекции находились три полка регулярной кавалерии и казаки. Поэтому

⁴⁷ Керсновский А. А. История русской армии: В 4-х тт. Т. I. Москва: Голос, 1992, с. 184; Кузнецов О. Ю. Гюлистанский договор: 200 лет спустя (Опыт исторического осмысления событий русско-персидской войны 1804–1813 годов и содержания Гюлистанского договора в контексте его 200-летия) // Кузнецов О. Ю. Центральный Кавказ: ретроспектива столкновения цивилизаций. Стокгольм: Издательский дом SA&CC Press, 2013. с. 62–63.

командирование в Грузию сначала двух батальонов егерей, а затем в 1799 году целого егерского полка задействовало для участия в операции около одной двадцатой части общего числа входивших в состав Кавказской инспекции войск. Следовательно, никакого «прорыва в Закавказье», как об этом пишут О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов, объективно не было, а имел место постепенный переход под власть двуглавого российского орла закавказских патриониальных владений, с каждой сменой правителя все более погружавшихся в пучину феодальной раздробленности.

Поскольку войсковые части Кавказской инспекции (наряду с Оренбургской и Сибирской) не назначались в состав Действующей армии, в ее организационно-штатной структуре не было предусмотрено существование тыловых учреждений Военного ведомства — критскомиссариатских продовольственных и вещевых складов на случай необходимости снабжения войск, находящихся вне мест своей постоянной дислокации, объединенных в бригады по дивизиям фуражгартских команд, обеспечивающих перевозки армейского имущества (боеприпасов, продовольствия, лечебно-санитарных средств) на подступах и непосредственно на самом театре военных действий, полевых лазаретов и аптек. По сути, каждый батальон или полк, отправляясь в командировку в Закавказье, уходил в неизвестность и должен был рассчитывать на местные источники снабжения или довольствоваться тем, что брал с собой (последнее, как правило, ограничивалось тем, что можно было унести на себе, а это было крайне скудно и обеспечивало передвижение в один конец). Иными словами, на рубеже XVIII и XIX столетий сама организация российских войск на Кавказе была устроена таким образом, что объективно не позволяла направить за Главный Кавказский хребет части или подразделения численностью более нескольких батальонов или полка егерей — легкой пехоты, не имевшей тяжелого вооружения. В Российской империи продовольственное и квартирное обеспечение войск являлось обязанностью местных органов дворянского самоуправления в уездах страны и находилось в ведении уездных комиссаров, обеспечивавших наряды, поступавшие им от частей армии. Грузинские территории не входили в состав России, поэтому создать там ранее присоединения их к империи логистическую и муниципальную ин-

фраструктуру не было никакой возможности, и по этой причине российские войска там были вынуждены питаться буквально подножным кормом. Эти военно-технические аспекты были явно неизвестны авторам книги «Дорога на Гюлистан...», иначе бы они не делали выводов и умозаключений, за которые им потом пришлось бы краснеть.

Забегая вперед, скажем, что переформирование Кавказской инспекции в две пехотные дивизии — 19-ю и 20-ю — произошло в 1807 году (на год позже остальных инспекций Европейской части России) в условиях Узун-Килисского перемирия, когда закончился первый этап русско-персидской войны 1804–1813 гг. Эта реорганизация позволила трансформировать организационное устройство и переориентировать систему снабжения войск на Кавказе с оборонительной модели на наступательную, и только с этого момента может идти речь о том, что продвижение Российской империи за Главный Кавказский хребет приобрело характер целенаправленной военно-политической экспансии, агрессии или вторжения. Ранее этого времени военная доктрина России и соответствующая ей организационная структура вооруженных сил даже не предполагала перспективной возможности завоевания Закавказья, что является самым надежным и объективным доказательством того, что до навязанной России войны с Персией 1804–1813 гг. политика России в отношении Закавказья не имела экспансионистского содержания и характера. Произошедшая трансформация материальной основы военной доктрины в отношении региона была обусловлена характером и содержанием событий военного времени, имела «догоняющий» характер и стала следствием приспособления к изменившимся местным условиям. Поэтому мы вполне объективно можем говорить о том, что на рубеже XVIII и XIX столетий российское высшее военное командование не предполагало ведения на кавказском направлении активных наступательных действий по причине ориентированности располагавшихся здесь войск на ведение оборонительной или позиционной войны.

К сожалению, авторы книги «Дорога на Гюлистан...», имея в своем распоряжении богатую коллекцию источников по истории российской дипломатии, не удосужились сопоставить со-

державшиеся в них планы и проекты с реальными военно-техническими возможностями отечественных вооруженных сил того времени. О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов в своей книге весьма объективно пишут о том, что любое направление в Картли-Кахети тактических групп российских войск обрекало их на голод и дезертирство, вследствие чего представляло собой крайне неэффективное с военной точки зрения действие. Численность и боевые возможности этих тактических групп прямо указывают на то, что на них возлагались обязанности по отражению нападений сравнительно малочисленных вооруженных групп (партий, отрядов) мусульманских горских народов (главным образом, лезгин) на приграничные территории Картли-Кахети, на отражение которых у местного грузинского дворянства по причине его занятости в местных партийно-династических междоусобицах оставалось все меньше сил и времени. На всем протяжении последней четверти XVIII века Россия оказалась втянута в перманентную феодальную войну, беспрестанно полыхавшую на всем пространстве Западного Закавказья. Впрочем, аналогичные явления в то время происходили и в бывшей Речи Посполитой, и в Северном Причерноморье. Разница между этими европейскими областями и Западным Закавказьем заключалась в том, что польско-литовские земли несли в себе потенциальную материальную выгоду (как военно-стратегическую, так и социально-экономическую), овладение землями Крымского ханства сулило в будущем безопасное развитие хозяйства всех европейских губерний России, а овладение Закавказьем не несло в себе никакой прямой или эвентуальной политической и тем более экономической выгоды. Именно поэтому Картли-Кахетия не представляла для Российской империи интереса ни в виде союзного, ни в виде вассального, ни в виде полузависимого государства. После смерти Георгия XII перед ней стояла дилемма — или быть расчлененной между ханствами Северного Азербайджана в составе Персидского шахства, или превратиться в Тифлисскую губернию Российской империи. Истории было угодно распорядиться так, чтобы был реализован второй вариант развития событий, причем выбор этого пути всецело зависел от России, и он был сделан в острой полемике между сторонниками и про-

тивниками этого шага. После этого российская политика на Кавказе приобрела ярко выраженный колониальный характер, хотя об этом авторы рецензируемой книги предпочли деликатно умолчать.

Присоединению Грузии к России хронологически предшествовало два военно-политических события, о характере и содержании которых авторы рецензируемой книги предпочли сказать мельком или даже вообще умолчать. Речь идет о походе корпуса генерал-аншефа графа В. А. Зубова в Восточное Закавказье в 1796 году, описанию которого О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов отвели страницу текста, и так называемом «Индийском походе» казаков Всевеликого войска Донского 1800 года, о котором в книге «Дорога на Гюлистан...» вообще не сказано ни слова. Обстоятельства этих двух военных кампаний хорошо известны благодаря их многочисленным описаниям⁴⁸, а поэтому нам нет смысла повторять известные факты и оценки (или полемизировать с последними). Вместе с тем хотелось бы обратить внимание читателей на обстоятельства, которые выпали из поля зрения авторов известных публикаций и исследований на эти две темы, причиной чего явилось недооценка или непонимание и даже пренебрежение ими военно-технических аспектов этих военных кампаний. В первую очередь мы в очередной раз должны сказать об отсутствии в российских войсках, расквартированных на

⁴⁸ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 5-ти тт. Т. III, с. 65–204; Дубровин Н. Ф. Поход графа В. А. Зубова в Персию // Военный сборник. Т. 95, № 2, 1874, с. 204–218; Мамедли Э. М. Карабахская сага: В 2-х тт., М.: Новости, 2010–2011. Т. I. От Петра до Павла. М.: Новости, 2010, с. 143–148; Мамедова Г. Н. О походе В. Зубова в Азербайджан в 1796 г. Баку: Элм, 2003; Письма императора Павла к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову 1-му // Русская старина, 1873, т. VIII, с. 409–410; План похода в Индию в том виде, в котором он был договорен между Бонапартом и Павлом I // Русская старина, 1876, т. XV, с. 216–217; Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт., Т. I, с. 285–296; Проект русско-турецкой экспедиции в Индию. 1800 // Русская старина, 1873, т. VII, с. 401–409; Радожицкий И. Т. Историческое известие о походе российских войск в 1796 году в Дагестан и Персию под командою графа Валериана Александровича Зубова // Отечественные записки, 1827, ч. 31. № 87, с. 128–168; № 88, с. 267–315.

Северном Кавказе, службы тыла как таковой и о снижении в связи с этим их маневренности и боеспособности.

Академик-секретарь Императорской Петербургской академии наук генерал-лейтенант Н. Ф. Дубровин в своем ставшим хрестоматийным сочинении так описывал условия начала похода корпуса графа В. А. Зубова 1796 года: «Суровая и холодная зима, несвойственная тамошнему климату, и непрестанные вьюги были причиной остановки. Подножного корма вовсе не было; запасы провианта и фуража оказались весьма ограниченными, и поэтому двигаться далее было невозможно. Граф Зубов возвратился в Кизляр, чтобы принять безотлагательные меры для обеспечения войск продовольствием. Подвижной магазин не был сформирован и не мог быть переведен через реку Терек ранее 16-го апреля по причине недостатка фур и волов как перевозочного средства. Хотя для закупки их и были разсланы комиссионеры в разные места России, но по полученным от них сведениям в первой половине апреля могла быть переведена через реку Дон только третья часть волов и фур, и, следовательно, они могли прибыть на Линию только в конце мая. Направленные из внутренних губерний рекруты для выполнения обязанностей погонщиков также не прибыли и ожидались не прежде июня месяца. Поэтому, чтобы не остановить экспедицию до наступления жаров, Гудович собрал сколько можно было ногайских арб и нанял фуры частных лиц с обязательством платить им помесячную плату. Сбор этих подвод и погрузка провианта также требовали времени, и поэтому, как ни торопился граф Зубов выступить в поход, он не мог этого сделать ранее 18-го апреля. Только к этому дню при усиленной деятельности Гудовича могла быть сформирована часть магазина, назначенного следовать за армией»⁴⁹. Данная цитата достоверно отображает два принципиально важных обстоятельства, адекватное восприятие и осознание которых позволяет понять в исторической ретроспективе характер и содержание исторических реалий, в которых происходило завоевание Россией Западного Закавказья и территории современного Азербайджана в первом десятилетии XIX века.

⁴⁹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 5-ти тт.

Во-первых, российские войска на Кавказе в указанное время объективно не имели сколько-нибудь организованной системы снабжения боеприпасами, продовольствием и логистическими (перевозочными, инженерно-дорожными) средствами, а поэтому эффективность и успешность их боевой деятельности на новом для них театре военных действий всецело зависела от возможности использования местных ресурсов снабжения.

Во-вторых, возможность доступа к местным ресурсам всецело зависела от лояльности местного населения к своим местным правителям и пришедшим для их покорения и подчинения российским войскам и его готовности обеспечивать бытовые нужды и потребности русских солдат и офицеров. Хорошо известно, что российские войска в Закавказье в первой четверти XIX столетия никогда не прибегали к реквизициям или насильственному захвату в своих целях имущества мирных граждан: продовольствие, фураж, перевозочные средства, предметы одежды всегда покупались ими за серебряные деньги, что обеспечивало готовность основной массы местного населения к коллаборационизму в пользу российских войск в военное время. Жители Дагестана, Грузии, а впоследствии — и североазербайджанских ханств весьма охотно нанимались в отряды русской армии на вспомогательные или нестроевые должности нукеров (погонщиков, перевозчиков), шорников, проводников, маркитантов, ремонтников, тем самым выполняя функции службы тыла войск и обеспечивая боеспособность российских солдат. Коллаборационизм местного населения и его индифферентная пассивность в оказании поддержки своим местным феодальным властителям была основной и даже определяющей причиной, по которой российская военно-политическая экспансия в Закавказье (как Западное, так и Восточное) имела успех. По сути, присоединение Грузии и Азербайджана к России свелось к преодолению сопротивления представителей двух-трех десятков фамилий князей, ханов, агаларов или беков и нескольких тысяч их сторонников на фоне полной индифферентности к этому процессу основной массы местных жителей. Выявление, объяснение и характеристика социальных, культурологических или политических причин такого положения дел не входит в предмет или задачи нашей рецензии, поэтому мы толь-

ко ограничимся констатацией данного факта и указанием на то, что авторы книги «Дорога на Гюлистан...» в своем осмыслении исторического материала не смогли подняться до уровня его осознания.

Дополнительным доказательством объективности приведенных выше умозаключений служит история так называемого «Индийского похода» весной 1801 года казаков Всевеликого войска Донского, еще известного в историографии как «Оренбургский». Не пересказывая известных событий и фактов, укажем, что при своем движении на Юг казаки должны были питаться и фуражироваться за счет местного населения. Достигнув границ Саратовской губернии, предыдущий сельскохозяйственный год в которой по причине засухи оказался неурожайным, казаки вместе с местными крестьянами сразу же начали голодать, что привело к падежу строевых и вьючных лошадей. История этой военной авантюры наглядно показала, что успех или неуспех действий или просто передвижения войск, не имеющих организованного тылового снабжения, всецело зависит от ресурсной емкости театра военных действий и лояльности местного населения, открывающего или закрывающего доступ к продовольствию и фуражу.

В связи с этим вызывает удивление и даже изумление факт, что до сих пор ни один из исследователей тематики российской военной экспансии в Закавказье в первой четверти XIX столетия не обратил внимания на боевые потери частей Российской Императорской армии, понесенные ими на данном театре военных действий, хотя статистические данные об этом хорошо известны благодаря труду генерал-майора А. Л. Гизетти «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг.». Его подсчеты (А. Л. Гизетти являлся заместителем начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа) показали, что за 10 лет войны в Закавказье с 1803 по 1813 год, со дня начала осады Гянджи 2 декабря 1803 года и до штурма Ленкорани 1 января 1813 года, боевые потери российских войск составили 87 офицеров и генералов, 2209 солдат и унтер-офицеров убитыми, и соответственно 223 и 5007 ранеными и 12 и 769 взя-

тыми в плен⁵⁰ (и это — за 10 лет практически непрерывных боевых действий в войнах против Персии 1804–1813 и Османской империи 1806–1812 годов). За это же время на Северном Кавказе боевые потери войск составили: офицеры и генералы — 61 убиты, 114 ранены, 5 пленены; нижние чины — 1617 убиты, 2724 ранены, 342 пленены⁵¹. Эти цифры свидетельствуют о том, что интенсивность боевых действий по обе стороны Главного Кавказского хребта была приблизительно одинакова, но на Северном Кавказе война шла против местного населения, которое отказывалось подчиняться власти Российской империи, тогда как в Закавказье — против внешних неприятелей (османов и персов) в условиях или полной поддержки со стороны местного населения, или полного равнодушия с его стороны к военным усилиям, победам и неудачам войск всех трех противоборствующих сторон. Иными словами, местному населению Закавказья, оставшемуся в живых после похода Али-Мохаммет-хана на Карабах и Тифлис в 1795 году, в первой четверти XIX века было абсолютно безразлично, в подданстве какой страны ему находиться, иначе боевые потери российских войск в Закавказье были бы несоизмеримо выше. Если бы это было не так, то оно вполне могло подняться на партизанскую войну на коммуникациях русских войск по примеру того, как это было на Северном Кавказе, нанося российским воинским контингентам потери, практически равные тем, которые они несли в сражениях и боях против персов и османов. Однако ни в Западном, ни в Восточном Закавказье примеров активного инсургентства против российских войск история не зафиксировала, тогда как массовые примеры коллаборационизма — в достаточном количестве. Даже окончившийся разгромом отряда русских войск под командованием генерал-майора В. С. Гулякова поход против Джаро-Белоканских вольных обществ лезгин 1803 года был ответом не на их восстание, а на вполне мирный отказ платить дань, а само поражение экспедиции не было вос-

⁵⁰ Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901, с. 142.

⁵¹ Там же, с. 127.

принято лезгинами как начало партизанской войны против новой российской власти в регионе.

Поэтому «прорыв в Закавказье», о котором с пафосом пишут О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов в своей книге «Дорога на Гюлистан...», представлял собой триумфальный для России по геополитическим последствиям, но абсолютно ничтожный с военной точки зрения поход трех неполных полков российской пехоты, неполного полка кавалерии и нескольких батарей артиллерии по ханствам Северного Азербайджана, правители которых устали от междоусобной династической войны в Персии и сами в большинстве своем стремились перейти под власть более стабильного и могущественного северного соседа — Российской империи. В условиях европейской войны того времени поход подобного армейского соединения расценивался бы как диверсия — вспомогательное или отвлекающее действие, операция по тактической разведке местности, не влекущее за собой стратегических последствий. Однако в условиях Кавказа это было генеральное наступление, имеющее стратегическое и даже геополитическое значение для всего региона. На Кавказе любое событие или действие приобретало гипертрофированное значение, и эта особенность накладывала отпечаток на политику России в отношении этого региона. Географическая обособленность и локализованность Закавказья в оценках историков, считающих себя кавказоведами, стала причиной появления в их трудах идей «кавказоцентризма», весьма далеких для понимания прочими представителями исторической науки, отчего не все оценки и интерпретации фактов, встречающиеся в работах историков-кавказоведов, воспринимаются ими одинаково адекватно. Иллюстрацией этого может служить интерпретация О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым причин и событий, обусловивших и предшествующих насильственному включению Гянджи в состав Тифлисской губернии Российской империи.

Авторы книги «Дорога на Гюлистан...» на с. 284 пишут о том, что Гянджа «ранее входила в состав единого грузинского государства», а ее покорение князь П. Д. Цицианов обосновывал «целью воссоединения разрозненных грузинских земель». Ситуация с этим фрагментом книги является наглядным доказательством того, насколько

взгляды некоторых кавказоведов из МГИМО (У) МИД России и Международного института Новейших государств могут различаться с представлениями всех остальных профессиональных историков. Выше мы уже не раз обращали внимание читателей на полную титулатуру грузинского царя Ираклия II в ее воспроизведении на грузинском языке, которой он именовался при подписании Георгиевского трактата и о существовании и формулировке которой авторам рецензируемой книги, похоже, неизвестно. Согласно ей Ираклий II именовался «владетелем и повелителем» Гянджи, а не «наследственным владетелем», как это было в случае с Самцхе-Саатабаги, или «князем», как в случае с Казахом, Борчалы, Шамсадилем, Шеки, Ширваном. Данный титул предполагал наличие личной или ленной зависимости Гянджинского хана непосредственно от царя Ираклия, предполагавшей выплату дани, а не службы, но никак не его ханства от царства Картли-Кахети. Иными словами, Ширван и Шеки, судя по формулировке титулатуры грузинского царя, должны были быть от него более зависимы де-юре, чем Гянджа. Со смертью Ираклия II феодальная зависимость Гянджи от Тифлиса была прекращена сама собой, а поэтому требования князя П. Д. Цицианова к Джават-хану Гянджинскому о переходе в подданство Российской империи только на основании того, что он некоторое время тому назад был данником грузинского царя, вполне естественно было воспринято им как несоразмерное и противоречащее правовым обычаям. Вполне очевидно, что подобное требование было надуманным и имело целью получить отказ, чтобы потом, воспользовавшись им, мотивировать нападение, но где и когда сильнейший в мировой политике спрашивал мнение слабейшего и тем более считался с ним? Причиной похода русских войск на Гянджу было ее выгодное стратегическое срединное положение на Центральном Кавказе, а для придания легитимности ее завоеванию достаточен был любой, даже самый надуманный предлог. В этом качестве О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов назвали «воссоединения разрозненных грузинских земель», что мало соответствовало действительности, но полностью подходило для объяснения и обоснования акта агрессии.

Авторы рецензируемой книги, чтобы поднять значимость факта присоединения Гянджи к России, решили придать ему видимость эпичности, превратив заурядное боестолкновение в полномас-

штабную битву. Болезненная мания возвеличивания задним числом былых заслуг заказчиков всегда свойственна незадачливым пропагандистам и фальсификаторам истории. Подобный казус случился с авторами книги «Дорога на Гюлистан...» при цветастом описании ими осады и штурма Гянджи в декабре 1803 — январе 1804 года. Так, при описании столкновения на аванпостах авангарда русского отряда и защитников крепости 2 декабря 1803 года они, ссылаясь на сочинение придворного историографа графа В. А. Соллогуба «Биография генерала Котляревского», указывают буквально следующее: «В ходе борьбы за предместье противник потерял 250 человек убитыми, Цицианов — 70 человек убитыми и 30 ранеными, одним из которых и стал капитан Котляревский» (с. 290). Глупость этого утверждения любому исследователю, кто хоть раз профессионально занимался вопросами военной истории, видна с первого взгляда: число убитых в бою того времени, если дело не дошло до рукопашной схватки и ограничилось перестрелкой, из-за технических характеристик оружия не могло превышать число раненых в два с половиной (!) раза.

Данное обстоятельство потребовало перепроверки фактических обстоятельств появления этой ошибки, в результате которой выяснилось, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов кратно завысили потери сторон по количеству убитых в этой стычке. В работе А. Л. Гизетти «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг.» на с. 133 опубликован рапорт князя П. Д. Цицианова, в котором читаем: «с нашей стороны потеря одного дня составила в убитых 2-х гренадерах и 5-ти егерях, итого 7 человек, раненых: капитан 1 (им действительно был П. С. Котляревский — О. К.), унтер-офицеров 6, драгун 1, гренадер 10, егерей 8, волторнист 1, артиллеристов 4, итого нижних чинов 30 человек»⁵². Как мы видим, число убитых (как со стороны российских войск, так и со стороны защитников Гянджи) авторы книги «Дорога на Гюлистан...» по совершенно непонятной

⁵² Гизетти А. Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901, с. 142.

нам причине завысили в 10 (!) раз, указав при этом правильное количество раненых. Проверка источника, на текст которого они ссылались, также подтверждает факт фальсификации О. Р. Айрапетовым, М. А. Волхонским и В. М. Мухановым количества потерь, понесенных сторонами в первый день боев за Гянджу.

Любителям российской военной истории и профессиональным кавказоведам хорошо известно, что книга графа В. А. Соллогуба «Биография генерала Котляревского» в имперское время выдержала три издания. Впервые она увидела свет в 1854 году в Тифлисе и была выпущена типографией канцелярии Главного начальствующего на Кавказе, затем она была переиздана в Петербурге в типографии Карла Края в 1856 году, а в третий раз она была опубликована в 1901 году по инициативе и на средства Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Электронные версии всех трех изданий этой книги имеются в нашем распоряжении, но ни в одной из них мы не нашли тех цифр потерь сторон при занятии российскими войсками садов Гянджи в начале декабря 1803 года, которые приводят в своей книге О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов. Неужто они не понимали, что организовать подобную перепроверку данных может любой здравомыслящий человек, сколько-нибудь понимающий в технической стороне истории военного дела в первой четверти XIX века?

В итоге этого интеллектуального подлога у читателей книги «Дорога на Гюлистан...» могла произойти примерно следующая подмена представлений об исторических реальностях той войны. В действительности 2 декабря 1803 года головной дозор авангарда российских войск под командованием в то время еще капитана П. С. Котляревского попал в засаду и был обстрелян персидскими сарбазами из аванпостной цепи гарнизона Гянджи. Подоспевшие ему на выручку основные силы авангарда смогли опрокинуть персов, нанеся им урон, превосходящий потери головного дозора, и прогнать их внутрь стен крепости, чем дело и ограничилось. Завышение количества безвозвратных потерь в 10 раз должно было создать у читателя иллюзию того, что за сады Гянджи, голые и свободно простреливаемые в декабре, шла чуть ли не ожесточенная рукопашная схватка в течение целого дня, чего на самом деле в тот

день не было. Тем самым авторы рецензируемой книги стремились искусственно завысить значение Гянджи, являвшейся в 1803 году третьеразрядной пограничной крепостью, и сформировать у своих читателей превратное представление о том, что Российская империя в первой четверти XIX столетия на Кавказе только и делала, что всеми силами старалась освободить территории для последующего создания на них «Великой Армении». Увы, но подобный взгляд, столь милый сердцу спонсоров деятельности Международного института Новейших государств из рядов «Русско-армянского содружества», очень далек от исторической реальности того времени.

Особую остроту и пикантность этой ситуации придает тот факт, что тремя страницами позже, описывая результаты штурма Гянджи 4 января 1804 года, авторы книги «Дорога на Гюлистан...» дают правильное число потерь русских войск, которые при овладении крепостью потеряли убитыми 3 офицеров и 35 нижних чинов. Указанный диссонанс в цифрах наглядно демонстрирует градус неадекватности О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова при восприятии и интерпретации информации военно-исторического содержания. Или они всерьез думали о том, что потери войск, превосходящих противника в обученности и вооруженности, на дальних подступах к крепости должны быть обязательно в два больше, чем непосредственно во время штурма крепостных стен, защитники которых могут применить не только огнестрельное, но и холодное оружие в рукопашной схватке? Если это так, тогда зачем людям, не имеющим ни малейшего представления о военном деле, разрешать писать на темы военной истории, особенно если они являются старшими научными сотрудниками Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России? Хотя, впрочем, стоит ли удивляться таким «шалостям» со здравым смыслом после того, как авторами рецензируемой книги вполне серьезно была озвучена мысль о том, что Гянджа традиционно входила в состав «единого грузинского государства» (которое, к слову, в таком качестве впервые появилось на политической карте мира только в 1918 году).

Наличие у них проблем со здравым смыслом О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов в очередной раз продемонстрировали на с. 294 своего сочинения. Там они написали буквально

но следующее: «Цицианов после гянджинской победы собрался на Эривань. Эриванский поход, организованный князем весной 1804 г., означал уже лобовое столкновение с персидским правителем». Спрашивается, как понимать этот интеллектуальный пассаж? Получается, что взятие Гянджи, по мнению авторов книги «Дорога на Гюлистан...», «лобовым столкновением с персидским правителем» еще не являлось. Но так тогда понимать высказанную им десятью страницами ранее мысль о том, что «хан Гянджи, как персидский вассал, регулярно присоединялся к войскам шаха, шедшим на Закавказье и разорявшим его, в том числе и грузинские земли» (с. 284). Наверное, авторам книги «Дорога на Гюлистан...» сначала следовало бы определиться, чьим вассалом все-таки на самом деле был Джавад-хан Гянджинский — грузинского царя или персидского шаха. Подобные несостыковки и противоречия в логике текста наглядно свидетельствуют о том, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов подобны легендарному трехголовому змею, который своими противоречивыми и сумбурными действиями испоганил ранее торную «дорогу на Гюлистан» колдобинами ошибок, ухабами фальсификаций и зигзагами здравого смысла.

В очередной раз мы убеждаемся в этом, когда читаем текст книги «Дорога на Гюлистан...» на с. 299 и 300. На с. 299 ее авторы, ссылаясь на исследования Н. Ф. Дубровина, говорят о том, что в подчинении князя П. Д. Цицианова в начале 1804 года находилось 6810 штыков и 1400 сабель и шашек. Страницей позже они говорят, ссылаясь на этот раз уже на исследования П. О. Бобровского, что аналогичное количество войск было в распоряжении князя накануне его похода на Баку в 1806 году. При этом не вполне ясно: это была общая численность российских войск, действовавших на Кавказе во всех отрядах, или только той их части, которая находилась под непосредственным командованием князя П. Д. Цицианова, хотя второе предположение, исходя из авторского текста, кажется наиболее вероятным. Но тогда как его соотнести с содержанием фразы, которую мы читаем на с. 301, что после переформирования русских войск в Карабахе в июне 1805 года под командованием у Цицианова находилось «всего 2371 чел.». Спрашивается, могут и хотят ли авторы рецензируемой книги внятно объяснить читателям все перечисленные выше

противоречия в тексте своей работы? Для стороннего наблюдателя, вдумчивого и склонного к анализу, но лишённого серьёзных исторических знаний, подобные манипуляции с цифрами могут стать основанием подозревать авторов, как минимум, в неадекватности. Если к этому добавить, что за период с 1804 по 1806 год А. Л. Гизетти указал 21 сражение, бой или боевое столкновение, в которых русские войска несли потери, а А. С. Лацинский насчитал 36 сражений, боевых и боевых столкновений, сведения о которых были занесены в послужные списки офицеров, то получается, что описание событий русско-персидской войны 1804–1813 гг. в той версии, которая представлена в книге О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова, отличается сумбурностью, бессистемностью и отчасти фантазмагоричностью. Мы больше не будем утомлять наших читателей изображением всех глупостей, ошибок и фальсификаций, которые в изобилии присутствуют на страницах книги «Дорога на Гюлистан...». Приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы со всей определенностью сказать, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов явно сели не в свои сани: будучи хорошими источниковедами, они собрались писать политическую историю региона с элементами военно-исторического анализа событий, вследствие чего явили читателям глупость, пошлость и некомпетентность.

4. Тени «дороги на Гюлистан...»

Вместе с тем нельзя не обратить внимания еще на одно обстоятельство, напрямую соотносящееся с местом работы М. А. Волхонского и В. М. Муханова. Будучи старшими научными сотрудниками Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО (У) МИД России, в силу ведомственной принадлежности поля своей профессиональной деятельности они не могли не знать о том, что русско-персидская война 1804–1813 гг. явилась частью глобально-геополитического противостояния, до предела обострившегося в первой четверти XIX столетия.

Вторая половина XVIII столетия стала периодом завершения свободного расширения и временем начала размежевания сфер

геополитического доминирования основных империй того времени. Мир оказался объективно поделен на сферы влияния шести основных империй того времени — Австрийской, Британской, Османской, Персидской, Российской и Французской, причем ими оказались так или иначе поглощены или включены в сферы геополитического влияния все до этого формально самостоятельные «буферные зоны» в Скандинавии, Прибалтике, германских княжествах, на Балканах, в Северной Африке, Закавказье, Северной и Центральной Америке. Словом, состоялся первоначальный раздел мира, после чего человеческая цивилизация вступила в продолжающуюся до наших дней эпоху перманентного передела сфер геополитического влияния, когда на протяжении двух столетий за каждой локальной войной стоят интересы той или иной империи, стремящейся чужими руками ослабить позиции и влияние своего геополитического противника в том или ином регионе. Русско-персидская война 1804–1813 гг. стала одной из самых первых войн за передел мира, и в ней за спиной Персии стояли Великобритания и Франция, стремившиеся оттянуть в Закавказье из Европы как можно большее количество сил и средств Российской империи, чтобы тем самым ослабить ее стратегические возможности в Старом Свете.

Русско-персидская война 1804–1813 гг. стала логическим продолжением начавшегося в 1799 году глобального российско-британского противостояния, первопричиной которого стали неурегулированные разногласия из-за острова Мальты, несмотря на его географическую удаленность от Закавказья и Азербайджана. Предыстория этого конфликта достаточно занимательна и достойна того, чтобы рассказать о ней более подробно. Дело в том, что вскоре после восшествия на престол российский император Павел I объявил себя в 1797 году защитником древнейшего духовно-рыцарского ордена Европы — Военного Ордена Госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского, более известного сегодня как Мальтийский орден. Летом 1798 года Мальта без боя сдалась французским войскам Наполеона Бонапарта, в результате чего Мальтийский орден остался без великого магистра и без места, а его рыцари обратились за помощью к российскому императору Павлу I с просьбой о покровительстве в обмен на объявление его ве-

ликим магистром ордена. 16 декабря 1798 года Павел I был избран великим магистром Мальтийского ордена и сразу же потребовал от «императора французов» Наполеона Бонапарта освобождения острова Мальта, который был объявлен «губернией Российской империи». Бонапарт отказался удовлетворить претензии российского императора, что спровоцировало вступление России в 1-ю антинаполеоновскую коалицию и обусловило участие корпуса российских войск под командованием генерал-фельдмаршала (впоследствии — генералиссимуса) А. В. Суворова в легендарном Итальянском походе 1799 года, завершившемся не менее легендарным переходом через Альпы зимой 1799–1800 года. 5 сентября 1800 года англичане, воспользовавшись поражением войск Наполеона Бонапарта в Египте, заняли столицу Мальты Валлетту, после чего Павел I обратился к британской короне с требованием вернуть под юрисдикцию России «Мальтийскую губернию», но в очередной раз получил отказ. Поскольку Российская и Британская империи находились по разные стороны европейского континента, и по этой причине война между ними была практически невозможна, император Павел I решил 28 февраля 1801 года направить Донское казачье войско в полном составе в карательный поход против британских колоний в Индии, который из-за убийства императора в ночь с 11 на 12 марта 1801 года так и не был завершён⁵³.

Известия о намерении русских вторгнуться в Индию весьма обеспокоили британское правительство и способствовали возникновению соперничества между Россией и Британией за внутреннюю Азию, получившего впоследствии название «большой игры» (в британской традиции) или «турнира теней» (в российской традиции), при этом если первый термин все-таки в большей степени относился к борьбе за геополитическую гегемонию в Центральной Азии, то второй более подразумевал противоборство именно

⁵³ Безотосный В. А. Наполеоновские планы Павла Петровича // Родина. 2008, № 7, с. 56–62; Краснов П. Н. Поход в Индию // Русский инвалид, 1900, № 22–23; Митрофанов А. А. Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды. 1800–1801 гг. // Французский ежегодник 2006. М.: Наука, 2006. с. 184–190; Шильдер Н. К. Император Павел I. М.: Вече, 2009. с. 308–312.

в регионе Закавказья⁵⁴. Составной частью «большой игры» со стороны Великобритании стало заключение в Тегеране 12 шабана 1215 года хиджры, то есть 29 декабря 1800 года англо-персидских военного и торгового договоров (британские источники датируют их подписание 4 января 1801 г.), в подписании которых приняли участие от имени Британии капитан Джон Малькольм и от имени Персии — первый визирь Хаджи Ибрагим. Хорошо известно, что Дж. Малькольм был послан к Фатх-Али шаху британскими властями Индии с целью помешать сближению между Францией и Персией и предотвратить возможное использование территории последней в качестве плацдарма для нападения французов на Индию (чего добивалось французское правительство, направившее в Иран еще в 1796 миссию Оливье), а также с целью обезопасить английские владения в Индии от афганского вторжения. Согласно военно-политическому договору шах взял на себя обязательства послать войска в Афганистан в случае его нападения на английские владения в Индии и изгнать французов и впредь не допускать их в Персию. В обмен на выполнение этих обязательств Британия обязалась снабжать Персию военным снаряжением в случае, если он подвергнется нападению со стороны Франции или Афганистана. Данный договор был косвенно направлен и против России, которая считалась союзницей Франции после того, как британские войска захватили Мальту.

Заключение военного союза с Великобританией развернуло Персию, до этого времени нейтральную и даже дружественную, против России, подтолкнув ее к совершению целого ряда недружественных действий, главным из которых стало закрытие российской торговой фактории на острове Ашур-Адэ в Горанском заливе Каспия, известной в истории более под названием «Астрабадской». Конечно же, данное действие могло быть продиктовано не только сближением Персии и Великобритании и исполнением первой

⁵⁴ Леонтьев М. В. Большая Игра: Британская империя против России и СССР. М.: Астрель, СПб.: Астрель-СПб, 2012; Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012; Хопкирк П. Большая Игра против России. Азиатский синдром. М., 2004; Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. Oxford: Oxford University Press, 2001.

своих обязательств по торговому договору со второй, но и реакцией на переход правителей Грузии из вассальной зависимости Персии в подданство России, юридически оформленный 18 января 1801 года манифестом императора Павла I. В ответ на закрытие персидскими властями Астрабадской фактории император Александр I, взошедший на российский престол после убийства своего отца — императора Павла I во время дворцового переворота 11–12 марта 1801 г., издал 19 декабря 1802 года рескрипт на имя Главнокомандующего в Грузии генерал-лейтенанта П. Д. Цицианова об установлении монополии российской морской торговли на Каспии, оставив закавказским ханам возможность иметь исключительно флотилии рыболовецких лодок, причем такая возможность предоставлялась им «не по праву, но по снисхождению к тем провинциям, коим доставляется на них хлеб, и по тому уважению, что киржимы (местное название большой плоскодонной мореходной лодки, приспособленной для прибрежного плавания — *О. К.*) сии представлялись больше в виде лодок, нежели морских судов»⁵⁵.

Как мы видим, зима 1800–1801 гг. для истории Закавказья имела судьбоносное значение, превратив его в регион столкновения геополитических интересов четырех из шести существовавших в то время в мире империй, в результате чего Персия, подталкиваемая Великобританией, и Россия, подталкиваемая Францией, стремительно понеслись навстречу войне друг с другом, а ее театром военных действий волей судеб стала территория современного Азербайджана. Вполне возможно, не испытай на себе многовекторного внешнего влияния и даже давления, обе страны смогли бы избежать вооруженного конфликта и договориться между собой путем сравнительно мирного — без искусственного затягивания на целое десятилетие вооруженного конфликта — размежевания сфер влияния в Закавказье через лишение политического суверенитета и административной самостоятельности отдельных ханств, что и произошло впоследствии, но объективное наличие влияния Британии и Франции сделало свое дело, — русско-персидская война началась. При этом земли нынешнего Азербайджана

⁵⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 13-ти тт. Т. II, с. 789.

изначально не рассматривались сторонами в качестве приза победителя, — скорее, это была шахматная доска для участников «турнира теней» или «большой игры», в которой выигравшего ждал куда более лакомый и богатый куш — богатства Индии.

Русско-персидская война 1804–1813 гг. с военной точки зрения была «странной войной»: боевые действия то велись весьма активно, то вдруг прекращались на основании перемирия, то возобновлялись вновь, то утихали сами собой, то разгорались с новой силой. Ту войну в полной мере можно сравнить с костром, который, будучи однажды зажженным, некоторое время горит интенсивно, но по мере того, как дрова прогорают, постепенно угасает, переходя в тлеющие угли, и разгорается вновь только тогда, когда в сумраке ночи неведомая рука из-за пределов круга света, очерченного мерцающими тлеющими угольями, бросает на них свежую порцию дров. Складывается впечатление, что в начале боевых действий ни Персия, ни Россия не предполагали вести друг против друга масштабной войны и воспринимали столкновение в Закавказье как локальный пограничный конфликт, в который обе стороны оказались втянуты помимо своей воли. Да и о какой масштабной войне со стороны России в Закавказье в 1804 году могла идти речь, если численность Грузинского корпуса Российской Императорской армии по обе стороны Большого Кавказского хребта тогда едва насчитывала 10 тыс. человек? Общее число российских войск на Кавказе по состоянию на 1 мая 1805 года известно с точностью до человека: пехота насчитывала 42 штаб-офицера, 286 обер-офицеров, 755 унтер-офицеров, 326 музыкантов, 6055 рядовых, 883 нестроевых нижних чина, в кавалерии состояло 4 штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 57 унтер-офицеров, 15 музыкантов, 485 рядовых, 59 нестроевых, в казачьих полках и командах — 4 штаб-офицера, 29 обер-офицеров, 19 урядников, 5 писарей, 840 казаков⁵⁶, всего, не считая генералов, — 9888 человек. О какой планомерной агрессии такими силами против региона с многомиллионным населением могла идти речь? Но против воли участвующих в ней сторон война продолжалась целых 10 лет, и этот неопровержимый

⁵⁶ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. С. 437.

факт позволяет говорить нам о том, что посредством ее защищались отнюдь не российские или персидские интересы.

Хронологически русско-персидская война делится на две периода — до и после Узун-Килисского перемирия. Первый период войны, неразрывно связанный с именем князя П. Д. Цицианова, характеризуется стремлением русского командования на Кавказе нанести максимальный урон Каджарам, их родственникам и союзникам, а также вовлечь в орбиту российской геополитики в регионе всех противников этой новоявленной шахской династии. Начиная с лета 1804 года и до конца 1806 года российская военная администрация на Кавказе как бы «поляризует» южнокавказские ханства по четко сформулированному идеологическому принципу: за нас тот, кто против Каджаров, к тем же местным правителям современного Северного Азербайджана, кто не мог четко определиться со своей позицией в этом принципиальном вопросе, применялись различные меры принуждения, вплоть до убийства, как это произошло с Ибрагим Халил-ханом Джаванширом карабахским, но это было вполне в практике того времени (даже российский император Павел I был убит в результате дворцового переворота, субсидированного английским послом в Санкт-Петербурге графом Чарльзом Уитвортом). Если первый этап русско-персидской войны 1804–1813 гг. был, условно говоря, «антикаджарским», то второй этап, начавшийся в 1808 году, стал «антиперсидским», а его задача была определена как последовательное нанесение военно-стратегического и военно-технического поражения Персии и уничтожение или захват того военного имущества, которое поставлялось Персии ее европейскими союзниками, сначала Великобританией, затем наполеоновской Францией, затем — снова Великобританией.

События европейской политики оказывали самое непосредственное влияние на динамику русско-персидской войны 1804–1813 гг. Фетх-Али-шах и его сын Аббас-Мирза Каджары 10 лет подряд последовательно отстаивали в Закавказье геополитические интересы основных европейских конкурентов России на международной арене — Британской и Французской империй. Начиная в июне 1804 года военные действия против России, оба персидских правителя рассчитывали на продолжение британской военно-технической помощи, которая должна были им поступать

из колониальных владений Великобритании в Индии в соответствии с условиями политического и торгового договора между двумя странами от 4 января 1801 года. Он предусматривал поставку вооружения и боеприпасов в персидские войска для обеспечения их участия в отражении возможного нападения афганских племен на британские владения в Индии. Однако все полученное от англичан оружие и снаряжение было обращено Фетх-Али-шахом и Аббас-Мирзой против кавказских войск России, и когда все ранее полученные средства войны за два года боевых действий у них иссякли, и по этой причине было заключено Узун-Килисское перемирие, то они обратились вновь за военно-технической помощью к Великобритании, но в новых поставках вооружения и боеприпасов ему было отказано. Британские власти не хотели тратить свои материальные ресурсы на цели, не связанные с обеспечением владычества в Индии.

Тогда Фетх-Али-шах обратился за помощью к «императору французов» Наполеону Бонапарту, направив к нему своего представителя Мирзу Резу для скорейшего заключения франко-персидского союза. Договор об оборонительном и наступательном союзе был подписан 4 мая 1807 года в лагере Наполеона под Финкенштейном, после чего в Персию прибыла французская военная миссия в составе 70 чел. во главе с ген. Гарданом. По приезде Гардана шах ратифицировал договор и одновременно предоставил французам большие торговые льготы, а также широкие права и привилегии, но дальнейшему развитию персидско-французского военно-технического сотрудничества помешала геополитика: Наполеон Бонапарт 9 июля 1807 года заключил с Россией Тильзитский мирный договор, после чего отказался помогать правителям Персии в их войне против России, отозвав миссию генерала Гардана. К тому же британская колониальная администрация в Индии также приняла свои меры, чтобы минимизировать французское влияние в Персии, начав переговоры о возможности возобновления военно-технического сотрудничества Персии и Великобритании. В результате всего этого Персия от Франции не получила ничего. Кратковременное — всего на два месяца — франко-персидское сближение и расставание привело к прекращению действия Узун-Килисского перемирия, возобновлению боевых действий,

поражению персидской армии при Карабабе и захвату русскими войсками Нахичевани. Кампания 1808 года в очередной раз наглядно показала военно-техническую слабость Персидского шахиншахства и его неспособность вести войну своими силами и ресурсами без поддержки извне. После поражения при Карабабе боевые действия со стороны персов прекратились сами собой и возобновились вновь только через полтора года, как только Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза нашли новый источник пополнения своих арсеналов. Им в очередной раз стала Великобритания.

Дело в том, что Тильзитский мирный договор де-юре предусматривал совместные наступательные и оборонительные действия России и Франции против внешних врагов, в число которых в то время входили Великобритания и Персия. Его заключение таило в себе потенциальную угрозу для британского владычества в Индии (в частности, Наполеон еще с 1798 года грезил мечтой о походе в Индию), а поэтому в Лондоне было решено подстраховаться и снабдить Персию деньгами и средствами ведения войны для возобновления боевых действий против России — в то время союзницы Франции — в Закавказье. Оказание военно-технической помощи было оформлено в форме заключения договора «о союзе и дружбе», названного обеими сторонами «предварительным», который был подписан в Тегеране 12 марта 1809 года первым визирем Мирзой Мохаммедом Шафи и полномочным посланником Англии бригадным генералом Харфордом Джонсом. По договору шах обязался порвать отношения с Францией и другими враждебными Великобританию государствами, а она обязалась до окончания войны с Россией выплачивать Персии ежегодную субсидию в сумме 160 тыс. туманов и прислать военных инструкторов и оружие для иранской армии. В соответствии с этим договором в июне 1812 года в Персию прибыл английский генерал сэр Джон Малькольм с 350 британскими офицерами и унтер-офицерами, которые на кораблях доставили в Персию 30 000 ружей, 12 орудий и сукно на мундиры для сарбазов⁵⁷. Именно эти люди, вооружение и сред-

⁵⁷ Kaye J. W. The life and correspondence of major-general sir John Malcolm, from unpublished letters and journals: In 2 vol. London: Smith, Elder and Co., 1856. vol. 2, p. 625.

ства позволили Аббасу-Мирзе организовать последний в истории русско-персидской войны 1804–1813 гг. поход в Закавказье, который вполне успешно начался взятием в августе 1812 года Ленкорани и Аркивана, но бесславно закончился в октябре при Асландузе, причем в последнем сражении погибла или была взята в плен значительная часть британских военных советников, в результате чего российской стороне стали известны их имена и воинские чины.

Таким образом, мы с полной уверенностью можем говорить о том, что и на первом, и на втором этапе этой войны — и до, и после Узун-Килисского перемирия — персидские сарбазы воевали против российских солдат английским оружием и снабжались всем необходимым для участия в военных действиях на британские деньги, а поэтому мы можем считать Великобританию также полноценным участником этого вооруженного конфликта. По сути, война между Россией и Персией 1804–1813 гг. стала для Туманного Альбиона первой «дистанционной» колониальной войной, которую он вел, избегая прямого вооруженного столкновения, против своего главного геополитического конкурента на Европейском континенте — Российской империи, используя для его военного ослабления чужие вооруженные силы (повторно опыт «мягкого» вмешательства в чужую колониальную войну Британия использует против России в 1904–1905 гг., когда будет поставлять японскому военно-морскому флоту разведывательные данные и новейшие системы управления артиллерийским огнем). Персия, в свою очередь, стремясь восстановить утраченное ею влияние в Закавказье и воюя против России из последних сил, в реальности защищала отнюдь не свои интересы и совсем не интересы азербайджанского народа, а зорко охраняла с севера Индию — «Жемчужину британской империи» (как ее назовут англичане в 1857 году после подавления восстания сипаев).

Данное утверждение при всей своей кажущейся на первый взгляд фантазмагоричности не лишено здравого смысла. Хотя об этом сегодня не пишут, как не писали и в прошлые десятилетия в советских и российских (даже вузовских) учебниках истории, но в период с ноября 1807 по июль 1812 года Россия и Великобритания находились в состоянии войны, вызванной заключением франко-русского Тильзитского мирного договора, и имели

несколько морских боев в Атлантическом океане, Средиземном, Адриатическом, Баренцевом и Балтийском морях (видимо из-за того, что обе стороны не имели прямых военных столкновений на суше, то о существовании этой войны в России почему-то предпочли «забыть»). В частности, 3 мая 1808 года в южноафриканском порту Саймонстаун англичане задержали российский шлюп «Диана» под командованием В. М. Головнина, направлявшийся в Тихий океан для научных работ, в 26 августа в сражении в Рогервикском заливе Балтийского моря (в территориальных водах современной Эстонии) потопили российский 74-пушечный линейный корабль «Всеволод» и 3 канонерские лодки, 17 мая 1809 английская эскадра (3 линейных корабля, 4 фрегата и 1 бриг) напала на русский отряд капитана 1-го ранга Бычевского (5 линейных кораблей, 1 фрегат, 2 корвета) в Триесте, но получив отпор, ушла в море, 12 июня на пути из Ревеля в Свеаборг 44-пушечный британский фрегат «Сальсет» захватил 14-пушечный катер «Опыт» под командованием Г. И. Невельского (список военно-морских инцидентов может быть продолжен). Более того, это англо-русская война на море спровоцировала другую — сухопутную — войну между Россией и Швецией, завершившуюся присоединением к России в 1809 году по условиям Фридрихсгамского мирного договора Финляндии и Аландских островов на Балтике (не следует забывать, что Швеция начала войну против России не только под военно-дипломатическим давлением Великобритании, но и исполняя свои союзнические обязательства по отношению к Османской империи, с которой Россия в то время также находилась в состоянии войны). По сути, мы можем говорить о том, что персидско-английский Тегеранский договор от 12 марта 1809 года был направлен на организацию и материальное обеспечение южного сухопутного фронта англо-русской войны 1807–1812 гг. в Закавказье подобно тому, как это было проделано годом раньше англичанами в Скандинавии. Поэтому в последствиях русско-шведской 1808–1809 гг. и русско-персидской 1804–1813 гг. войн есть общая и вполне закономерная логика: за вооруженное отстаивание чуждых им британских интересов против России на сухопутном театре военных действий Швеция расплатилась потерей Финляндии, Персия — Азербайджаном.

Следует отметить, что после заключения Узун-Килисского перемирия Российская империя объективно не нуждалась в продолжении войны в Закавказье, поскольку получила все то и даже более того, на что могла рассчитывать и претендовать в начале этой кампании. Под ее юрисдикцию к концу 1806 года де-юре — в той или иной легитимной (или сравнительно легитимной) форме — перешли Карабах, Шемаха, Шеки, Шурагель, Баку, Тальши, не говоря уже о Гяндже. Этих территориальных приобретений было вполне достаточно для того, чтобы с полным правом считать этой войну победоносно законченной. Более того, политическая и военно-стратегическая обстановка в Европе настоятельно требовала скорейшего прекращения войны в Закавказье. Поэтому после расторжении Узун-Килисского перемирия мирные переговоры то возобновлялись, то прерывались целых 5(!) раз — сначала в 1810, а затем дважды в год в 1812 и в 1813 годах, что лишний раз свидетельствует в пользу нашего тезиса, что у той войны помимо Персии и России были и другие участники, которые не были заинтересованы в ее скорейшем прекращении.

О наличии влияния внешнего фактора говорит и характер боевых действий, которые вела персидская армия во второй период войны, начиная с 1808 года. Принц Аббас не вел организованного наступления в целях захвата и удержания за собой тех или иных ханств современного Северного Азербайджана, все его наступательные действия по своему характеру представляли собой походы или набеги, главной задачей которых было не добиться коренного военно-стратегического преимущества в войне, а лишь сковать силы русских войск и заставить их задержаться на закавказском театре военных действий как можно более долгое время. Складывается впечатление, что для Фетх-Али-шаха и Аббаса-Мирзы главным делом было собрать новую ополченческую армию, вооружить ее и бросить в бой, нимало не заботясь о том, к каким последствиям это приведет, и это обстоятельство вполне определенно позволяет говорить о том, что война против России была для них своего рода игрой, процессом, а не средством достижения результата. Персидских правителей явно не интересовали качество подготовки и боеспособность собственных вооруженных сил, которые в сравнении с русскими войсками были крайне низки, они явно не

желали проводить в этом направлении никаких преобразований, стремясь задавить противника количеством войск. Персия, обладая в 1809–1812 гг. достаточной военно-технической помощью со стороны Великобритании, так и не смогла (или не захотела?) провести модернизацию своей армии, сохранив средневековую тактику ведения боевых действий, основанную на грабительских набегах и угоне в рабство мирного населения; эти набеги сравнительно легко отражались регулярными российскими войсками, имевшими богатый опыт ведения войны такого рода, приобретенный в годы борьбы против Крымского ханства, Османской империи и горцев Северного Кавказа. Для грабежа безоружного населения персидским сарбазам не требовалось ни тактической подготовки войск, ни их боевого слаживания, ни воинской дисциплины, а без наличия этих компонентов регулярной организации вооруженных сил сколько-нибудь успешно противостоять войскам российского Грузинского корпуса они не могли.

Самым ярким и достоверным доказательством тому может служить анализ последствий штурма отрядом генерал-майора П. С. Котляревского Ленкорани в ночь на 1(13) января 1813 года. Всякому мало-мальски знакомому с теорией военного дела человеку известно, что атакующая сторона несет потери в три раза большие, чем обороняющаяся. Перед началом штурма Ленкорани численность русского отряда, включая самого генерала П. С. Котляревского, составляла 1761 человек, из них 6 штаб-офицеров, 57 обер-офицеров, 131 унтер-офицер, 37 музыкантов, 1530 рядовых, тогда как численность гарнизона Ленкорани оценивалась в 4000 сарбазов. В ходе штурма русские войска потеряли 341 человека убитыми и 609 ранеными, потери персов составили 3737 человек убитыми, и это — не считая утонувших при бегстве и жителей города⁵⁸. Если произвести элементарные арифметические подсчеты, легко можно прийти к выводу о том, что потери атакующих в том штурме русских были в 12 раз ниже, чем потери обороняющихся персов, что, в свою очередь, свидетельствует о том, что боеспособность русских войск была в 36(!) раз выше, чем персидских. Из всего сказанного выше

⁵⁸ Соллогуб В. А. Биография генерала Котляревского. 2-е изд. СПб.: Тип. К. Крайя, 1855. С. 152.

мы вполне определенно можем сделать вывод, что на втором этапе русско-персидской войны боевые действия приобрели характер методичного истребления Каджарами в горниле войны взрослого мужского населения Персидского шахиншахства или в угоду удовлетворению своих честолюбивых амбиций, или вследствие исполнения ими принятых на себя обязательств перед британскими и французскими спонсорами-союзниками.

Согласно условиям Финкенштейнского договора об оборонительном и наступательном союзе между Персией и Францией от 4 мая 1807 года, известного также как Каменецкий трактат (Traktat Kamieniecki), шах обязался порвать все политические и торговые отношения с Англией, объявить ей войну, склонить к этому же и афганцев и двинуть свою армию на английские владения в Индии, а также пропустить через Иран в Индию французские войска и снабжать их продовольствием. В соответствии с дополнительной секретной статьей к этому договору, появившейся после вступления французской миссии генерала Гардана в Тегеран 24 декабря 1807 года, персы уступали Наполеону остров Карек и предоставляли французам право устраивать военные фактории в Гомбруне и Бушире. Иными словами, Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза впервые в мировой истории разрешили иностранному государству создать в своих владениях экстерриториальные военные базы, на которые не распространялась персидская юрисдикция, создав тем самым дипломатический и юридический прецедент, позволивший впоследствии европейским колонизаторам и империалистам практически беспрепятственно распространять свое военно-политическое влияние на другие страны и народы, не подчиняя их формально своему господству. Разве такие действия Каджаров можно считать направленными на защиту национальных интересов персидского или азербайджанского народов?

Однако условия англо-персидских соглашений еще более не соответствовали задачам сохранения суверенитета Персии на международной арене. В частности, подписанием в Тегеране 29 декабря 1800 года торгового договора с Великобританией Каджары подтвердили и вновь закрепили за английскими и индийскими купцами на территории Персии все те льготы и привилегии, которые были дарованы им Зендами в соответствии

с англо-иранским соглашением 1763 года и оформлены фирманом Керим-хана Зенда, изданным 2 июля в Ширазе на имя английской Ост-Индской компании. Фирман предоставлял англичанам ряд важных преимуществ, включая право владения землей для создания укрепленных торговых факторий как в портах Персидского залива (в частности, в Бендер-Бушире), так и в других пунктах Персии, право свободной и беспошлинной торговли с единственным условием, что золото и серебро, вырученные от продажи английских товаров, не будут вывезены из Ирана, а будут обращены на закупку иранских товаров, монопольное право на ввоз шерстяных изделий, освобождение служащих английских факторий от уплаты всяких налогов и податей и др. В результате этого Персия превратилась не только в преференционный рынок сбыта продукции британской промышленности, но и допустила на свою территорию иностранные военные базы и торговые представительства, создав для них свободные экономические зоны. Фактически, Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза заложили основы концессионной экономической политики, отдав ресурсы своей страны в эксплуатацию предприимчивым людям из других стран, той самой политики, которой их потомки на шахском престоле будут придерживаться на протяжении более чем столетия вплоть до 1925 года, когда династия Каджаров в обстановке внутренней смуты, вызванной иностранным засильем, и внешней интервенции будет свергнута Резой Пехлеви. Но в полной мере последствия политики, заложенной Фетх-Али-шахом и Аббасом-Мирзой, будут окончательно преодолены и искоренены уже в Иране и только после «Революции 1357 года», более известной как Исламская революция 1978–1979 гг., главным результатом которой в экономической жизни страны станет национализация иностранной коммерческой собственности на территории страны, ликвидация концессий и переход всех природных ресурсов под юрисдикцию исламского государства. Как мы видим, народам Персии, впоследствии — Ирана, потребовалось 170 лет на то, чтобы осознать пагубность экономической зависимости страны от иностранного капитала, заложенной Фетх-Али-шахом и Аббасом-Мирзой Каджарами, и многие тысячи человеческих жертв, чтобы сбросить это ярмо со своей шеи. Интересно, какая судьба была бы уготована современ-

ному Азербайджану и его народу, если бы в войне 1804–1813 гг. верх одержали тщеславные и совсем непрозорливые Каджары, а не храбрые российские войска?

Гюлистанский мирный договор не был актом свободной воли России и Персии, который положил конец их взаимной вражде. Во многом он был навязан им извне и явился результатом внешнеполитической деятельности Британской империи, роль которой в событиях русско-персидской 1804–1813 гг. была чрезвычайно велика. Как известно, Гюлистанский мирный договор был заключен при посредничестве посла и полномочного министра Великобритании при персидском дворе сэра Гора Оусли (Уизли), который в июне 1812 года встретился в Тавризе с Аббас-Мирзой, во время которой он заставил наследного персидского принца начать очередные мирные переговоры с Россией. На тот момент продолжение войны в Закавказье Великобритании было невыгодно, поскольку полным ходом шли переговоры о заключении мира, и вскоре — 18 июля 1812 года — в городе Эребру, или Оребро (Швеция) Великобритания и Россия подписали мирный договор. Под давлением британского посла Аббас-Мирза начал переговоры, но вторжение Наполеона в Россию и захват им Москвы стали основанием для отзыва им мирных инициатив. Отказ Аббаса-Мирзы от мирных переговоров означал немедленное возобновление российскими войсками боевых действий, что привело к полному разгрому персидской армии в двухдневном сражении на Асландузских бродах 19–20 октября 1812 года, после чего мирные переговоры были вновь возобновлены. Чтобы «поторопить» персов с окончанием войны, в конце декабря против Тальшского ханства через Муганскую степь был направлен отряд генерал-майора П. С. Котляревского, который в ночь на 1 января 1813 года штурмом взял Ленкорань, перебив втрое превосходящий его по численности гарнизон. Финальную же точку в деле принуждения к миру Фетх-Али-шаха и Аббаса-Мирзы поставил полковник Тифлисского пехотного полка А. Б. Пестель, разгромивший со своими солдатами 30 марта 1813 года отряд эриванского сердара Гуссейн-Хана — последнее боеспособное соединение персидской армии в Закавказье — при селении Карабюрк на границе Нахичевани и Эривани. И только после этого Аббас-Мирза был окончательно

вынужден направить своих представителей под присмотром британского посла в Тегеране сэра Г. Оусли для проведения предварительных переговоров по подписанию мирного договора.

Британскому дипломату сэру Гору Оусли принадлежала исключительная роль в определении содержания текста этого международно-правового документа. Он являлся, наверное, лучшим специалистом по Персии среди британского дипломатического корпуса, несколько лет состоял переводчиком при персидском поселе в Лондоне Мирзе-Абул-Хассане, а 10 марта 1810 года был назначен экстраординарным послом и полномочным министром Англии при персидском дворе, после чего 18 июня с женой, братом Вильямом, английской миссией и Мирзой-Абул-Хассаном покинул Англию и в апреле 1811 года достиг Шираза. В ноябре 1811 года сэр Гор Оусли прибыл в Тегеран и был представлен Фетх-Али-шаху. 14 марта 1812 года после долгой дискуссии с Фетх-Али-шахом ему удалось подписать договор, за что персидский шах наградил его орденом Льва и Солнца с алмазами⁵⁹. В августе и сентябре 1812 года кавказский генерал-губернатор Н. Ф. Ртищев дважды направлял к Аббас-Мирзе парламентаров — сначала майора Попова и надворного советника В. И. Фрейганга, затем командира 19-й пехотной дивизии генерал-майора Ф. И. Ахвердова — с предложением возобновить мирные переговоры, но оба раза англо-персидские представители — мирза Абд-уль-Касим, сэр Гор Оусли и Роберт Гордон — отвергли их, потребовав безоговорочного ухода России из Закавказья⁶⁰. Но в это самое время в Тавриз пришло известие о заключении между Россией и Великобританией Эрзбруского мирного договора, и позиция сэра Гора Оусли диаметрально противоположно изменилась, превратившись из антирусской в русофильскую. Он стал с типичной британской настойчивостью и упорством требовать от Аббаса-Мирзы мира, как до того требовал от него войны, желая Персии при этом поражения в переговорах не меньше, чем желал его России на поле боя. Для этого он лично поехал в Тифлис, что-

⁵⁹ Price W. *Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolls*, by William Price. London, 1825. P. 84–86.

⁶⁰ Утверждение русского владычества на Кавказе: 1801–1901. Т. 2, с. 426, 428.

бы встретиться с Н. Ф. Ртищевым и обсудить с ним условия мира, которые затем будут навязаны персидскому шахскому двору. Позже такую тактику британской дипломатии министр иностранных дел и премьер-министр лорд Генри Джон Темпл Пальмерстон так охарактеризует в своей речи в Палате общин парламента 1 марта 1848 года: «У Англии нет постоянных врагов и постоянных союзников, у Англии есть постоянные интересы».

Именно сэр Гор Оусли сформулировал основные принципы Гюлистанского мира, базовым из которых стал *Status quo ad praesentem* — установление границ по линии оккупации. В результате этого Персия признала переход к России Дагестана, Картли, Кахети, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии и части современного Азербайджана — Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Дербентского, Кубинского, часть Талышского ханства. За услугу, которую он оказал России на дипломатическом поприще, готовя текст мирного договора между Россией и Персией, сэр Гор Оусли летом 1814 года в Санкт-Петербурге, куда он прибыл по пути из Тегерана в Лондон, был удостоен аудиенции у императора Александра I, во время которой российский монарх наградил его орденом Св. Александра Невского и пожаловал золотой табакеркой, украшенной бриллиантами, с собственным портретом, также помимо этого британский баронет был избран почетным членом Петербургской академии наук и получил благодарность от Государственной коллегии Министерства иностранных дел⁶¹. В 1825 году в Лондоне вышла книга Вильяма Прайса, секретаря и переводчика посольства сэра Гора Оусли в Персии «Журнал английского посольства в Персии» (полное название на английском языке — «*Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolls, by William Price*»), в которой он открыто и честно описал все перипетии и хитросплетения дипломатического закулисья русско-персидской войны 1804–1813 гг. и те усилия, которые прилагала Великобритания

⁶¹ Price W. *Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolls, by William Price*. P. 112, 114.

ния сначала по ее разжиганию, а затем по умиротворению. Как мы видим, в Британии не делали секретов их своих дипломатических побед, чего нельзя сказать о России во все периоды ее истории...

Несмотря на свою исключительную роль в деле заключения Гюлистанского мира сэр Гор Оусли оставался в большей степени «техническим исполнителем» дипломатических и военно-политических задач, которые во всем их многообразии поручал ему решать настоящий творец британской внешней политики в Передней Азии в то время сэр Роберт Стюарт, виконт Каслри, маркиз Лондондерри, британский военный министр и министр по делам колоний в 1807–1812 гг., министр иностранных дел Великобритании в 1812–1822 гг. Именно с его именем в британской истории связана идея ведения военных действий против Наполеона Бонапарта и его союзников силами третьих стран, сберегая тем самым людские ресурсы Великобритании и развивая ее военную промышленность. Для достижения связанных с этим задач он не стеснялся отдавать приказы на проведение военных провокаций и на начало боевых действий без предварительного объявления войны, самой известной среди которых стала англо-датская война, длившаяся с 14 августа по 21 сентября 1807 года. Миссия Г. Оусли также всецело была его инициативой, он же отдавал приказы на поставки британских вооружений армии Каджаров, он же распорядился кардинально пересмотреть отношение к России на закавказском театре военных действий после подписания Эрзбрусского мирного договора между Россией и Великобританией в июле 1812 года. Чтобы завершить политический портрет этого британского государственного деятеля, мы вынуждены вспомнить о том, как он завершил свои земные дни: летом 1822 года лондонскому высшему свету стала известна его приверженность педерастии, и он, опасаясь обвинений в содомии, за которое в то время в Великобритании полагалось пожизненное тюремное заключение, 12 августа в припадке мании преследования перерезал себе горло перочинным ножом. Согласитесь, поступок показательный для британской истории...

Р. Стюарт Лондондерри и Г. Оусли были истинными британскими дипломатами, а поэтому они составили предварительный текст Гюлистанского мирного договора таким образом, чтобы в будущем имелась возможность пересмотреть итоги русско-персид-

ской войны 1804–1813 гг. Дело в том, что ст. 4 договора относилась окончательное решение вопроса об установлении границы между Россией и Персией в Закавказье на усмотрение двусторонней комиссии по пограничной демаркации, не определяя при этом ее состава и сроков завершения работы. Российская администрация на Кавказе в лице генерал-лейтенанта Н. Ф. Ртищева, произведенного за заключение мира в генерала от инфантерии, не могла не заметить этой «мины замедленного действия», но ничего не могла ей противопоставить, поскольку объективно не имела в своем распоряжении достаточного количества войск, способных к продолжению войны (в 1813 году каждый русский пехотный полк на Кавказе в своей составе насчитывал по 200–250 штыков при 10–15 офицерах). Персидская сторона, лишенная на время из-за событий в Европе британской военно-технической помощи, также не имела сил и средств для продолжения войны, а поэтому должны были удовлетвориться наличием в договоре положений, предполагающих реальную возможность обострения в будущем пограничных противоречий, которые в случае необходимости могли превратиться в *casus belli* — предлог для объявления состояния войны. Таким образом, мы вполне определенно можем говорить о том, что Гюлистанский мирный договор в 1813 году только остановил войну в Закавказье, но не принес в этот регион мир.

Деятельность российско-персидской комиссии по демаркации границы была завершена только в 1818 году благодаря миссии командующего Кавказского корпуса генерала от артиллерии А. П. Ермолова в Тавриз, и только после этого текст договора был официально опубликован. Все предыдущие четыре года Персия, поддерживаемая Великобританией, вела дипломатическую борьбу за пересмотр его условий, настаивая на возвращении к границам 1801 года. Иными словами, Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза Каджары были готовы отдать России территорию современной Грузии, но в обмен вернуть под свою юрисдикцию земли нынешнего Азербайджана. Однако в лице А. П. Ермолова персидская и стоящая за ее спиной британская дипломатия нашли ярого поборника российских интересов в Закавказье, генерала, чье имя было прославлено на полях сражений всех антинаполеоновских войн, и только в силу этого граница зоны российской оккупации не сдвинулась

к северу ни на метр. В результате этого самые негативные последствия Гюлистанского мира испытало на себе бывшее Талышское ханство, оказавшееся разделенным надвое между Персией и Россией, его северная часть с Ленкоранью вошла в состав российских владений, в южная часть с Астарой осталась за Персией⁶².

Взаимные территориальные претензии и пограничные споры между Россией и Персией были выгодны Великобритании, которая, воспользовавшись ими, продолжала расширять и усиливать свое влияние на Каджаров. Зримым проявлением и результатом этого процесса стало заключение в Тегеране 25 ноября 1814 года очередного англо-персидского договора, на этот раз — «о вечном мире», в основу которого был положен «предварительный» договор от 12 марта 1809 года. Согласно его условиям Фетх-Али-шах и Аббас-Мирза Каджары принимали на себя обязательства аннулировать договоры и союзы со всеми враждебными Британии европейскими государствами; не пропускать в Индию войска европейских держав через территорию Персии; принудить правителей Хорезма, Бухары и Самарканда не пропускать в Индию войска европейских государств через их территории; послать персидские войска на помощь англичанам, в случае если между Афганистаном и Британской Индией возникнет война; приглашать военных инструкторов для своей армии только из Англии или из дружественных ей стран. В свою очередь Великобритания обязывалась в случае нападения на Иран какой-либо европейской державы (такой страной в силу географического положения могла быть единственно Российская империя) оказать Ирану помощь присылкой войск из Индии или выплатой ежегодной субсидии в размере 200 тыс. туманов; добиться пересмотра русско-персидской границы, установленной Гюлистанским мирным договором; не вмешиваться во внутренние дела Ирана и не занимать какие бы то ни было части его территории; не вмешиваться в войну между Ираном и Афганистаном в случае её возникновения. Как легко заметить, англо-персидский договор «о вечном мире» 1814 года имел ярко выраженную антирусскую

⁶² Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях: В 3-х тт.. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1836. Т. 3. С. 175–176.

направленность и исходил из стремления британского министра иностранных дел Р. Стюарта Лондондерри держать Россию на возможно далёком расстоянии от границ Британской Индии. По сути, в первой четверти XIX века британский истеблишмент мало интересовали российско-персидские противоречия или исторические судьбы ханств Северного Азербайджана, он был обеспокоен безопасностью богатств своих индийских колоний, которые должны были подвергаться эксплуатации во имя мирового господства британской короны. И в этом — вся суть закулисья Гюлистанского мира.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Похвала глупости (в подражание Эразму Роттердамскому)

Академическая рецензия на книгу, которая содержит исключительно указания на погрешности, ошибки, неточности, подлоги фактов и профессиональную некомпетентность ее авторов, неизбежно превращается в памфлет. Памфлет против невежества, глупости, интеллектуальной пошлости, беспринципности, отсутствия чувства элементарного самоуважения у людей, называющих себя представителями российской исторической науки, которые, прикрываясь дипломами кандидатов исторических наук и статусом сотрудников МГУ им. М. В. Ломоносова и МГИМО (У) МИД России, цинично позволяют себе создавать писания, мало похожие на научные монографии, но подпадающие под категорию произведений устного народного творчества — мифов и сказок.

Поэтому памфлет как специфический жанр литературного творчества обязательно должен иметь экспрессивную и ярко выраженную обличительную направленность, обычно сопровождаемую идеологическим или политическим подтекстом. Но текст рецензия на книгу, которые ее авторы и издатели громко именуют коллективной монографией, с позиций норм академического этикета не может нести в себе оценочных характеристик в адрес ее авторов и должен быть посвящен исключительно критическому разбору ее содержания. Однако «Дорога на Гюлистан...» относится к числу таких сочинений, критический разбор содержания которых невозможен без оценки и характеристики тех сил или той закулисы, которая спонсировала написание, издание, рекламу

и распространение этой книги, а также структуры, являвшейся организатором и идейным вдохновителем этого дела, которая гордо именуется Международным институтом Новейших государств.

Рецензируемая книга является плодом коллективного труда и коллективной воли, а поэтому памфлет в адрес ее авторов и издателей объективно приобретает политический подтекст и даже характер. Однако совмещение, а тем более подмена науки политической и политическим прагматизмом в одном тексте противоречит этическим канонам российской исторической науки, не говоря уже о более высоких религиозно-нравственных принципах. Именно поэтому мы сочли своим долгом обособить этот памфлет от основного текста рецензии, вынеся его как бы «за скобки», вместе послесловия. В завершении своей книги, подражая Эразму Роттердамскому, мы решили высказать свое «Похвальное слово глупости» авторам книги «Дороги на Гюлистан...». Это позволит читателю, не желающему знать наше мнение об О. Р. Айрапетове, М. А. Волхонском и В. М. Муханове, а также о Международном институте Новейших государств, прекратить чтение и сразу же перейти к ознакомлению с составленным нами библиографическим списком печатных источников и литературы по истории политики России в отношении Закавказья во второй половине XVIII — первой четверти XIX века. Думаем, так будет честнее...

На наш взгляд, О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов, написав и издав книгу «Дорога на Гюлистан...», сделали все возможное и даже невозможное, чтобы дискредитировать в глазах своих коллег-историков не только себя, но также и ее заказчиков из Международного института Новейших государств и спонсоров из «Русско-армянского содружества» и партии «Дашнакцутюн». Они умудрились сделать и вынести на суд читателя последствия действий, которые отличают профессионального историка от краеведа-дилетанта, исследователя — от компилятора, ученого — от графомана. Сложно представить себе другую книгу, которую будут помпезно называть «коллективной монографией» и которая при этом будет так мало соответствовать данному определению.

Невеждами русские люди обычно называют несведущих, малообразованных людей, но публично демонстрирующих претензии на знание или профессиональную компетентность в опре-

деленной области деятельности. Невежество авторов «Дороги на Гюлистан...» наиболее выпукло проявилось при составлении ими списка литературы и источников, когда они исторические очерки, имеющие четко определенное авторство, помещали в один ряд со сборниками документов, путая тем самым источники и исследования. Разницу между двумя этими видами изданий студенты исторических факультетов не только классических университетов, но и педагогических институтов узнают обычно уже ко второму курсу. Но в нашем случае сразу три кандидата исторических наук, позиционируя себя в силу своего статуса чуть ли ни в роли экспертов, в реальности проявляют себя как полные невежды. Конечно, мы не сомневаемся, что в теории О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов знают, чем исторический очерк отличается от сборника документов и даже на экзаменах спрашивают знание этого со своих студентов.

Но это только в теории, а на практике в своей книге, звучно и претенциозно именуемой «коллективной монографией», они не делают никакого особого различия между ними, что наглядно продемонстрировала нам история с библиографическим описанием заголовков и содержания томов Сборника Императорского Русского исторического общества, публикаций из сборников «Русской старины» и целого ряда других изданий. Вследствие чего возникает вполне разумный и очень экспрессивный вопрос: неужто современная российская историческая наука и высшая школа настолько оскудела профессиональными кадрами, что на должности заместителей декана по научной деятельности, доцентов и научных сотрудников в МГУ им. М. В. Ломоносова и МГИМО (У) МИД России охотно берут невежд, не способных отличить исторический источник от исторического исследования?

Выше, в «Общих замечаниях», мы уже нашли единственно возможное рациональное объяснение этому факту, — при составлении списка источников и литературы большую часть книг и иных публикаций, названия которых О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов (или кто-то один из них) внесли в этот список, авторы «Дороги на Гюлистан...» никогда ранее своими глазами не видели, а заимствовали их из других печатных работ или электронных ресурсов. Это обстоятельство, как ни одно другое, объясняет

факт, что в рецензируемой книге отсутствует не только библиографический или источниковедческо-историографический обзор использованной литературы, но и введение в целом, поскольку нормальному человеку сложно объективно писать о том, чего в реальности никогда не видел.

Но тогда они поступили как глупцы, т. е. безрассудные и неразумные люди с ограниченными умственными способностями. Ведь они не могли не знать, а если и не знали наверняка, то не могли не предполагать, что абсолютно все указанные ими в списке источников и литературы издания в настоящее время размещены на тех или иных электронных ресурсах интернета, а поиск конкретного наименования книги или публикации в факсимильном воспроизведении занимает в современных условиях лишь несколько минут. Любое сомнение в отношении авторства или происхождения любого текста или его фрагмента при существующих ныне информационно-технических возможностях выявляется и рассеивается почти что мгновенно, в режиме реального времени, максимум — в течение получаса, а поэтому при пристрастном подходе, а ко всем изданиям под грифом Международного института Новейших государств в силу указанных в «Предуведомлении» причин мы относимся пристрастно, выявить ошибку, неточность или фальсификацию не составляет особого труда. Поэтому, зная обо всем этом, пойти на интеллектуальный подлог в списке источников и литературы, при этом прекрасно отдавая себе отчет в том, что он является частью научно-справочного аппарата монографии, по наличию и качеству составления которого в среде профессиональных историков в первую очередь оценивается качество издания, могли только безрассудные, лишившиеся чувства реальности и здравого смысла люди. Хотя подобной глупости может быть дано вполне разумное объяснение: из числа штатных сотрудников МГУ им. М. В. Ломоносова и МГИМО (У) МИД России с Международным институтом Новейших государств могут согласиться сотрудничать лишь самые настоящие, самые отъявленные глупцы.

Конечно, такому отношению авторов к качеству результата своего интеллектуального труда помимо универсальной и общечеловеческой глупости может быть и реально есть и другое объяснение, но уже лежащее в плоскости социально-политической, а не

бытовой, и название ему — цинизм. Этим словом семантические словари современного русского языка обозначают «откровенное, вызывающе-пренебрежительное и презрительное отношение к нормам общественной морали, культурным ценностям и представлениям о благопристойности, отрицательное, нигилистическое отношение к общепринятым нормам нравственности, к официальным догмам господствующей идеологии». Дескать, что нам до того, что многовековая академическая этика российской исторической науки требует от историка дифференцировать источники и исследования, — мы выше этого! Что нам до авторского права публикатора коллекции исторических документов на эту публикацию, предисловие к ней и безусловное соблюдение возникшего в связи с этим права указания авторства, — мы игнорируем его! Мы вольны в заголовок 45-страничной главы (речь идет о главе «„Диверсия” императрицы: отряд генерала Г. Г. Тотлебена в Грузии (1768–1774)») выносить событие, описанию которого не посвящено ни одной страницы текста, а характеристике состава его участников отведено только полстраницы, — нас не смущает абсурдность этого шага! Мы выше всех канонов и правил классической науки, а поэтому мы издаем свою книгу под эгидой Международного института Новейших государств, ибо ни одно другое научное учреждение или высшее учебное заведение России не способны оценить высоты полета нашей фантазии, глубины нашей мысли и гениальности ее выражения! Наш девиз: «Знать! Уметь! Сметь!». А поэтому мы смеем приписывать османам или персам поражения в сражениях, которых в действительности никогда не было!

Хотя, как нам думается, чувство экзальтированного или агрессивного цинизма в науке вряд ли присуще О. Р. Айрапетову, М. А. Волхонскому и В. М. Муханову, иначе бы они издали «Дорогу на Гюлистан...», проигнорировав все этические нормы и констелляции инстинкта самосохранения, используя для этого гриф МГУ им. М. В. Ломоносова или МГИМО (У) МИД России, сотрудниками которых являются. Но они этого не сделали, избрав для себя путь публикации книги под эгидой и на деньги спонсоров Международного института Новейших государств, ибо прекрасно осознавали, что любой иной вариант означает для них полное профессиональное фиаско, «волчий билет», с которым ни в один

уважающий себя вуз (не только государственный, но и частный) в России на порог не пустят. Следовательно, авторов «Дороги на Гюлистан...» отнюдь не следует считать циниками-нигилистами, ценящими лишь самих себя. Тем не менее они сделали то, что сделали, и это действие все-таки нуждается в своей дефиниции.

Для этого нам предстоит абстрагироваться от конкретно-научного подхода, используемого ранее, и взглянуть на вопрос под несколько иным — эстетическим — углом зрения. С позиций эстетики для характеристики содержания отрецензированной книги более всего подходит такое морально-эстетическое понятие, как «пошлость», характеризующее такой образ жизни и мышления, который вульгаризирует человеческие духовные и интеллектуальные ценности. О. Р. Айрапетову, М. А. Волхонскому и В. М. Муханову не свойственны полет мысли, горение духа, жажда поиска истины и исторической справедливости, наличие которых качественно отличает истинных профессиональных историков, дорожащих своей репутацией в научном мире, от их подражателей, которые видят в создании книг на исторические темы (в том числе интеллектуально низкопробных) исключительно источник личного материального благополучия. А поэтому им все равно, какая реакция последует на выход в свет их книги, какой будет реакция читательской аудитории на ее содержание. Они, подобно рабочим на сборочном конвейере, создали очередную единицу товара, которую заказчики (они же — спонсоры и издатели) будут продавать или навязывать под различными благовидными предложениями потребителям, и поэтому им совершенно безразлично, какой будет реакция со стороны конечного потребителя и будет ли она вообще. Они уже продали свое имя и статус, абы как слепили текст, выпустили его в тираж, получили и потратили гонорар, продлив жизненные блага и удовольствия еще на несколько месяцев жизни вперед. Теперь они ждут или уже исполняют очередной заказ «литературного негра», чтобы этот жизненный цикл повторился еще раз.

Именно только интеллектуальной пошлостью авторов книги «Дорога на Гюлистан...» можно объяснить тот факт, что они даже пальцем не пошевелили, чтобы привести в сравнительно благообразный вид список источников и литературы или синхронизиро-

вать заголовки глав с их содержанием, не говоря уже о сверке дат и фамилий участников событий. К слову, именно эта вульгарность и примитивность в первую очередь обратили на себя наше внимание, вызвали сначала интерес, а потом вполне объяснимое негодование, результатом которой стало создание этой пристрастной рецензии. Жаль только сознавать, что носители интеллектуальной пошлости в лице О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова в современной России преподают в элитарных вузах, чем дискредитируют отечественную историческую науку и девальвируют ценность российского высшего образования.

В «Предупреждении» к этой рецензии мы писали о том, что в минувшем году Международный институт Новейших государств осрамился, издав сборник статей С. Н. Тарасова «Мифы о карабахском конфликте», в котором были опубликованы фальсифицированные тексты архивных документов, связанных с историей российской дипломатии в Закавказье. Разоблачение фактов фальсификаций текстов архивных документов при их публикации тогда вызвало всплеск эмоций со стороны армянской общественности и гробовое молчание Международного института Новейших государств, в том числе и в отношении заказчика той публикации — «Русско-армянского содружества». «Дорога на Гюлистан...» по качеству содержания, тональности и характеру изложения материала очень близка «Мифам о карабахском конфликте», хотя тематика этих двух книг отстоит друг от друга почти на столетие, — все та же интеллектуальная пошлость, глупость, невежественность и отсутствие самоуважения у авторов. Все это в совокупности дает основание с высокой степенью вероятности предполагать, что рецензируемая книга также является информационным проектом армянской политической партии «Дашнакцутюн», являющейся главным заказчиком и спонсором деятельности Международного института Новейших государств (по крайней мере, в той части, которая касается финансирования работ по истории Закавказья). А если такое наше предположение верно, то оно вполне разумно и достаточно правдоподобно объясняет, почему «Дорога на Гюлистан...» полна ухабов и зигзагов здравого смысла, о наличии которых мы так долго и подробно говорили выше.

Есть еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание читателей: писать по заказу политических элит иностранных государств, обслуживая их внешнеполитические интересы, или по заказу аффилированных им юридических лиц, которые в соответствии с российским законодательством сегодня принято называть «некоммерческими организациями, выполняющими функции иностранного агента», соглашаются не все российские историки, а те из них, кто делает это, стараются не терять при этом своего доброго имени. Особенно те, кто делают это по патриотическим мотивам (Армения, как ни крути, сегодня является единственным сателлитом России в Закавказье). Все это возвращает нас к столь любимой нынешними российскими либералами фразе, произнесенной 7 апреля 1775 года в лондонском Литературном клубе доктором Самуэлем Джонсоном: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Возможно, ее автор был в чем-то прав, поскольку он не говорил о том, что это чувство и продиктованная им деятельность может являться прибежищем или оправданием для глупцов, невежд, пошляков и циников.

Следовательно, наличие патриотизма или чувства любви к какой-то иной стране помимо России для граждан нашей страны не может и не должно являться основанием, объяснением и оправданием глупости, невежества, интеллектуальной пошлости и цинизма. А раз это так, то возникает вопрос: что есть то другое, если исключить меркантильные интересы и чувство патриотизма, что заставило О. Р. Айрапетова, М. А. Волхонского и В. М. Муханова написать столь ничтожную во всех отношениях книгу? У нас есть ответ и на этот вопрос, но только при допущении того, что все они (или кто-то один из них, кто сделал основную работу) все-таки сохранили в своей душе остатки чувства самоуважения и профессиональной гордости за принадлежность к когорте российских историков.

Российской академической интеллигенции традиционно было противно и даже омерзительно вмешательство бюрократии, даже самой высокопоставленной, в дела науки. Чувство брезгливого пренебрежения к чиновничеству, очень часто тупому и чванливому, было присуще отечественной профессуре и во времена Российской империи, и во времена Советского Союза, и этот дух

не изжит и до сих пор, особенно в среде интеллектуалов-гуманитариев. Любой идеологически обусловленный заказ, особенно «на злобу дня», обычно выполнялся ими, но выполнялся без эмоционального подъема и энтузиазма, как говорится, «спустя рукава», отчего результаты такой работы по уровню качества никогда не шли ни в какое сравнение с монографиями и статьями, написанными от души или для души. Сегодня времена изменились, но отношение к такого рода работе все-таки осталось прежним. Поэтому мы особо не удивимся и даже обрадуемся, если вдруг окажется, что О. Р. Айрапетов, М. А. Волхонский и В. М. Муханов, получив от Международного института Новейших государств деньги на написание книги «Дорога на Гюлистан...», в реальности не желали ничего подобного делать, а просто в свое удовольствие валяли дурака и гнали халтуру, лишь бы хоть как-то «освоить» выделенные им средства, не особо утруждая при этом себя и свою совесть, в душе хохоча и глумясь над заказчиками.

Возможность такой ситуации достойна «немой сцены» финала гоголевского «Ревизора» и тех аплодисментов, которые обычно следуют после занавеса. К сожалению, свое презрение к заказчикам из Международного института Новейших государств и стоящего за его спиной «Русско-армянского содружества» они вольно или невольно перенесли и на всех остальных читателей книги, что с точки зрения этики абсолютно недопустимо. Поэтому мы, читатели, имеем полное право ответить им тем же. А если это так, то нам очень жаль, что мы порушили для них перспективную возможность обретения еще одной такой синекуры, а заодно — возможности поиздеваться в глубине души над богатыми, но совсем не умными заказчиками из Международного института Новейших государств и недалекими в интеллектуальном развитии спонсорами из «Русско-армянского содружества», оказавшимися не в состоянии отличить грубую кустарную подделку от истинного образца культуры и науки (это все равно что сравнивать между собой алмаз из Намибии и стразы от Сваровски — «бриллианты для нищих»).

Книга «Дорога на Гюлистан...» является вторым известным нам информационным проектом Международного института Новейших государств вслед за «Мифами о карабахском конфликте» С. Та-

расова, терпящим фиаско в результате научной критики с нашей стороны. Как известно, один раз — это случайность, два — тенденция, три — закономерность. Пока все мы являемся свидетелями тенденции в издательской политике этого учреждения, делающего ставку на выпуск книг с крайне низким качеством содержания. Мы не сомневаемся, что в нынешних условиях дефицита в России новых серьезных научных исследований по большинству аспектов отечественной истории подобный ход может иметь определенный маркетинговый и коммерческий успех, если, конечно, не последует организованного противодействия со стороны российской академической общественности.

Международный институт Новейший государств, несмотря на все свои громкие декларации и заявления, действует отнюдь не в национальных и государственных интересах России, формируя у ее граждан превратное и даже заведомо извращенное представление об истории своей страны. Мы не собираемся мириться с его деятельностью, поэтому будем и впредь выявлять и подвергать пристрастному критическому разбору наукообразные опусы, которые будут выпущены этим учреждением.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ
И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В ОТНОШЕНИИ ЗАКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Источники

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией:*
В 13-ти тт. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1866–1904.
- Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века:* В 2-х тт. / Под ред. А. Р. Иоаннесяна. Ереван: АН АрмССР, 1967.
- Архив Государственного совета* / под ред. Н. В. Калачова, П. М. фон Кауфмана, И. А. Чистовича, Г. Ф. Штендмана и др.: В 5-ти тт., 12-ти чч. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, Государственная тип. 1869–1904.
- Т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768–1896 гг. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1869.
- Т. II. Совет в царствование императора Павла I. 1796–1801 гг. СПб.: Государственная тип., 1888.
- Т. III. Совет в царствование императора Александра I. 1801–1810: В 2-х чч. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1878.
- Т. IV. Совет в царствование императора Александра I. 1801–1810: В 7-ми чч. СПб.: Государственная тип., 1889–1901.
- Архив графов Мордвиновых:* В 10-ти тт. / пред. и прим. В. А. Бильбаова. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901–1903.
- Архив князя Воронцова:* в 40 тт. / под ред. П. И. Бартенева. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1870–1895.
- Баторский А. А.* Проект экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру I

- в 1800 и в 1807–1808 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии: Издание военно-ученого комитета Главного штаба. Вып. XXIII. СПб.: Военная типография, 1886.
- Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837 / пер. с фр. О. В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012.
- Берже А. П.* Алексей Петрович Ермолов в его письмах к кн. М. С. Воронцову // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XLVIII. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1885, с. 523–550.
- Берже А. П.* История Россия, изложенная персиянином // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XXIV. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1879, вып. 1, с. 163–168.
- Билев Г. К.* Хроника Кавказских войск. Первое продолжение. 1895–1908. Тифлис: Тип. Наместника Кавказского, 1908.
- Броневский С. М.* Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, на Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича и доньне. СПб.: Ин-т востоковедения РАН, 1996.
- Броневский С. М.* Новейшие географические (статистические и этнографические) и исторические сведения о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2-х тт. М.: Университетская тип., 1823.
- Бурнашев С. Д.* Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 год / под ред. А. А. Цагарели. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901.
- Бутков Г. П.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: В 3-х чч. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1869.
- Выписки из журнала российского посольства в Персию 1817 года* // Отечественные записки. 1827. № 92; 1828. № 93–95.
- Гизетти А. Л.* Алфавитный указатель к 1–20 томам «Кавказского сборника». Тифлис: Тип. Наместника Кавказского, 1899.
- Гизетти А. Л.* Библиографический указатель напечатанным на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901.
- Гизетти А. Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаков отличий Кавказских войск / Сост. А. Л. Гизетти; под ред. В. А. Потто. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901.

- Гильденштедт И. А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770–1773. СПб.: Тип. Имер. Акад. наук, 1809.
- Документы к истории заключения Георгиевского трактата* / публ. М. Р. Рыженков, Ю. П. Кардашевич // Вопросы истории, 1983, № 7.
- Документы по истории Баку (1810–1917)*. Баку: Азернешр, 1978.
- Документы по русской политике в Закавказье*: Издание особой комиссии при МИД Азербайджанской республики. Вып. 1. Баку: Правительственная типография газеты «Азербайджан», 1920.
- Евецкий О. С.* Статистическое описание Закавказского края с присовокуплением статьи: Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII в. и сравнение оного с нынешним / сост. Орест Евецкий: В 2-х чч. СПб.: Тип. штаба Отд. Корпуса внутренней стражи, 1835.
- Журнал посольства генерала А. П. Ермолова*. М.: Университетская тип., 1863.
- Историко-географические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народов, и достопамятности древнего и нынешнего тех земель местоописания (с прибавлением двух географических карт)* / пер. с франц. Ф. Шишкевича: б. и., 1810.
- Кавказский вектор российской политики*: Сб. документов / сост. М. А. Волхонский, В. М. Муханов: В 2-х тт. М.–Тула: Наука; Гриф и К, 2011–2012.
- Т. I. XVI–XVIII вв. М.: Наука, 2011.
- Т. II. кн. I. 1762–1796. Тула: Гриф и К, 2012.
- Карта военных действий в Закавказском крае с 1809 по 1817 год, с границами по Гюлистанскому договору и Бухарестскому миру* // Аносов Н. С. Время Тормасова, Паулуччи и Ртищева, 1809–1817 гг. / под. ред. В. А. Потто. Тифлис: Тип. Канцелярии Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе, 1902.
- Карта Кавказского края с обозначением границ 1801–1813 г.*: сост. в военно-историческом отделе при штабе Кавказского военного округа подполковником Томкеевым. Тифлис: Тип. Наместника Кавказского, 1901.
- Кафтырев Д. М.* Исторические, географические и статистические сведения о Персии. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1829.

- Керим Ага Фатех.* Краткая история шекинских ханов / пер. А. Дадашев, Ф. Бабаев. Баку: Элм, 1958.
- Кортуа Н. М.* Русско-грузинские взаимоотношения во второй половине XVIII века. Тбилиси: Изд-во ТбГУ, 1989.
- Мартенс Ф.-Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15-ти тт., СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщений, 1874–1909.
- Материалы по истории русско-грузинских отношений* во второй половине XVIII века: В 3-х тт. / сост. В. Г. Мачарадзе, Г. И. Куталадзе, Г. Г. Жужунашвили. Тбилиси: Изд-во ТбГУ, 1988–2007.
- Мирза Адыгезал-бек.* Карабах-Наме / Пер. В. Н. Левиатова. Баку: АН АЗССР, 1950.
- Мирза Джамал Джеванишир Карабахский.* Тарих-и Карабаг / пер. Ф. Бабаева. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1989.
- Новая история Ирана:* Хрестоматия (собрание документов по истории Ирана в новое время). М.: Международные отношения, 1988.
- Переписка на иностранных языках* Грузинских царей с Российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1861.
- Письма императора Павла* к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову 1-му // Русская старина, 1873, т. VIII, с. 409–410.
- План похода в Индию в том виде,* в котором он был договорен между Бонапартом и Павлом I // Русская старина, 1876, т. XV, с. 216–217.
- Под стягом России:* Сб. архивных документов / сост. и комм. Г. Н. Герасимова, О. А. Грушкова, С. Н. Кистерев, А. А. Сазонов. М.: Русский мир, 1992.
- Поход князя Павла Дмитриевича Цицианова* в Карабахскую область // Аврора (Москва), 1806, т. III, № 1, с. 97–107.
- Проект русско-турецкой экспедиции в Индию.* 1800 // Русская старина, 1873, т. VII, с. 401–409.
- Присоединение Азербайджана к России* и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры / под ред. А. Н. Гулиева, В. Д. Мочалова. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1955.
- Присоединение восточной Армении к России:* Сб. документов: В 2-х тт. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972, 1978.

- Т. I. 1801–1813 / сост., коммент. Ц. П. Агаян, С. А. Тер-Авакимова, Д. А. Мурадян, В. А. Дилоян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972.
- Т. II. 1814–1830 / сост., комм. Ц. П. Агаян, В. А. Дилоян, А. В. Алексанянц. Ереван. АН АрмССР. 1978.
- Хаджи Сеид Абдул Гамид*. Родословная Шекинских ханов и их потомков / пер. Ф. Бабаев, Баку, Элм, 1958.
- Хроника Кавказских войск*: В 2-х ч. / Сост. А. Л. Гизетти; под ред. Н. Н. Чернявского. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1896.
- Хубов Е.* Описание достопамятных происшествий, в Армении случившихся в последние тридцать лет, т. е. от Патриаршества Симеонова (1779 г.) до 1809 года. СПб.: Типография И. Ионессова, 1811.
- Цагарели А. А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии: В 2-х тт. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1891.
- Т. I. С 1768 по 1774 год. С картой Закавказья 1771 года. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1891.
- Т. II. С 1774 по 1801 год: В 2-х чч. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1891.
- Цагарели А. А.* Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1890.
- Цинцадзе Г.* Материалы к истории русско-грузинских взаимоотношений (1782–1791) // Исторический вестник, № 23–24. Тбилиси: Архивное управление при совете министров ГрССР, 1970.
- Эзов Г. А.* Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством: Историческое исследование по неизданным документам. Тифлис: Тип. М. Мартиросянца, 1901.
- Эзов Г. А.* Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы, извлеченные из Московского Главного и Петербургского архивов Министерства иностранных дел, Австрийского придворного и государственного архива, Королевско-Баварского тайного государственного архива и других учреждений (Доложено в заседании историко-филологического отделения Императорской Академии наук 8 января 1897 г.). СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1898.

- [Юзефович Т. П.] Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал и издал Т. Юзефович. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869.
- Brydges H. J.* The dynasty of the Kajars, translated from original Persian manuscript. New York: Arno Press, 1973.
- Busse P. H.* History of Persia under Qajar rule, translated Hasan-e Fasai's "Farsnama-ye Naseri". New York: Columbia University Press, 1972.
- Freygang F. K.* Letters from the Caucasus and Georgia: the account of a Journey into Persia in 1812. London: John Murray, 1823.
- Kaye J. W.* The Life and Correspondence of Major-General Sir John Malcolm, G. C. G., late envoy to Persia, and governor of Bombay from unpublished letters and journals by John William Kaye. In 2 Volumes. London: Smith, Elder and Co., 1856.
- Kotzebue M.* Narrative of a Journey into Persia in the suite of Imperial Russian Embassy in the year 1817 (translated from the German). Philadelphia: M. Carey and son, 1820.
- MacDonald R.* Personal Narrative of Military Travel and Adventure in Turkey and Persia. Edinburgh: Adam and Charles Black, 1859.
- MacNeill J.* Progress and Present Position of Russia in the East. London: J. Murray, 1836.
- Malcolm J.* The history of Persia, from the early period to the present time: Vol. I–II. London: J. Murray, 1815.
- Morier J. A.* Journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1812.
- Morier J. A.* Second Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor to Constantinople between the Years 1810 and 1816. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1818.
- Osmanlı devleti* ile Azerbaycan Turk Hanlıkları arasındaki munasibetlere dair arşiv belgeleri, cilt I–II. Karabağ-Şuşa, Nahçıvan, Bakü, Gence, Şirvan, Şeki, Revan, Kuba, Hoy, (1575–1918). Ankara, 1992.
- Ouseley W.* Travels in Various Countries of the East, More Particularly Persia. Vol. I–III. London: Rodwell and Martin, 1819–1823.
- Porter R. K.* Travels in Georgia, Persia, Armenia, Ancient Babylonia, &c. &c. during the years 1817, 1818, 1819, and 1820. Vol. I–II. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown. 1821–1822.

Price W. Journal of the British Embassy to Persia, embellished with numerous views taken in India and Persia, also, a Dissertation upon the Antiquates of Persepolls, by William Price. London, 1825.

Исследования

- Абасов Ф. М.* Гарабагское ханство. Баку: Тахсил, 2007.
- Абдуллаев Г. В.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку: Азернешр, 1965.
- Абдуллаев Г. В.* Из истории северо-восточного Азербайджана в 60–80-е гг. XVIII в. Баку: Азернешр, 1958.
- Авалов З. Д.* Присоединение Грузии к России. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.
- Акопян Г. А., Осипов В. К.* Гюлистан: страницы истории. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
- Алиев Ф. М.* Азербайджано-русские отношения в XV–XVIII вв.. Баку: Элм, 1985.
- Андреев А. П.* Подарок солдату к 250-й годовщине 13-го Лейб-гренадерского Эриванского (бывшего Бутырского) полка. 1642–1892. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1892.
- Андреев А. П.* Заветы минувшего: Очерки истории и боевого прошлого 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 270 лет его существования. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1913;
- Аносов Н. С.* Время Торماسова, Паулуччи и Ртищева. 1809–1817. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1902.
- Атаев Х. А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX веках. М.: Наука, 1991.
- Багратион Д. П.* Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб.: Тип.-лит. Ю. А. Римана, 1901.
- Бакиханов А. А.* Гюлистан-и Ирам / ред., комм., прим., указ. З. М. Бунятова. Баку: Элм, 1991.
- Балаян Б. П.* Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединение Восточной Армении к России. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988.

- Балаян Б. П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967.
- Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов с 48 портретами: В 3-х тт. СПб.: Тип. III департамента Министерства государственных имуществ, 1840.
- Берже А. П.* Посольство А. П. Ермолова в Персию: Исторический очерк // Русская старина: Ежемесячное историческое издание, т. XIX. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1877, вып. 7, с. 256–273; вып. 8, с. 389–427.
- Бобровский П. О.* История 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет: В 5-ти тт., СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1892–1898.
- Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время: В 6-ти тт. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1869–1871.
- Боденштедт Ф.* Народы Кавказа и их освободительные войны против русских (1823–1831) / пер. с нем. М. Исаева. Махачкала: Дагест. книжн. изд-во, 1996.
- Борисов В. С., Сыцячко А. И.* Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1888.
- Брикнер А. Г.* Иллюстрированная история Екатерины II. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885.
- Брикнер А. Г.* История Екатерины II: В 3-х тт. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1885.
- Бурнашев С. Д.* Картина Грузии, или Описание политического состояния царств карталинского и кахетинского. Курск: б. и., 1793; То же. Тифлис: Издание К. Н. Бегичева, 1896.
- Бурнашев С. Д.* Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающем при Е. В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Темурадовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786. Курск: б.и., 1793.
- Бурнашев С. Д.* Описание горских народов, Курск: б. и., 1794.
- Бухлак Н. В.* Военно-дипломатическая деятельность государственных органов России по обеспечению приоритета в решении

- «восточного вопроса» в XIX веке: дис ... докт. ист. наук. М.: МПИ ФСБ России, 2006.
- Бушуев С. К.* Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20–70-е гг. XIX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Валлотон А.* Александр I. М.: Прогресс, 1991.
- Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой Империи: В 4-х тт. СПб.: Знание, 1910–1913.
- Вейденбаум Е. Г.* Закавказский поход графа Тотлебена в 1769–1771 гг. // Кавказские этюды. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1901, с. 146–193.
- Вешапели Г. Г.* Единство Грузии и русский протекторат. Русско-грузинский трактат 1783 года и союзный договор Карталино-Кахетии, Имеретии, Мингрелии и Гурии. М.: Университетская тип., 1917.
- Восточный вопрос во внешней политике России.* Конец XVIII — начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М.: Наука, 1978.
- Гаврилов М. И.* Солдатская памятка 108-го пехотного Саратовского полка. Вильно: Тип. А.Г. Сыркина, 1897;
- Гезалова Н. Р.* Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и исследований). Баку-М.: Институт истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана, 2010.
- Гизетти А. Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. / под ред. В. А. Потто, Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901.
- Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Питер, 2000.
- Грабовский С. В.* Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880). СПб.: Тип. Кисневеля и Балашова, 1883.
- Гренадерские и пехотные полки:* Справочная книжка Императорской Главной квартиры / под ред. В. К. Шенк, СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1909.
- Гулиа Д. Г.* К утверждению восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми: Алдиша, 1978.
- Гулиа Д. Г.* Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1975.

- Дамения И. Х.* Историография истории народов Кавказа XIX — начала XX века. М.: Знание, 1996.
- Дебидур А.* Дипломатическая история Европы 1814–1878: В 2-х тт. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
- Дегоев В. В.* Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов. Владикавказ: изд-во Северо-Осетинского ун-та, 1992.
- Дегоев В. В.* Большая игра на Южном Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2003.
- Дегоев В. В.* Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник русского исторического общества. М., 2000. № 2 (150).
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: В 3-х тт., СПб.: Питер, 1996.
- Джаванишир А.* О политическом существовании Карабахского ханства (с 1747 по 1805 г.). Баку: Изд-во АН АзССР, 1961.
- Доблесть нижегородца.* 1700–1901 г. Тифлис: Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1913.
- Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Дубровин Н. Ф.* Георгий XII — последний царь Грузии и Присоединение ее к России. СПб.: Тип. Д. В. Чичинадзе, 1897.
- Дубровин Н. Ф.* Закавказье от 1803–1806 года. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1866.
- Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: В 5-ти тт. СПб.: Тип. Департамента уделов, Тип. И. Н. Скороходова, 1871–1888.
- Дубровин Н. Ф.* Поход графа В. А. Зубова в Персию // Военный сборник. Т. 95, № 2, 1874. С. 204–218.
- Елисеева О. И.* Переписка Екатерины II и Г. А. Потемкина в период первой русско-турецкой войны (1787–1791 гг.): Историографическое исследование. М.: Русский архив, 1997.
- Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М.: Эксмо, 2000.
- Жигарев С. П.* Российская политика в Восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи):

- Историко-юридические очерки: В 2-х тт., М.: Университетская тип., 1896.
- Зеленева И. В.* Россия в системе международных отношений (XVIII — первая половина XIX в.): геополитический и геостратегический аспекты: дис ... докт. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2006.
- Зубов П. П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении: В 4-х чч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1834–1835.
- Зубов П. П.* Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. С присовокупление биографий важнейших замечательных лиц, действовавших в первое тридцатитрехлетие русского владычества за Кавказом: В 2-х тт. и 2 прил. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1835–1836.
- Зубов П. П.* Подвиги русских на Кавказе: От принятия генералом Ермоловым главного начальства над Кавказским краем, до начала последней Персидской войны. 2-е изд. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1837.
- Ибрагимбейли Х.-М.* Россия и Азербайджан первой трети XIX века: Из военно-политической истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969.
- Ибрагимова И. И.* Военно-дипломатический аспект деятельности России в Дагестане в контексте международных отношений в последней четверти XVIII — начале XIX в.: дис ... канд. ист. наук. Махачкала: ДПУ, 2010.
- Игамбердыев М. А.* Иран в международных отношениях первой трети XIX в. Самарканд: Изд-во Самарканд. университета, 1961.
- Иреванское ханство:* Российское завоевание и переселение армян на земли Северного Азербайджана / под ред. Я. Махмудова, Т. Мустафазаде, Г. Наджафли. Баку: Институт истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана, 2010.
- Искендерова М. С.* Азербайджано-русские отношения XVIII — начала XIX вв. в исторической литературе 20–80 гг. XX века. Баку: Элм, 2009.
- Исторический очерк Кавказских войн* от их начала до присоединения Грузии: К столетию занятия Тифлиса русскими

- войсками 26 ноября 1799 года / под ред. В. А. Потто. Тифлис, 1899.
- Казбек Г.* Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис: Тип. Моликова и К°, 1865.
- Керсновский А. А.* История русской армии: В 4-х тт. М.: Голос, 1992–1994.
- Киняпина Н. С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.
- Киняпина Н. С.* Внешняя политика России первой половины XIX в. М.: Наука, 1963.
- Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Кимшишев С. О.* Последние годы Грузинского царства. Тифлис: Тип. Козловского, 1898.
- Колянковский В. А.* Материалы для истории 107-го пехотного Троицкого полка, Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1875.
- Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX века. М.: Наука. 1983.
- Лацинский А. С.* Хронология русской военной истории. Хронологический указатель войн, сражений и дел, в которых участвовали русские войска от Петра I до новейшего времени. СПб.: Тип. департамента уделов, 1891.
- Левиатов В. Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку: Изд-во АН АзССР, 1948.
- Мамаев М. И.* Отношения политических образований Нагорного Дагестана с Россией в XVIII — начале XIX в.: дис ... канд. ист. наук. Махачкала: ДГУ, 2010.
- Мамедли Э. М.* Карабахская сага: В 2-х тт., М.: Новости, 2010–2011. Т. I. От Петра до Павла. М.: Новости, 2010. Т. II. Александр, Александр... М.: Новости, 2011.
- Мамедова Г. Н.* О походе В. Зубова в Азербайджан в 1796 г. Баку: Элм, 2003.
- Мамедова Г. Н.* Русские консулы об Азербайджане (20–80-е гг. XVIII в.). Баку: Элм, 1989.

- Мамедова И. М.* О причинах поздней ратификации Гюлистанского договора // Вопросы истории, № 4, 2008.
- Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения XVIII века. М.: Наука, 1966.
- Махлаюк Н. П.* Грузинцы в Закавказье: Боевая летопись 14-го гренадерского Грузинского генерала Котляревского полка. Второе столетие. 1800–1900. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1900.
- Месхия Ш. А., Цинцадзе Я. З.* Из истории русско-грузинских взаимоотношений. Тбилиси: Заря Востока, 1958.
- Мильман А. Ш.* Политический строй Азербайджана в XIX — начале XX века (административный аппарат и суд, формы и методы колониального управления). Баку: Изд-во АН АзССР, 1966.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: В 6-ти тт. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1845–1849.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844.
- Михайловский-Данилевский А. И.* Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1846.
- Мустафаев Дж. М.* Северные ханства Азербайджана и Россия. Баку: Элм, 1989.
- Мустафазаде Т. Т.* Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Б.: Элм, 1993.
- Муханов П. А.* Взятие Гянджи // Московский телеграф, 1825, т. V, с. 242–250.
- Надеждин П. П.* Кавказский край. Исторический очерк русского владычества на Кавказе // Весь Кавказ. № 1. Тифлис, 1903.
- Орлик О. В.* Россия в международных отношениях. 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М.: Наука, 1998.
- Орлов А. А.* Проблема нового мирового порядка в отношениях Великобритании и России в первой половине XIX века: дис ... докт. ист. наук. М.: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2009.

- Осли Э.* Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние. Пер. с фр. Е. Д. Богатыренко. М.: Плюс-Минус, 2008.
- Пасько Е. А.* Колонизационная политика России (вторая половина XVIII первая четверть XIX в.): дис. ... канд. ист. наук Ростов н/Д: РГУ, 2003.
- Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг.: В 3-х тт.: СПб.: Военная тип., Тип. В.С. Балашева, 1887.
- Т. I. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейндорф. СПб.: Военная тип., 1887.
- Т. II. 1808 и 1809 гг. Кн. Прозоровский и кн. Багратион. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887.
- Т. III. 1810, 1811 и 1812 гг. Гр. Каменский 2-й, кн. Голенищев-Кутузов и Чичагов. СПб.: Военная тип., 1887.
- Петрушевский И. П.* Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. Внутренний строй и борьба с российским колониальным наступлением. Тифлис: Заря Востока, 1934.
- Покровский С. А.* Внешняя политика и внешняя торговая политика России, М.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Потто В. А.* История 44-го драгунского Нижегородского полка: в 11-ти тт. СПб.–Тифлис, 1892–1908.
- Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5-ти тт., СПб.: Издание книжного склада В. А. Березовского, Тип. Е. Евдокимова, 1887–1889.
- Т. I. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1887.
- Т. II. Ермоловское время. СПб.: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1887.
- Радожницкий И. Т.* Историческое известие о походе российских войск в 1796 году в Дагестан и Персию под команду графа Валериана Александровича Зубова // Отечественные записки, 1827, ч. 31. № 87, с. 128–168; № 88, с. 267–315.
- Руир А. М.-Ф.* Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке / пер. Н. М. Сухотина. М.: Пролетарий, 1924.
- Русская военная сила:* Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней: В 11-ти тт. М.: Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°, 1888–1890.

- Рябиков А. Н.* Военно-дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX века: Дис ... канд. ист. наук. Армавир: АрГПУ, 2007.
- Савваитов П. И.* Взятие Анапы эскадрой Черноморского флота, под командою контр-адмирала С. А. Пустошкина в 1807 году. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1851.
- Смирнов К.* Русско-персидская война 1803–1813 гг. с персидской точки зрения // Известия штаба Кавказского военного округа. 1913, № 36.
- Смирнов Н. А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Изд-во соц.-полит. лит-ры, 1958.
- Смирнов Я. С.* Памятка 68-го пехотного Московского Его Величества полка. Холм, 1902.
- Смирнов Я. С.* История 68-го пехотного Московского Его Величества полка. 1642–1700–1890. Варшава: Тип. Г. Ю. Рундо, 1890;
- Соллогуб В. А.* Биография генерала Котляревского: Издание Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1901.
- Сыцянюк А. И.* К 200-летию юбилею 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1700–1900. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1900.
- Труайя А.* Александр I: Северный сфинкс. М.: Эксмо, 2008.
- Туманович Н. Н.* Европейские державы в Персидском заливе в XVI–XIX вв. М.: Наука, 1982.
- Утверждение русского владычества на Кавказе: К столетию присоединения Грузии к России. 1801–1901 / под ред. Н. Н. Беляевского, В. А. Потто: В 4-х тт.* Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, Тип. штаба Кавказского военного округа, 1901–1908.
- Т. I. Время Кнорринга, Цицианова и Гудовича. 1801–1809. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901.
- Т. II. Время Тормасова, Паулуччи и Ртищева. 1809–1817 годы. Тифлис: Тип. штаба Кавказского военного округа, 1902;
- Т. III. Время Ермолова и Паскевича. Тифлис: Тип. штаба Кавказского военного округа, 1906.
- Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

- Фадеев А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Фадеев Р. А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная тип. главного штаба Кавказской армии, 1860.
- Фелицын Е. Д., Щербина Ф. А.* Кубанское казачье войско и его атаманы. 1696–1896. Екатеринодар: Печатник, 1897.
- Халтуплишвили М. В.* Вступление Грузии в состав Российской империи. Кутаис: Тип. Киладзе и Хеладзе, 1901.
- Цагарели А. А.* Непререкаемые права Грузии на признание ее независимости и на восстановление ее государственных границ. Тифлис: б. и., 1919.
- Цагарели А. А.* Сношения России с Кавказом в XVII–XVIII вв.: Речь проф. А. А. Цагарели, читанная на годовичном Акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1891 года. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1891.
- Шабанов Д. Ф.* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка: В 3-х чч. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1871.
- Шабанов Д. Ф.* Краткая историческая записка о славном 13-м Лейб-гренадерском Эриванском Его Величества полке, составленная ко дню 25-летнего юбилея августейшего шефа полка. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1875.
- Шеваршидзе М. Л.* Краткая история 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка: Слово, сказанное учебной команде этого полка начальником ее штабс-капитаном князем М. Шеваршидзе. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1907.
- Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска: В 3-х тт., Екатеринодар: Печатник, 1910–1913.
- Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4-х тт. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897–1898.
- Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1901.
- Шишов А. В.* Схватка за Кавказ. М.: Вече, 2007.
- Шнирельман В. А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье / под ред. Л. Б. Алаева. М.: Академкнига, 2003.
- Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Восто-

- ке (от Французской буржуазной революции до Второй мировой войны). М.: Воениздат, 1951.
- Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб.: Тип. Р. Голике, 1888.
- Эсадзе С. А.* Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис: Тип. окружного штаба Кавказского военного округа, 1913.
- Юнусова Л. И.* Торговая экспансия Англии в бассейн Каспия. Баку: Элм, 1988.
- Якубова И. И.* Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений (XVIII – первая половина XIX в.): Дис ... докт. ист. наук. Нальчик: КБГУ им. Х. М. Бербекова, 2004.
- Янжунь Н. И.* Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. 1806–1886: Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе: В 2-х тт. Тифлис Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1887.
- Azərbaycan tarixi. Yeddi cilddə / Məsul redaktor Oqtay Əfəndiyev; AEA A. A. Bakıxanov adına Tarix İnstitutu, III cild. XIII–XVIII əsrlər. Bakı: Elm, 2007.*
- Azərbaycan tarixi. Yeddi cilddə / Məsul redaktor: Mahmud İsmayılov; AEA A. A. Bakıxanov adına Tarix İnstitutu, IV cild. XIX əsr. Bakı: Elm, 2007.*
- Atkin M.* Russia and Iran, 1780–1828. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980.
- Baddley J. F.* The Russian Conquest of the Caucasus. London: Longmans, 1908.
- Bakıxanov A. A.* Gülüstanı-İrəm. Bakı: Möminin, 2001.
- Bournoutian G. A.* The khanate of Erevan under Qajar rule 1795–1828. California and New York: Costa Mesa, 1992.
- Davudov Q. Ş.* XIX əsrin I otuzilliyində İran-Rusiya münasibətləri İran Tarixşünaslığında. Nam. dissert. avtoferat. AMEA Tarix İnstitutu, Bakı, 2006.
- Dəlili H. Ə.* Azərbaycan-Rusiya münasibətləri fars və azərbaycandilli sənədlərdə. Bakı: Elm, 1976.
- Əliyev F., Həsənov U.* İrəvan xanlığı. Bakı: Şərq-Qərb, 2007.

- Hertslet E.* Treaties concluded between Great Britain and Persia, and Persia and other foreign powers. London: Butterworths, 1891.
- Kurat Akdeş Nimet.* XVIII yüzyılın sonundan kurtuluş savaşına kadar Türk-Rus ilişkileri (1798–1919). Ankara: Türk Tarih Kurumu. 2011.
- Lockhart L.* Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London; Luzac & Company, 1938.
- Məmmədova A. Ə.* Cəfər-Balakən camaatlığı (XVII əsrin sonu — XIX əsrin 30-cu illəri). Bakı: UniPrint, 2009.
- Mustafazadə T. T.* XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində Osmanlı-Azərbaycan münasibətləri. B.: Elm, 2002.
- Perry J. P.* Karim Khan Zand (1747–1779). Chicago and London, 1979.
- Ramazani R. K.* The foreign policy of Iran. A developing nation in world affairs (1500–1941). Virginia, 1966.
- Watson R. G.* A History of Persia from the beginning of the nineteenth century to the year 1858. London: Smith and Elder. 1866.
- War and Peace in Qajar Persia.* Implications past and present. Edited by Roxane Farmanfarmanian. New York: Routledge, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ	14
1. Лакуны композиционной структуры	14
2. Неопределенность хронологических и географических рамок книги	20
3. Неадекватность библиографии книги	31
ЧАСТНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	63
1. Ложь и полуправда об экспедиции графа Г.-К.-Г. Тотлебена в Западное Закавказье	63
2. Как авторы книги замалчивают историю российской дипломатии эпохи императрицы Екатерины II	92
3. Начало XIX века: зигзаги и ухабы «дороги на Гюлистан...»	123
4. Тени «дороги на Гюлистан...»	145
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ ЗАКАВКАЗЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА	177
Источники	177
Исследования	183

Олег Кузнецов

**«Дорога на Гюлистан...»:
ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО УХАБАМ ИСТОРИИ**

Научное издание

*Рецензия на книгу О. Р. Айранетова,
М. А. Волхонского, В. М. Муханова
«Дорога на Гюлистан...
(Из истории российской политики
на Кавказе во второй половине XVIII —
первой четверти XIX в.)»*

Формат 60×84/16. Печ. л. 12,25.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 64.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru